Волгоградская региональная благотворительная общественная организация
Клуб ЮНЕСКО «Достоинство ребенка»

БЕЗОПАСНАЯ ШКОЛА: СТОП НАСИЛИЕ

СБОРНИК СТАТЕЙ О ПРЕОДОЛЕНИИ ШКОЛЬНОЙ ТРАВЛИ ИЛИ БУЛЛИНГА

ВОЛГОГРАД
2010

Издание осуществлено
Волгоградской региональной
благотворительной общественной организацией
КЛУБ ЮНЕСКО «ДОСТОИНСТВО РЕБЕНКА»

в рамках благотворительного проекта

«БЕЗОПАСНАЯ ШКОЛА: СТОП БУЛЛИНГ»

при финансовой поддержке
Программы малых грантов
Фонда The BEARR Trust

Распространяется бесплатно

В издании частично использованы материалы, разработанные коллективом Ворошиловского отдела социально-психологического сопровождения образовательного процесса МОУ ЦПК Волгограда, переданные участникам семинара «Профилактика жестокого обращения в отношении несовершеннолетних» для открытого использования

СОДЕРЖАНИЕ

1.	Вступление. Об издании и проекте «Безопасная школа: стоп насилие»	4
2.	Дэвид А. Лэйн. Школьная травля (буллинг).	6
3.	И.С.Кон. Что такое буллинг и как с ним бороться?	22
4.	А.Фоминова. Школьная травля.	30
5.	А.Баркан, М.Битянова. Ребенок бывает "кусачий"	37
6.	Е.Н.Ожиёва . Буллинг как разновидность насилия	42
7.	И.Бердышев. Лекарство против ненависти.	45
8.	Буллинг в школе: что мы можем сделать? http://1001.ru/arc/issue1672/	50
9.	К.Сальмивалли. Возможности использования сильных сторон групп сверстников для профилактики и предотвращения буллинга	55
10.	Буллинг как проблема современной школы. Сопроводительные комментарии к слайдам презентации «Буллинг как проблема современной школы»	59
11.	Защита прав и достоинства ребенка в законодательных актах (извлечения)	73
12.	Понятие о формах жестокого обращения с детьми и их влиянии на ребенка. Сопроводительные комментарии к слайдам презентации «Буллинг как проблема современной школы»	75

ВСТУПЛЕНИЕ

ОБ ИЗДАНИИ И ПРОЕКТЕ «БЕЗОПАСНАЯ ШКОЛА: СТОП НАСИЛИЕ»

Настоящее издание осуществлено Волгоградской региональной благотворительной общественной организацией Клуб ЮНЕСКО «Достоинство ребенка» в рамках благотворительного проекта «Безопасная школа: стоп насилие» в соответствии с Общенациональной кампанией против жестокого обращения с детьми в РФ.

Издание предназначено в первую очередь для педагогов школ - участниц проекта, а также для организаторов, воспитателей и других специалистов, работающих с детьми, родителей и широкого круга других заинтересованных лиц.

Издание является пособием для изучения проблемы школьной травли, иначе называемой буллингом, и определения путей ее решения. Издание представляет собой сборник статей и других информационных материалов российских и иностранных авторов о проблеме школьной травли, В материалах сборника даны определения понятия буллинга, разнообразная классификация явления, историческая справка о возникновении и распространенности буллинга, а также стратегия, законодательные нормы, методы работы и практические рекомендации по преодолению буллинга. Сообщаем читателям, что более обширная информация теоретического и практического характера представлена на иностранных языках на сайтах www.bullyonline.org/schoolbully/school.htm; www.stopbullyingnow.com; www.bullyingtalk.com и множестве других, а также на русскоязычных сайтах http://www.homekid.ru/bullying/index.html и пр.

Мы рассчитываем, что настоящее издание даст читателям возможность познакомиться с теорией и существующей практикой решения проблемы буллинга в России и в различных странах мира, увеличит ресурсы школы для преодоления насилия в детской среде, даст общую платформу развитию сотрудничества участникам проекта и поможет бороться с этой бедой в Волгоградских школах для наилучшего обеспечения интересов ребенка.

Проект «Безопасная школа: стоп насилие» создан Волгоградской региональной благотворительной общественной организацией «Клуб ЮНЕСКО «Достоинство ребенка» и реализуется в 2010 году в г.Волгограде. Проект поддержан Уполномоченным по правам ребенка в Волгоградской области, Комитетом по образованию администрации Волгограда, МОУ Центр повышения квалификации г. Волгограда, немецкой общественной организацией "Ost-West Trikster e.V.". Финансовую поддержку также оказывает международная программа малых грантов Фонда The BEARR Trust. Подобный проект реализуется в Волгоградской области впервые.

Целью проекта является предотвращения насилия, жестокого обращения, школьной травли (буллинга) среди детей в образовательных и социальных детских учреждениях г.Волгограда, что соответствует приоритетам Общенациональной кампании против жестокого обращения с детьми, которую проводит Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации Минздравсоцразвития РФ по поручению Совета при Президенте РФ (см. http://www.ya-roditel.ru).

Непосредственные участники проекта – ученики и родители, педагоги и психологи трех опорных школ г.Волгограда - МОУ лицея №6, МОУ СОШ №85, МОУ СОШ №86, имеющие значительный практический опыт по развитию миротворчества, мирному разрешению конфликтов в детской среде, включая успешную деятельность «Школьных служб примирения».

В ходе проекта будет создана общественно-государственная модель предотвращения школьной травли (буллинга) как формы жестокого обращения с детьми в опорных детских учреждениях г.Волгограда. Для этого будет изучена существующая практика по решению проблемы в России и в различных странах мира, издана информационная брошюра.

Проведен опрос детей, специалистов, родителей о распространенности проблемы и обучающий семинар с участием европейских экспертов.

Будет разработана стратегия и конкретная концепция и программа вмешательства (план альтернативных ненасильственных системных действий), обучен школьный персонал и актив детей технологиям восстановительной работы с преследователями и их жертвами.

В детском сообществе будет создана школьная Служба «Стоп насилие», проведены тренинги, круги, программы медиации для преследователей и их жертв. Для школьников будет проведен общешкольный форум «Безопасная школа», конкурс детских творческих работ (сочинений, игровых сценариев, рисунков, значков), организован просмотр и обсуждение художественного фильма «Чучело». Творческие работы детей будут изданы отдельной брошюрой.

По итогам проекта будет проведен Круглый стол для широкого круга представителей органов власти, образовательных учреждений, НПО и научной общественности. Опыт работы по проекту будет распространен среди заинтересованных структур.

Участники проекта уверенны, что в их учреждениях будет изменена практика реагирования педагогов и воспитателей на случаи насилия, снижен уровень агрессивности и насилия в детской среде, оказана помощь детям, вовлеченным в школьную травлю, по их реинтеграции в общество. Проект привлечет внимание администраций учреждений, органов власти, ученых и широкой общественности к повышению безопасности в детских сообществах и решению проблемы школьной травли (буллинга) как формы жестокого обращения с детьми.

Руоковдитель проекта И.С .Маловичко

ШКОЛЬНАЯ ТРАВЛЯ (БУЛЛИНГ)

Дэвид А. Лэйн

С чего начать? С вовлеченных в процесс

"Достаточно пройтись по школьным коридорам, чтобы ощутить атмосферу царящего там насилия; немыслимо заставлять сына там учиться".
(Родитель после посещения школы, в которой учится сын)

"Это школа для мальчиков. Издевательства здесь - обычное явление. Если ребенок не может к этому привыкнуть, его следует перевести в другую школу".
(Учитель этой же школы)

"В нашей школе учится мальчик, над которым часто издеваются, даже я позволяю себе это иногда, но только потому, что иначе сам пострадаю".
(Из письма в Фонд профессионального развития учителей)

"Травля, распространенная в ученической среде, вызывает у меня сильнейшее возмущение, в то же время я как учитель ничего не могу с этим поделать".
(Из письма в Фонд повышения квалификации учителей)

"В школе меня не любят, каждый день один из учителей и мои одноклассники издеваются надо мной. Я чувствую себя полным ничтожеством".
(Написав это письмо, Роберто 15 лет из Казер-та, Италия, взял отцовское ружье и застрелился: Basalisco, 1989)

Эти цитаты дают представление об остроте такой проблемы, как школьная травля, или буллинг (bulling), - сложного процесса, в котором есть жертвы, преследователи, взаимодействие между ними, а также позиция по отношению к происходящему взрослых и школы. Для понимания проблемы следует учитывать множество факторов, а не ограничиваться упрощенными представлениями о жестоком преследователе и его беспомощной жертве (например, о мальчике-слюнтяе). Невозможно разрешить эту проблему за счет ужесточения дисциплины, отстранения агрессоров от учебы или организации терапии для жертв травли. Любая стратегия вмешательства при школьной травле должна быть направлена на процесс в целом, если же исходить при этом из эмпирической модели буллинга, то эффективность вмешательства повышается.

В данной главе специалистам даются примерные рекомендации по созданию эмпирических моделей буллинга в каждом конкретном случае для выработки на их основе стратегии вмешательства. К сожалению, эта проблема пока изучена недостаточно, чтобы давать более определенные рекомендации. Многое известно об особенностях тех, кого принято именовать преследователями и жертвами; однако результаты последних исследований в этой области заставляют усомниться в правильности такого разделения, а значит и в полученных ранее выводах. Аналогичным образом, многие авторы концентрируют внимание на тех мерах, которые следует принять в отношении жертв или преследователей, практически игнорируя причинную роль школы и ее влияние на взаимоотношения между детьми, сопровождающиеся издевательствами. Авторы, пишущие на эту тему, пока не пришли к единому мнению о модели буллинга, хотя попытка создания такой модели предпринята Роландом (Roland,1989).

Публикации на тему школьной травли появились довольно давно (Dukes, 1905), но первыми систематически изучили проблему скандинавские исследователи, с рассказа о работе которых мы и начнем.

Введение

Первыми занялись изучением проблемы школьной травли несколько скандинавских исследователей (Heinemann,1973; Olweus, 1984; Pikas, 1975; 1976; 1989; Roland, 1983; 1988; 1989). Подходы к решению этой проблемы, которые были ими выработаны, постепенно получают признание в Великобритании.

Создается впечатление (Tattum, 1988), что национальные и местные органы образования и педагоги в Великобритании практически не уделяют внимания проблеме буллинга. Агрессивное поведение и прогулы уроков вызывают более выраженную тревогу у школьной администрации. Соответственно, исследователи в Великобритании недалеко продвинулись в изучении этой проблемы, во всяком случае по сравнению с Пикасом и его коллегами. Предпринимались разрозненные попытки привлечь к проблеме школьной травли внимание общественности (Orton, 1982). Были опубликованы результаты единичных случаев вмешательства (Lane, 1973; 1975), затем появились данные исследовательского проекта (Lowenstein, 1978). Отношение к проблеме изменилось с выходом в свет первой в Великобритании книги, посвященной травле (Tattum & Lane, 1988), а также работы Роланда и Мунте (Rolland & Munthe, 1989), содержащих описание общепринятых в других странах подходов к решению данной проблемы. Обе книги широко обсуждались в средствах массовой информации, как в самой Великобритании, так и за рубежом. Теперь уже никто не сомневается в существовании такой проблемы, как школьная травля, а призывы к выработке единой стратегии ее решения стали раздаваться даже от официальных лиц (Elton, 1989).

В ответ на возросший интерес общественности возникло множество идей о возможных видах вмешательства. Кроме того, коллектив исследователей из Шеффилдского университета получил государственное финансирование на продолжение своей работы, первые результаты которой были опубликованы в книге Роланда и Мунте. В центре внимания исследователей был вопрос о том, что делать с таким явлением, как школьная травля. При этом сравнительно меньше усилий было затрачено на понимание существа и причин возникновения проблемы. Для решения данной задачи применялся двухэтап-ный подход.

1. Проблема определена как...буллинг;
2. Решение заключается в... X, Y или Z (в зависимости от того, на кого направлено вмешательство).

Как было указано ранее (Lane, 1974b; 1978; 1990a), комплексные поведенческие проблемы должны решаться после предварительного создания модели изучаемых видов поведения, на основе которой можно будет выработать стратегию решения проблемы. Автор предлагает схему анализа, включающую пять этапов его проведения.

Хотя мы многим обязаны скандинавским исследователям, внесшим значительный вклад в изучение проблемы школьной травли, некоторые трудности им преодолеть не удалось. Это касается как используемых моделей, так и преимущественной работы с жертвами и преследователями в ущерб общешкольной работе. В данной главе освещены оба этих направления, однако особое внимание уделено расширенному подходу к вмешательству, который используется в Великобритании и который, в свою очередь, оказывает все большее воздействие на скандинавских исследователей.

Процесс начинается с определения проблемы, далее проводится исследование релевантных факторов, предпринимаются попытки разработать модель поведения, выработать на ее основании стратегию вмешательства, и в заключение производится оценка достигнутых результатов, насколько позволяют имеющиеся в распоряжении данные.

Что такое буллинг, или как его лучше определить

Буллинг - скрытый процесс. Всем известно о его существовании, а при столкновении с его проявлениями каждый пытается что-то предпринять. Однако никто не знает, сколько связанных с травлей страданий ежедневно испытывают школьники. Если бы это явление было также широко распространено в Великобритании, как в Норвегии, где такие исследования проводились, то к нему были бы причастны (Tattum, 1988) 870 000 детей. Таким образом, это оказалась бы самая многочисленная в Англии и Уэльсе группа учащихся с потребностями в специальном обучении.

За последнее время в печати появился целый ряд сообщений о трагических случаях. Жертвами издевательств становятся ученики с умственными и физическими недостатками, нередки случаи самоубийств и даже убийств. По данным нескольких исследований дети, подвергающиеся издевательствам, начинают прогуливать занятия в школе (Reid, 1988; Knox, 1989). К сожалению, публикаций, посвященных этому явлению, в Великобритании, а тем более в других странах явно недостаточно (Roland & Munthe, 1989).

Первая проблема заключается в отсутствии точного определения школьной травли. Так, Хайнеманн (Heinemann, 1973) опубликовал сообщение о коллективном нападении на одного человека, мешавшего группе заниматься своей обычной деятельностью, назвав такое нападение "моббингом" ("mobbing"). В последующих публикациях термином "моббинг" были названы нападки со стороны групп и отдельных людей (Olweus, 1978). Это, по мнению Пикаса (Pikas, 1989), усложняет ситуацию, поэтому "моббингом" лучше обозначать групповые действия, в то время как термин буллинг (школьная травля) может употребляться более широко по отношению к нападкам любого характера. Наличие в определении буллинга указания на психологическую или физическую угрозу также порождает ряд проблем, поскольку издевательства такого типа имеют особенности, связанные с полом участников (Roland, 1988).

Некоторые исследователи (Stephenson & Smith, 1988; Lane, 1988) считают ключевыми моментами намерения агрессора и убеждения жертвы, поэтому не рекомендуют полностью полагаться на информацию, полученную от школьного персонала и учащихся, как не точно отражающую ситуацию. В качестве иллюстрации к сказанному Спаркс (Sparks, 1983) приводит описания школьных издевательств, предоставленные педагогами и учащимися частных школ, по которым действительно очень трудно судить о происшедшем. Начиная с девятнадцатого века, клиницисты стали раздельно рассматривать индивидуальное преследование и групповые нападки (Dukes, 1905).

Определение этих явлений представляет не только академический интерес, поскольку на нем строятся разные подходы к вмешательству. Так, Пикас (Pikas, 1989) дал определе-ние моббинга, близкое к оригинальной формулировке Хайне-манна. Ему удалось разработать эффективные техники для работы с преследователями и их жертвами. Другие авторы (Ol-weus & Roland,1983; Roland,1988) предпочли иной путь и развернули в школах кампанию по противодействию буллингу. К сожалению, эти два подхода часто рассматриваются как взаимоисключающие, хотя, по-видимому, было бы полезнее считать их звеньями одной цепи. Отсутствие четкого определения явления приводит к трудностям при выборе наиболее адекватного вмешательства.

Если мы попытаемся сформулировать, что такое буллинг, ограничившись указанием на угрозы одного индивида в отношении другого, будут утрачены возможные ключи к характеристикам преследователей и их жертв. Выбор того или иного определения диктуется теми, кто обладает достаточным авторитетом и, следовательно, включает элемент личной заинтересованности. Если в формулировке отсутствуют указания на потенциальную роль ее авторов, можно заподозрить их в предвзятости. Например, за этим может скрываться нежелание изменить собственное поведение или признать, что в руководимой ими школе не все идет гладко. Результаты отдельных исследований и разработанные на их основе рекомендации явно подкрепляют такую позицию избегания ответственности. Например, высказывания в поддержку политики школьной администрации и по поводу укрепления дисциплины маскируют необходимость вмешаться в сам процесс травли, независимо от того, кто и когда выступает его зачинщиком. Как заметил Пикас (Pikas, 1989), высказываемая обществом настоятельная потребность преодолеть проблему "непропорциональна желанию того же общества иметь дело с ее реальными проявлениями". И это сказано о Швеции, где школьная травля признана национальной проблемой, а что тогда говорить о Великобритании и других странах?

Таким образом, влияние той или иной формулировки достаточно велико. От этого зависит оценка распространенности явления.

Какова распространенность буллинга?

Ответ зависит от теоретического подхода к этому явлению. Следует ли различать групповое насилие - "моббинг" и индивидуальное насилие - буллинг, или целесообразно рассматривать их просто как разные стороны одного явления, - социальной агрессии, когда доминантный индивид (или группа) намеренно причиняет беспокойство другому. Специалисты в Великобритании придерживаются последней точки зрения, т. е. считают все типы школьной травли единой проблемой, что учитывается при оценке распространенности явления.

В действительности, установить тип, продолжительность издевательств - задача не из легких даже для скандинавских исследователей, имеющих хорошую финансовую поддержку. По их данным, распространенность явления составляет от 5 до25%.

Долгожданную ясность внесли своим исследованием Сте-фенсон и Смит (Stephenson & Smith, 1987). Обследовав выборку из 1000 учеников начальных классов (в возрасте 7-11 лет), авторы пришли к заключению, что 23 % детей подвергаются издевательствам со стороны одноклассников. Среди учеников с поведенческими проблемами распространенность этого явления гораздо выше. К тому же, как считают исследователи, школьная травля не является чем-то преходящим: страдания многих детей длятся годами.

По данным Лэйна (Lane, 1988), распространенность буллинга среди учеников средней школы (M = 480), первоначально обследованных, а затем находившихся под наблюдением в течение нескольких лет, достигает 19 %. Кроме того, по наблюдениям автора, боль и унижение детей часто продолжаются в течение нескольких лет, что согласуется с результатами предыдущего исследования. Эллиот (Elliott, 1989) обследовала выборку из 4000 учеников начальной школы, 38 % из которых подвергались издевательствам одноклассников не менее двух раз. Результаты существенно зависели от того, проводился опрос среди учащихся или педагогов. Так, Ловенстайн (Lowenstein, 1978) сообщает о распространенности, не превышающей

5 %, в выборке из 5000 учащихся, в то время как Ньюсон и Ньюсон (Newson & Newson, 1984) по результатам своих ноттингемс-ких исследований пишут о том, что 26 % матерей считают своих детей жертвами издевательств. В работе других авторов (Arora & Thompson, 1987) идет речь о разных типах буллинга, жертвами которого стали до 50 % учащихся.

Зарубежная статистика также разноречива. По данным скандинавских исследователей, обобщенным в работе Мунте (Munthe, 1989), издевательствам подвергаются от 2 до 15 % девочек и 6-27% мальчиков, с соответствующим разбросом удельного веса преследователей. Письменные работы итальянских школьников в 4 % случаев содержали указания на то, что их авторы становились жертвами травли (Basalisco, 1989). Даже такая низкая распространенность, по мнению автора, должна настораживать специалистов, учитывая способ получения информации. Испанские исследователи Гарсиа и Перес (Fonseca Garcia & Perez, 1989) приводят данные о 17-21 % распространенности буллинга. В обзоре работ из Ирландии (O'Moore,1989) указано, что 10 % детей регулярно подвергаются издевательствам со стороны одноклассников (раз в неделю и чаще), а 55 % - эпизодически. В публикации, посвященной проявлениям насилия среди молодежи разных стран, финские авторы (Pulkkinen & Saastamominen, 1986) приводят данные по США о 85%-ном росте покушений на школьников в 1970-е гг. Около 40 % учащихся сообщили о том, что проявления насилия мешают им в учебе, но только 3 % охарактеризовали эти проявления как выраженные.

Приведенная информация позволяет судить о тех трудностях, с которыми сталкиваются исследователи данной проблемы. Отсутствие четкого общепринятого определения этого явления не позволяет сопоставлять результаты разных проектов.

Коллектив из Шеффилдского университета предпринял попытку упорядочить работу в этом направлении (Yates & Smith, 1989). Исследователи использовали формулировку буллинга, предложенную Роландом, а также разработанный норвежцами вопросник, что позволило сопоставить полученные результаты. По оценкам англичан, 22 % школьников "время от времени", а 10 % "раз в неделю и чаще" подвергались издевательствам. Конечно, эти показатели несколько выше по сравнению с Норвегией и Ирландией, однако единый методологический подход позволяет определить, какое место занимает Британия в ряду европейских стран. Впоследствии коллективом из Шеффилда были проведены исследования на более крупных выборках учащихся, что позволило подтвердить информацию по распространенности школьной травли.

Изучение распространенности буллинга в общенациональном масштабе в Великобритании, в отличие от Норвегии, не проводилось, но, по-видимому, показатели, обнародованные Таттумом (Tattum, 1988) несколько занижены. Главным преимуществом шеффилдского проекта является возможность сопоставления полученных результатов в международном масштабе. Остается надеяться, что другие исследователи, во всяком случае, при изучении распространенности буллинга, последуют этому примеру. Можно принять формулировку, предложенную Роландом (Roland,1988):

Буллинг представляет собой длительное физическое или психическое насилие со стороны индивида или группы в отношении индивида, который не способен защитить себя в данной ситуации.

Это определение буллинга следует включить в вопросники, используемые для работы с детьми при оценке распространенности явления. В свою очередь, исследователи из Шеффилда (Yates & Smith, 1989) предложили собственную формулировку, взяв за основу оригинальное определение Олвеуса, с некоторыми дополнениями, учитывающими культурные различия между популяциями Англии и Норвегии. В дальнейшем исследователи также могут использовать такой подход, позволяющий сопоставлять полученные результаты. Однако остается актуальным вопрос о том, какое определение следует дать буллингу при осуществлении терапевтического вмешательства. Очевидно, необходимо использовать универсальное определение этого явления до и после вмешательства, однако лица, вовлеченные в процесс, по-разному оценивают происходящее. Таким образом, есть смысл учитывать мнение только тех участников, позиция которых может иметь решающее значение для исхода вмешательства.

Роланд (Roland, 1989) описывает "буллинг-структуру" - социальную систему, включающую преследователей, их жертв и наблюдателей. Каждый участник системы имеет собственную точку зрения на происходящее. Особое внимание исследователей (Kelly, 1990) привлекает позиция невольных свидетелей происходящего, не подвергающихся непосредственной агрессии: доказано, что в результате ощущения собственного бессилия их самооценка заметно снижается. Эти данные согласуются с наблюдениями другого автора (Taylor, 1991) за так называемыми периферическими жертвами (peripheral victims), занимающими позицию типа "хорошо, что я не пострадал"; сторонние наблюдатели часто сообщают о чувстве собственного бессилия.

Проблема издевательств на почве расовой принадлежности заслуживает особого внимания. Так, по мнению Келли (Kelly, 1990), следует различать два типа таких издевательств: несистематические и те, в основе которых лежат особые взаимоотношения между жертвами и преследователями. В зависимости от типа воздействие на участников может быть разным. Келли подчеркивает необходимость изучения взаимоотношений между вовлеченными в буллинг. С ней полностью солидарны Кинг с коллегами (King & colleagues, 1992), также считающие, что следует анализировать буллинг-структуру. Какова подоплека данного явления в каждом конкретном случае, на чем основаны издевательства в ученической среде - на расовой или половой принадлежности, социально-экономических различиях или разных способностях к учебе - все это подлежит тщательному изучению. Позиция каждой из сторон имеет большое значение для легализации издевательств и придания им смысла. Так, унижение человека или социальной группы становится привычным явлением, потому что школьная администрация предпочитает полагаться на случайные сообщения о факте издевательств, вместо того чтобы заниматься активным сбором информации.

Некоторые исследователи (Lister, 1990) уделяют внимание позиции жертв буллинга, проводя параллели с другими формами жестокого обращения: все пострадавшие склонны испытывать стыд и неуверенность в себе, но предпочитают не сообщать об издевательствах. Изучая отношение педагогов и школьников к издевательствам в ученической среде, Дэвис (Davies, 1990) пришел к выводу, что педагоги испытывают смешанное чувство гнева и собственного бессилия. Аналогичным образом, школьники считали, что учителя не способны их защитить, в результате устанавливался своеобразный "заговор молчания" (O'Moore, 1989). Лэйн (Lane, 1990b) исследовал это универсальное чувство бессилия путём анализа разговоров участников (анализ дискурса). Оказалось, что поведение вовлеченных в травлю определяется характером отношений между ними. Для того чтобы ситуация с буллингом в конкретном учреждении была управляемой, необходимо проводить анализ дискурса. Не считают ли некоторые взрослые, что травля готовит детей к жизни? Каково отношение к травле и ее зачинщикам? Представляются ли они воплощением зла, с которым надо бороться? При разработке стратегий вмешательства на базе такой модели следует учитывать, какова концепция ситуации у каждого из участников разговора. Так, давая определение буллингу с привлечением термина "провоцирующих жертв" ("provocative victims"), специалисты обязательно перечислят их психологические характеристики, обидчик заявит, что поведение жертвы заслуживает наказания, а сама жертва будет говорить, что получила по заслугам. Сторонний наблюдатель, осознавая необходимость вмешаться, вскоре будет вынужден признать бесплодность своих попыток

прийти на помощь. Чтобы избежать употребления термина "провоцирующей жертвы", можно попытаться определить проблему через описание систематически происходящих событий, которые вызывают у жертвы чувство заслуженности наказания. Детальный анализ разговоров, происходящих в конкретном контексте, позволяет выделить три основных элемента, необходимых для выработки определения буллинга, каждый из которых следует рассматривать с позиций всех лиц, вовлеченных в социальную буллинг-систему. Прежде всего, это представление каждого участника о сути проблемы, стоящих перед ним задачах, а так же о своей роли в разрешении данной проблемы. Различия в позициях участников служат основой для переговоров об альтернативных видах поведения, призванных заменить проблемные. В результате таких переговоров появляется общая заинтересованность в разрешении проблемы, исходя из которой можно сформулировать подходящее в данном случае определение буллинга.

При таком подходе стандартное определение явления оказывается ненужным и бесполезным, поскольку школьная политика в целом обсуждается с учащимися, педагогами и родителями в ходе индивидуальной и групповой работы. Если удается вызвать общий интерес к разрешению школьных проблем, значит, первый шаг на пути к изменениям сделан. Каждый из участников дискуссии начинает проявлять личную заинтересованность в скорейшем устранении такого явления, как школьная травля.

Кто же находится в группе риска?

Практически любой человек. Авторы, пишущие на эту тему, приводят множество тому примеров (Tattum & Lane, 1988). Отдельные агрессоры и целые группировки были описаны в среде 6-7-летних дошкольников, посещавших детские сады южного Уэльса (Chazan, 1988). Исследование, проведенное завучем по воспитательной работе (a head of year) (Herbert, 1988) одной из средних школ, посвящено случаям шантажа, вымогательства, угрозам применения физического насилия, порче домашних работ и психологической травле. Автор подчеркивает, что дети страдают не только от физического насилия, но также и от постоянного унижения, изоляции и одиночества. По результатам исследования, проведенного на базе школ Лондона (Askew, 1988), выявлены две группы детей, по-разному относящихся к проблеме буллинга: одни, так называемые "умные", махнули на все рукой, в то время как другие пребывали в постоянном страхе, ожидая, что станут следующей жертвой. Автор отмечает, что от травли страдает не только жертва, но и все окружающие, которые бессильны дать отпор агрессору. Хотя исследователи склонны описывать разгул насилия в закрытых привилегированных школах, или дни Флэшмена (days of Flashman)(*Флэшмен (Flashman) - литературный персонаж, сноб, задира и весельчак, впервые появившийся в романе "Школьные дни Тома Брауна" ("Tom Brown`s Schooldays"), а затем продолживший триумфальное шествие по страницам многочисленных исторических романов Джорджа Макдональ-да Фрейзера (George MacDonald Fraser)*, как факты прошлого (Walford, 1988), все же рекомендуется сохранять бдительность. Дело в том, что учащимся школ-интернатов, в отличие от учеников обычных дневных школ, негде искать спасения от своих преследователей.

Большинство публикаций посвящено издевательствам в ученической среде, однако Лэйн (Lane, 1988) отметил склонность общественности приписывать роль зачинщиков исключительно детям, но не учителям. В проведенном им исследовании, по данным опроса учащихся, при буллинге доля учителей, позволяющих себе издевательства в отношении учеников, составила 10 %. Существует и обратная тенденция: некоторые учителя считают, что подвергаются издевательствам со стороны учеников (Sparks, 1983). В действительности, буллинг-процесс намного более сложный, чем стереотипное представление о жертвах и преследователях.

Каковы причины буллинга?
Исследование проблемы

Прежде чем перейти к разработке эффективных методов разрешения проблемы буллинга, следует изучить причины и возможные проявления данного явления во всем их многообразии. На важность всесторонней оценки проблемы указывал в своем литературном обзоре Таттум (Tattum, 1988). Кроме того, он отметил, что школьная травля оказывает сильное влияние не только на непосредственных участников, но и на вынужденных

свидетелей и школьную атмосферу в целом. По мнению Таттума, примером тому служит зверское убийство школьника в Манчестере. Терминология, которая используется для описания школьной травли, располагает к упрощенному взгляду на это явление. Таттум считает, что необходимо оценивать подоплеку, интенсивность, продолжительность издевательств, их цель, число участников и мотивацию каждого их них.

Кроме того, в развитие "скетч-теории" ("sketch theory") Олвеуса (Olweus, 1984) (*"Скетч-теория" ("sketch theory") Олвеуса - теория буллинга, основанная на существовании типичных характеристик жертвы и преследователя.)*, Таттум предлагает уделять внимание школьным факторам, внешним особенностям и манере поведения потенциальных жертв и преследователей, учитывая при этом социально-экономический статус их семей.

Основываясь на материале публикаций, Казан (Chazan, 1988) подчеркивает предрасположенность к участию в буллинге при сочетании "сложного" характера ребенка с негативными родительскими установками и практиками. Стефенсон и Смит (Stephenson & Smith, 1988) подкрепили это положение результатами собственного исследования, отметив и другие важные факторы. Им удалось выявить связь между социальной депривацией и участием в буллинге (для преследователей и жертв). Кроме того, на основании физических, личностных и социальных характеристик исследователи классифицировали преследователей и жертв, выделив среди них различные группы. Оказалось, что воссоздать типичные портреты агрессора и жертвы не представляется возможным. Это сильно затрудняет применение стратегий исследования проблемы и терапевтического вмешательства, базирующихся на упрощенном дихотомическом разделении лиц, вовлеченных в процесс школьной травли, на жертв и преследователей. Вместе с тем, результаты исследования позволяют наметить новые перспективы вмешательства в группах участников буллинга. Авторы подчеркивают необходимость различать школы по признаку выраженности этой проблемы. Различия между школами заключаются не столько в площади и особенностях обслуживаемого микрорайона, процедуре приема и численности учащихся, сколько в политике школьной администрации. Таким образом, в последнее время особое внимание привлекает роль самой школы, которая может способствовать или препятствовать буллингу.

В своих исследованиях, посвященных травле, прогулам школы и школьному хулиганству, Лэйн (Lane, 1974a; 1978; 1988) указывает на роль личностных, семейных и школьных факторов. В структуре такого социального явления как травля тесно переплетены многие факторы.

1. *Текущее поведение позволяет прогнозировать поведение в будущем*. Начальные паттерны издевательств в значительной мере предвосхищают характер дальнейших взаимоотношений между жертвой и преследователем.
2. *Излюбленный стиль поведения*. Личностные особенности накладывают сильный отпечаток на стиль поведения. В частности, лица, характеризующие себя как расчетливых, устойчивых экстравертов, имеют повышенную склонность к участию в деятельности, связанной с насилием. Такое качество, как расчетливость, служит важным предиктором участия в буллинге и совершения преступлений, связанных с насилием. Такие индивиды обладают склонностью к насилию.
3. *Множественный стресс*. Лица, вовлеченные в процесс школьной травли, как правило, обременены множеством проблем. Плохое здоровье, низкий социальный статус, неудовлетворительные отношения со сверстниками, большие семьи, выраженное социальное неблагополучие, а также низкие компенсаторные возможности семьи - все это весьма характерно для жертв буллинга.
4. *Позиция школы*. Тем не менее, выраженность и продолжительность буллинга главным образом определялась именно позицией школьной администрации.

В двух публикациях (Besag, 1989; O'Moore, 1989) освещались приблизительно сходные вопросы, однако в последней из них было уделено внимание установкам учителей по отношению к буллиту. Автор подчеркивает склонность взрослых защищать от нападок и обвинений учителей, но не детей. Неоднозначность, свойственная отношению взрослых к агрессивному поведению, была доказана и в другом исследовании (Tit-man, 1988). Эта двойственность обычно ускользает от внимания авторов, пишущих на эту тему, которые считают травлю выражением взаимодействия между жертвой и преследователем, не учитывая роль школы в возникновении и разрешении проблемы. Следует отдать должное целому ряду исследователей (Askew, 1988; Roland,1989; Kelly, 1990; Davies, 1990; Lane,

1989; 1990b; Lister, 1987; 1990; King et al., 1992.), которые использовали комплексный подход к проблеме травли. Особого внимания заслуживает работа Пикаса (Pikas, 1989). При таком подходе на первый план выходит отношение к буллингу окружающих и концепция ситуации в каждом конкретном случае. Если исходить из того, что буллинг по сути дела отражает сложный социальный процесс создания устойчивых репутаций, тогда для понимания причин и эволюции этого явления недостаточно ограничиваться изучением взаимодействия между агрессорами и их жертвами. Таким образом, появляется возможность разработки комплексной модели поведения лиц, вовлеченных в процесс школьной травли.

Опубликовав результаты крупномасштабных исследований, посвященных буллингу, Олвеус и Роланд (Olweus & Ro-land, 1983) сделали первый шаг по пути создания комплексной модели этого явления. Впоследствии Роланд (Roland,1988) обобщил основные результаты своей работы, а затем детально проанализировал мотивацию агрессоров (Roland & Munthe, 1989). По мнению Роланда, буллинг относится скорее к групповым, чем к индивидуальным видам деятельности, и его следует считать частью социальной жизни группы. Для мальчиков травля чаще всего является частью социального взаимодействия, связанного с борьбой за власть, в то время как для девочек источником агрессивных действий чаще всего являются отношения привязанности. В подобной социальной структуре очевидны различия между непосредственными участниками и невольными свидетелями. Как преследователи, так и их жертвы обычно имеют меньше близких друзей, чем другие дети. Хотя физические характеристики, в частности внешность и физическая сила, безусловно, важны, но их важность часто переоценивают. Любая особенность жертвы может послужить поводом для издевательств. При этом жертвы часто отличаются низкой самооценкой и склонны полагать, что заслужили свои страдания. Если Роланд считает ключевым процесс социализации, то Олвеус уделяет основное внимание личностным факторам и роли раннего научения, в частности толерантности к агрессивному поведению.

Именно этот последний фактор и обусловливает, главным образом, различия в распространенности буллинга. Эти различия касаются не только школ, но, что особенно важно, классов в одной и той же школе, причем один год может быть непохож на другой. Такие внутришкольные различия невозможно объяснить индивидуальными и семейными характеристиками учащихся. Следует изучать собственно школьные факторы. Лэйн (Lane, 1988), например, полагает, что распространенность буллинга зависит от множества школьных факторов, включая позицию школьной администрации в отношении этого явления, а также мнение учеников, педагогов и родителей о школе как о достаточно безопасном месте. Эту точку зрения разделяют и другие исследователи (Arora & Thompson, 1987), доказавшие, что различия в распространенности буллинга в одной и той же школе могут быть обусловлены той позицией, которую занимает завуч, ответственный за воспитательную работу с учащимися определенного возраста.

Анализируя выявленные различия в распространенности травли, Лэйн (Lane, 1988) отмечает, что в их основе лежит неоднозначное отношение к мужественности, бытующее в школах. Если в среде педагогов и учащихся культивируется дух насилия как неотъемлемый признак мужского начала, неудивительно, что буллинг в этой школе будет практически узаконен. Только проработав эти вопросы, можно говорить о политике равных возможностей, вне зависимости от этнической принадлежности, пола, социально-экономического статуса, физических недостатков или особенностей образа жизни. Если, например, педагоги-мужчины ущемляют в правах своих коллег-женщин, которые, в свою очередь, считают бесполезным бороться за свои права, как можно требовать от детей, чтобы они честно сообщали о случаях издевательств? Результаты исследования (Askew, 1988), проведенного в школе для мальчиков, свидетельствуют о важности этих вопросов. Кроме того, автору удалось доказать, что действия, предпринятые лишь одним из учителей, могут дать положительный эффект. Кинг с коллегами (King & colleagues, 1992) также разделяют эту точку зрения. Если верны выводы, сделанные рядом исследователей (Stephenson &Smith, 1987; Askew, 1988; Lane, 1988), тогда терапевтическое вмешательство должно быть направлено на всех, вовлеченных в социальную буллинг-структуру. Возможно ли это?

Модель буллинга: разработка

Прежде чем приступить к созданию модели буллинга, целесообразно провести анализ дискурса: какое определение дают школьной травле лица, вовлеченные в

конкретную буллинг-структуру, которую мы изучаем? Работая на базе нескольких школ, Дэвис (Davies, 1990) показал, как персонал и учащиеся конкретной школы приходят к взаимопониманию, постепенно вырабатывая общий подход к такому явлению как буллинг. Автор использовал модель активного изучения проблемы: инициативная группа, в состав которой входили персонал и учащиеся конкретной школы, брала на себя обязательства по проведению исследования. Однако прежде чем приступить к сбору информации о проблеме травли, участники инициативной группы приходили к единому мнению относительно определения проблемы и, уже исходя из этого определения, предлагали остальным высказать свои соображения. Как только проблема четко определена, появляется возможность исследовать контексты, благоприятные для возникновения буллинга. Следовательно, можно сравнить условия, при которых данная проблема проявляется и не проявляется, в том числе место, время и участников событий. После детального анализа конкретных контекстов можно переходить к выработке подходов к модификации нежелательного поведения.

Кроме того, имеет смысл уделить внимание факторам, которые, как известно из литературы, способствуют или препятствуют школьной травле, в частности конституциональным особенностям индивида и школьным факторам, предшествующему опыту в семье, группировкам сверстников, контингенту учащихся. Можно изучить события, совпадающие с буллингом по времени, поскольку некоторые из них могут быть его предпосылками или следствиями. Концепция ситуации, имеющаяся у каждого из участников школьной травли, также представляет определенный интерес. Вместе с тем, конкретный подход к проблеме буллинга, выработанный в рамках той или иной школы, позволяет выявить контексты наиболее и наименее вероятного возникновения проблемы, что дает возможность судить о самостоятельном вкладе каждого из предполагаемых факторов риска. Таким образом, можно легко исключить из рассмотрения те факторы риска по буллингу, которые в данном конкретном случае не актуальны. И только после этого, наконец, можно переходить к определению буллинг-структуры. На базе сформулированного определения строится собственно вмешательство, эффективное в данном контексте, в то время как общепринятые подходы, разработанные в других условиях, могут оказаться не действенными. Следовательно, эмпирическая модель буллинга имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

Что делать? Концепция вмешательства

Эмпирическая модель буллинга, о способах создания которой шла речь выше, открывает целый ряд подходов к вмешательству. В соответствии с рекомендациями Дэвиса (Davies, 1990) целесообразно в каждом конкретном случае (т. е. для каждой школы в отдельности) конструировать специфическую модель. Это дает возможность активно изучать явление, используя при этом системный подход. Однако сначала требуется провести определенную подготовку, а именно предпринять ряд шагов.

Шаг 1. Если вы считаете, что проблема буллинга заслуживает внимания, обратитесь к своим школьным коллегам и поставьте этот вопрос на общешкольное обсуждение.

Шаг 2. Расставьте приоритеты: в настоящее время в школе происходит множество разных событий; готовы ли вы заниматься именно проблемой школьной травли?

Шаг 3. Поразмышляйте на тему, как в школе обстоит дело с другими сходными проблемами, принимаются ли антикризисные меры в каждом конкретном случае, или же выработкой стратегий преодоления кризиса занимаются специальные структуры.

Шаг 4. Обдумайте, как использовать присущий вашей школе стиль решения проблем для изучения проблемы буллинга.

Шаг 5. Если идея активного исследования проблемы встретила одобрение, заручитесь поддержкой администрации и приступайте к формированию инициативной группы, привлекайте к этому психолога, консультантов и т. д.: начинайте организованно действовать.

Если же в рамках школы не удается детально проанализировать проблему школьной травли и попытаться целенаправленно ее устранить, следует решить, что можно предпринять в таких обстоятельствах. Авторы публикаций на тему буллинга рекомендуют уделить внимание:

1. непосредственной работе с жертвами и преследователями;
2. роли учебной программы;
3. роли служб поддержки;
4. роли школьных систем;
5. проведению тренингов.

Подробнее речь об этом пойдет ниже.

Непосредственная работа с жертвами и преследователями

Предложено множество подходов к разрешению проблемы школьной травли. Так, в работе Приста (Priest, 1989) излагается подробный план с указанием важнейших факторов и стратегий вмешательства, которыми можно воспользоваться при непосредственной работе с вовлеченными в буллинг. Ряд предложений содержится также в другой публикации на эту тему (Besag, 1989). К сожалению, оценка эффективности предлагаемых видов вмешательства проводилась далеко не всегда. Кроме того, как указывает Бесаг, ситуация с проблемами травли в Скандинавии отлична от таковой в других странах. Так,

Пикас (Pikas, 1989) разработал программу терапевтической работы с участниками групповой травли (моббинга), обучил школьный персонал пользоваться этими методами: в результате удалось достичь хороших результатов индивидуального вмешательства. Опубликованы обнадеживающие результаты терапевтического вмешательства на базе детских садов (Chazan, 1988). Одному из подходов к проблеме буллинга была посвящена целая телепередача. Действительно, модель с элементами психологического просвещения хорошо себя зарекомендовала. В отличие от многих других исследователей, автор (Lister, 1987) уделила внимание оценке эффективности данного вмешательства, сопроводив описание своего подхода подробными комментариями, позволяющими его воспроизвести. Кроме того, при работе с детьми, вовлеченными в буллинг, широко применялась разработанная в айлингтонском психолого-педагогическом центре (Lane, 1975b) модель анализа и вмешательства, эффективность которой стала предметом пристального изучения (Lane, 1983; 1990a). Конкретный случай из практики, описание которого приводится в конце главы, позволяет составить представление о проводимом терапевтическом вмешательстве.

Роль учебной программы

Включение в учебный план школ пасторской работы (pastoral curriculum) может послужить отправной точкой для решения многих проблем, в том числе и проблемы травли. В настоящее время все большее распространение получают техники, групповой работы с детьми, подробно описанные в ряде публикаций (Titman, 1988; Besag, 1989; Herbert, 1988). Скандинавские исследователи также подчеркивают большое значение пасторской работы в школах (Roland & Munthe, 1989).

Особого внимания заслуживают пять основных моментов. Если рассматривать проблему травли в контексте разрешения конфликта ненасильственными методами, то основной задачей учителя становится (Walker, 1989) управление конфликтом. Решающее значение имеют используемые при этом методы. В США и странах Европы все более широкое распространение получают программы психологического просвещения, в рамках которых детей и взрослых обучают разрешать конфликты без применения насилия. К сожалению, идея развития у детей навыков неагрессивного существования в Великобритании встречает слабую поддержку. Доказано (Herbert, 1988; Tattum & Herbert, 1990), что эффективные мероприятия в этом направлении можно проводить в рамках учебного плана. Тщательный отбор литературы для внеклассного чтения обсуждение прочитанного и разыгрывание ролей способствуют изменению мировоззрения детей и школьного микроклимата. Еще больших успехов в этом направлении добились сотрудники компании многоязыкового театра Нети-Нети (Neti-Neti Multi-lingual Theatre Company, Casdagli et al.,1990). Они используют пьесы, игровые сценарии и проводят семинары, чтобы дети научились лучше осознавать самих себя и самостоятельно находить решение своих

проблем. Роль специалиста в повышении социальной компетентности детей показана в работе Аскью (Askew, 1988). Автор описала работу с учениками одного класса, уделив особое внимание изменению их поведения в отношении друг друга. Детальная проработка вопроса социальной компетентности осуществлена в программах типа Kidscape, целью которых является развитие у детей навыков безопасного поведения. Другая исследовательница (Elliot, 1988; 1989) разработала подробный план работы как с самими детьми, так и с их родителями и учителями. Ее программы широко используются в школах Великобритании.

Роль служб поддержки

Некоторые дети, столкнувшись с проблемой буллинга, испытывают настолько выраженные муки и страдания, что практически утрачивают все свои навыки и начинают себя ненавидеть. Такие дети нуждаются в тщательно продуманном терапевтическом вмешательстве. Программа вмешательства может включать поддержку в стенах школы или направление в какую-либо внешнюю службу поддержки. Так, например, возможны контакты с социальной службой, судебными органами или службой телефона доверия для детей "Детская линия". В связи с частыми обращениями детей в редакции журналов или на телевидение, некоторые телеведущие выпускают листовки с подробными рекомендациями, как вести себя в том или ином случае (например, листовка "Как справиться с травлей" детской телевизионной программы MotorMouth).

К сожалению, внешние службы поддержки не могут оказать должного влияния на ситуацию в школе. Тем не менее в настоящее время некоторые службы, учитывая потребности детей, пытаются проводить терапевтическое вмешательство также и в рамках школы. Так, в школах создаются терапевтические группы для жертв травли (Bay1ëy, 1989) с привлечением специалистов из саутваркской психолого-педагогической службы (Southwark Educational Guidance Service). Другие службы поддержки в этом регионе также с успехом проводили групповую работу по развитию у детей социальных навыков (Lane, 1975). Случай из практики, описанный в конце главы, показывает использование терапевтического подхода. Кроме того, для работы с вовлеченными в процесс буллинга хорошо подходят и другие методы, такие как игровая терапия (Newson, 1992).

Роль школьных систем

Если предполагаемое вмешательство планируется осуществить в рамках школьной системы, необходимо учесть рекомендации Дэвиса (Davies, 1990), специально занимавшегося этим вопросом. С позиций системного подхода целесообразно проводить профилактику школьной травли на школьных игровых площадках. Игровая площадка представляет собой важную социальную систему с особыми правилами. В айлингтонском психолого-педагогическом центре были разработаны несколько этнографических подходов к работе с детьми на игровых площадках; с соответствующими методиками можно познакомиться во время проводимых центром семинаров. Ценную информацию об игровой работе можно почерпнуть у Титмена (Titman, 1988), который особо отметил разницу между голым бетоном большинства школьных площадок и волнующей атмосферой хорошо оборудованных игровых комплексов. Сравнительно недавно опубликованы подробные рекомендации по организации работы на игровой площадке (Ross & Ryan, 1990), в основе которых лежат результаты пилотных проектов, выполненных на базе детских садов.

Проведение тренингов

Многие исследователи (Askew, 1988; Burden et al., 1990) считают целесообразным проведение тренинговых семинаров с учителями с целью развития у них необходимых навыков и мотивации деятельности. Даже однодневный тренинг способен послужить мощным толчком к изменению при условии, что участники осваивают механизм превращения желаемого в действительное, составляя план своих действий. Особенно заметен эффект от занятий, если педагог дает по окончании семинара публичное обещание предпринять практические шаги к исправлению ситуации, при этом желательно сразу же договориться о продолжительности проспективного наблюдения и дате контрольной встречи.

Возможности для разного рода вмешательств поистине безграничны. Однако, по мнению Таттума (Tattum, 1988), чтобы быть эффективным, вмешательство непременно должно затрагивать политику школьной администрации в целом. Это важнейшее условие, хотя автор привел еще 12 рекомендаций по проведению вмешательств.

Удастся ли окончательно разрешить проблему буллинга? Оценка перспектив

Опубликованные результаты многочисленных описательных проектов свидетельствуют о возможности эффективного вмешательства и разрешения проблемы школьной травли. Большинство авторов, о которых шла речь выше, уделили достаточно внимания описанию проблемы. Однако эффективность вмешательств редко получала экспериментальное подтверждение. Отчасти это объясняется тем, что интерес к проблеме травли возник сравнительно недавно, а малочисленность экспериментальных проектов характерна для детской психотерапии в целом. Кроме того, не следует забывать и о высокой стоимости такого рода экспериментальных проектов. Немногие страны и страховые компании способны взять на себя расходы по их реализации.

Заслуживает одобрения позиция норвежского правительства, оказавшего активную поддержку исследовательским проектам, которые возникли на волне общенациональной кампании по преодолению школьной травли. Позднее, под давлением общественности и средств массовой информации, к этой работе подключилось правительство Великобритании, которое оказало финансовую поддержку коллективу исследователей из Шеффилдского университета (Sheffield University, 1991). Фонд профессионального развития (Professional Development Foundation, 1990) предпочел альтернативный подход и профинансировал небольшие проекты, во главе которых стояли разные исследователи, чтобы можно было сравнить полученные ими результаты. До середины 1990-х гг., когда были опубликованы первые результаты сравнительной оценки эффективности, крупномасштабные проекты ограничивались кампанией по преодолению буллинга в общешкольных масштабах. Результаты оказались противоречивыми. Олвеус (Olweus, 1989: цитировано по Yates & Smith, 1989) подчеркивал высокую эффективность такого подхода. Другие исследователи (Roland, 1988; Munthe, 1989) пришли к иным выводам. Так, Роланд отметил вполне очевидную и вместе с тем важную закономерность: действенность программы определяется активностью участия персонала и учащихся конкретной школы в ее проведении. Кроме того, оказалось, что те школы, где проблема буллинга была выражена умеренно, после профилактической кампании научились справляться с ней еще лучше. Эти наблюдения служат неопровержимым доказательством того, что понять структуру такого явления, как школьная травля, можно лишь через призму конкретного социального контекста, в котором это явление существует.

Случай из практики

Что касается учителей, то 25 % из них хотя бы иногда пытаются игнорировать проблему буллинга, в то время как большинство детей ждут от них активных действий (Stephen-son & Smith, 1988). Учитывая многолетние страдания тысяч детей и собственную причастность к проблеме, школа не может позволить себе стыдливо отворачиваться от проблемы. Концепция "безопасной школы", впервые возникшая в США, заслуживает самого пристального внимания (Lane, 1989).

Какие же результаты можно получить, используя программы терапии? Мы попытаемся доказать, что перед психотерапевтом открывается обширное поле деятельности. Во-первых, можно произвести непосредственное индивидуальное или групповое вмешательство. Многие их тех, кто в результате травли испытывают сильные страдания, нуждаются в психотерапии. Поднятые в данной главе вопросы актуальны для любой терапевтической программы. Далее описан случай из практики, который иллюстрирует важнейшие моменты вмешательства.

Джон был младшим в семье, где кроме него было еще четверо детей. Хотя его отец имел постоянную работу, он отличался агрессивным поведением в отношении всех членов семьи. Мать пыталась вмешаться, чтобы защитить детей от побоев, однако быстро отступала, если муж обрушивался на нее с кулаками. По мнению женщины, отец имел одинаково плохие отношения со всеми детьми. На протяжении многих лет попытки вовлечь эту семью в семейную психотерапию были безрезультатными. Старшего из братьев

временно лишили права посещать школу за издевательства над одноклассниками, он часто имел дело с полицией. В раннем детстве Джон провел многие месяцы в больнице, пережив несколько операций по коррекции врожденных дефектов. Мальчик хорошо помнил то время и свой постоянный страх. Ко всему прочему у Джона было нарушено речевое развитие. Его переводу в обычную среднюю школу предшествовала многолетняя работа с логопедом, два года мальчик провел в специальном отделении для детей с дефектами речи, а позднее в отделении для детей с "эмоциональными нарушениями". К моменту поступления в школу мальчик все еще не умел читать, а его социальные навыки были недостаточно развиты, хотя речь заметно улучшилась. В возрасте 12 лет Джон начал сильно заикаться, все чаще принимал участие в делах, связанных с насилием и вандализмом, а затем стал членом банды футбольных болельщиков-хулиганов.

В школе, которую посещал Джон, в качестве меры наказания широко применялось сечение розгами, хотя заместитель директора заявлял: "Сечь некоторых из этих детей все равно, что сечь стену". Тем не менее существовало и несколько положительных моментов в жизни Джона. У него установились хорошие взаимоотношения с учителем-дефектологом (special needs teacher), который предпринял успешную попытку научить мальчика читать. Некоторые учителя также отмечали хорошие стороны Джона, хотя никак не реагировали на преследования им других учеников. Другие педагоги считали, что Джон сам заслуживает побоев и оскорблений. Мать, будучи не в силах защитить мальчика от отца, сочувствовала ему, и он видел это. В школе Джону дали направление в психолого-педагогическую консультацию, но безрезультатно. Затем его направили в айлингтонский центр. Ниже приведено краткое описание ключевых элементов вмешательства.

1. Отец и некоторые учителя подавали пример агрессивного поведения: Джону это не нравилось, однако ему приходилось признавать их силу и авторитет.
2. Мальчик высоко ценил сочувствие, но считал его признаком слабости.
3. Джон любил бывать в школе, во всяком случае, когда ему удавалось достичь некоторых успехов. Его пугала перспектива временного отстранения от школы.
4. Недостаточно развитая речь и нехватка социальных навыков мешали эффективному самовыражению и самоутверждению мальчика. Наиболее эффективным средством разрешения конфликтами считал драку и бросался колотить всех без разбора: дети не станут дразнить того, кто их терроризирует. Да и учителя воздержатся от лишних замечаний, если вести себя непредсказуемо. Демонстрация силы убедительнее разумных доводов.
5. Политика школьной администрации отличалась непоследовательностью. Между педагогами, вовлеченными в данный конфликт, существовали разногласия.

Рассмотрим подробнее пункт (4), в котором драчливость рассматривается как результат стресса. Были спрогнозированы три возможные ситуации применения насилия:

1. издевательства над детьми,
2. нападки на некоторых учителей,
3. проявления насилия в других ситуациях.

Первоначально было высказано предположение о связи стресса с насилием, который проявляется следующим образом.

В конфликтной ситуации Джон испытывает сильный стресс. В результате его речь еще более ухудшается, ему становится трудно выразить свои чувства, и он, чтобы справиться с тревогой, набрасывается на других детей с кулаками. Можно подвергнуть проверке каждый из вышеперечисленных элементов этой цепочки поведенческих актов. Например, составить перечень конфликтных ситуаций, предложить мальчику отме-ь уровень стресса по шкале (скажем, от 1 до 10). Беглость речи также поддается оценке, а случаи нападения Джона на других детей можно записать на видеопленку. Для детального анализа контекстов, в которых наблюдались или не наблюдались проявления насилия, целесообразно использовать специальные техники - "Атрибуция" ("Attribution") или ABC ("ABC") (описанные у Lane, 1990a).

В процессе наблюдения выяснилось, что в действительности имеют место четыре различных стереотипа поведения.

1. Когнитивная мотивировка (Cognitive justification). При некоторых обстоятельствах, сопряженных со стрессом, Джон начинал злиться, говорил себе, что с ним плохо обращаются, и в отместку набрасывался на детей с кулаками.

2. Выбор стратегии в стрессовой ситуации/дефицит навыков (Stress management/skills deficit). Иногда тревога Джона была настолько сильна, что он начинал сильно заикаться, не мог выразить свои чувства словами и, вследствие фрустрации, бросался колотить других детей.
3. Справедливый мир (Just world). Бывали случаи, когда мальчик, не желая терпеть несправедливость, "наказывал" обидчика. Это было обдуманное насилие.
4. Откровенное удовольствие (Sheer pleasure). В определенной обстановке, как правило, во время футбольных матчей, Джон затевал драки просто ради удовольствия. Это делалось для развлечения, а не вследствие стресса.

Выраженные различия в стереотипах позволяют опровергнуть гипотезу о том, что проявления насилия обусловлены стрессом. Такой вариант развития событий не исключен, однако обстоятельства, в которых это происходит, весьма специфичны. Была разработана специальная программа, чтобы обучить Джона умению справляться с конфликтными ситуациями и развить его социальные навыки. С мальчиком были проработаны модели поведения, встречающиеся в его ближайшем окружении, чтобы он научился воспринимать силу не как проявление агрессии, а как вполне законную уверенность в себе. С учителями были заключены соответствующие контракты, чтобы обеспечить предсказуемый ход развития событий. Всем было разъяснено, что любые проявления травли повлекут за собой временное запрещение посещать школу, однако все провокации со стороны других детей также будут пресекаться, что, по мнению Джона, было честно (справедливый мир). На протяжении девяти месяцев наблюдения произошло всего два инцидента, то есть программа вмешательства дала хороший эффект. Со стороны Джона не было замечено склонности к применению насилия в течение последнего года обучения в школе. Несмотря на то что мальчику не удалось приобрести за время учебы никакой специальности, он, в конце концов, нашел работу.

Единственной областью, которой не коснулась программа вмешательства, было "откровенное удовольствие". Неудивительно, что в процессе проспективного наблюдения никаких изменений в этой области не было отмечено. Два года спустя Джон принял участие в потасовке с другими ребятами (своими прежними приятелями - футбольными фанатами), однако с честью выдержал испытательный срок и, благодаря мощной социальной поддержке, избежал дальнейших неприятностей. Еще через пять лет Джон работал, наладил дружеские отношения с окружающими и был хорошего мнения о себе.

Заключение

Проблема буллинга остается одной из важнейших в сфере детской и подростковой психотерапии. Несмотря на ее широкую распространенность, внимания этой проблеме уделяется явно недостаточно. Выраженность и длительность страданий (Lane, 1988) могут вызвать необходимость терапевтического вмешательства. Тут-то и возникают трудности. Эффективность вмешательства определяется возможностью повлиять на контекст, в котором возникает проблема. Хотя психолого-педагогическое консультирование детей предполагает шаг в сторону от индивидуального психоанализа к семейной психотерапии, все же, по мнению Ховарта (Howarth, 1992), существует некоторое предубеждение против работы непосредственно в стенах школы или местного сообщества. Цель детской психотерапии - предоставление помощи тем, кто в ней нуждается, и в тех условиях, где чаще всего возникают проблемы. На современном этапе психотерапевт не может ограничиваться работой с несколькими представителями высших слоев общества.

При сопоставлении рекомендаций, предложенных в разное время и разными авторами (Pikas, 1975;Tattum, 1988), можно уловить тенденцию, появившуюся сравнительно недавно. Исследователи проявляют озабоченность в связи с недостаточным вниманием общественности к проблеме школьной травли, а также подчеркивают необходимость кропотливой работы с преследователями и их жертвами. Вместе с тем Таттум указывает на склонность американских психотерапевтов уделять внимание преимущественно жертвам издевательств, в то время как британцы предпочитают вовлекать в терапию родителей и местную общественность, а также делают ставку на учебную и пасторскую работу с детьми в рамках школы. По сути дела такой подход знаменует собой начало крупномасштабной работы по преодолению проблемы буллинга. Родоначальниками этого подхода можно с полным основанием считать скандинавских исследователей. Хочется надеяться, что со

временем психотерапия займет достойное место в ряду мероприятий по искоренению школьной травли, однако для этого потребуются действенные стратегии терапевтического вмешательства, которые бы точно соответствовали контексту проблемы.

Литература

1. Arora C. M.J., Thompson D. A. Defining bullying for a secondary school, Education and Child Psychology 4(4): 110-20.1987.
2. Askew S. Aggressive behaviour in boys: to what extent is it institutionalised, in D.P. Tattum and DA Lane (eds) Bullying in Schools, Stoke-on-Trent; Trentham Books. 1988.
3. Basalisco S. Bullying in Italy, in E. Roland and E. Munthe (eds) Bullying: An International Perspective. London: Fulton Books. 1989.
4. BayleyJ. School Support, Southwark London Borough: South-wark Educational Guidance Centre. 1989.
5. Besag V. E. Bullies and Victims in Schools, Milton Keynes: Open University Press. 1989.
6. Burden R., Davies R., Kelly E., Lane D. A., Lister P. Bullying: A Programme for Action. London: Professional Development Fo-undation. 1990.
7. Casdagli P., Gobey F., Griff en C. Only Playing Miss, Stoke-on-Trent: Trentham Books. 1990.
8. Chazan M. Bullying in the infant school, in D.P. Tattum and D.A. Lane (eds) Bullying in Schools, Stoke-on-Trent: Trentham Boob. 1988.
9. Dairies R. Bullying: an action research approach, Conference Paper, Exeter University. 1990.
10. Dukes C. Health at School. London: Rivingtons. Elliott, M. (1988) Keeping Safe: A Practical Guide to Talking with Children. London: Hodder & Stoughton. 1905.
11. Elliott M. Bullying: harmless fun or murder?, in E. Roland and E. Munthe (eds) Bullying: Ah International Perspective. London: Fulton Books. 1989.
12. Elton Report. Discipline in Schools: Report of the Committee of Inquiry. London: HMSO. 1989;
13. Fonseca Viera da M.M., Garcia I. F, Perez G. Q. Violence, bully-ing and counselling in the Iberian Peninsula, in E. Roland and E
14. Munthe (eds) Bullying: An International Perspective. London:
15. Fulton Books. 1989.
16. Heinemann P.P. Mobbing, Oslo: Gyldendal. Herbert, G. (1988) A whole curriculum approach to bullying, in D. P. Tattum and D. A. Lane (eds) Bullying in Schools, Stoke-on-Trent: Trentham Books. 1973.
17. Howarth R. The Child Guidance Clinics: problems and progress for the, 1990s, in D. A. Lane and A. Miller (eds) Child and Adoles-cent Therapy: A Handbook, Milton Keynes: Open University Press. 1992.
18. Kelly E. Multi-cultural issues in bullying, Conference paper, Exeter University. 1990.
19. King O., Keise C., Kelly E., LaneD. A. Culture and Child Ser-vices, in A. Miller and D.A. Lane (eds) Silent Conspiracies, Stoke-on-Trent: Trentham Books. 1992.
20. Knox P. School Phobia. London: Readers and Writers Collecti-
21. ve. 1989.
22. Lane D. A. The problem of order, Remedial Education 8(3): 9-11.1973.
23. Lane D. A. Truancy in the disruptive pupil, Conference paper, ILEA. London. 1974a.
24. Lane D. A. The Behavioural Analysis of Complex Cases. Lon-don: IEGC. 1974b.
25. Lane D. A. Dependency: Techniques of Prevention. London: Kings Fund Centre/ IEGC. 1975a.
26. Lane D.A. Dealing with Behaviour Problems: A New Approach. London: Kings Fund Centre. 1975b.
27. Lane D. A. The Impossible Child, Vols 1 and 2. London: ILEA. 1978.
28. Lane D. A. Whatever Happened to the Impossible Child. Lon-don: ILEA. Lane D. A. (1988) Violent histories: bullying and cri-minality in D. P. Tattum and D. A. Lane (eds) Bullying in Schools, Stoke-on-Trent: Trentham Books. 1983.
29. Lane D. A. I'll see it when I believe it: a behavioural search for meaning, in D. A. Lane (ed.) Attributions, Beliefs and Constructs in Counselling Psychology, Leicester British Psychological Society. 1989.
30. Lane D. A. The Impossible Child, Stoke-on-Trent: Trentham
31. Books. 1990a.
32. Lane D. A. Bullying: an integrated approach, Conference Paper, Exeter University. 1990b.
33. Lister P. The Management of Behaviour Problems: An On Site Unit. London: Lister Consultancy Services. 1987.

34. Lister P. Bullying: the victim's perspective, Conference Paper, Exeter University. 1990.
35. Lowenstein L.F. Who is the bully? Bulletin of the British Psy-chological Society 31:316-18.1978.
36. Munthe E. Bullying in Scandinavia, in E. Roland and E. Munthe (eds) Bullying: An International Perspective. London: Fulton Books. 1989.
37. Newson E. The barefoot play therapist: adapting skills for a time of need, in D.A. Lane and A. Miller (eds) Child and Adolescent Therapy: A Handbook, Milton Keynes: Open University Press. 1992.
38. Newson J., Newson E. Parents' perspectives on children's be-haviour at school, in N. Frude and H. Gault (eds) Disruptive Be-haviour in Schools, Chichester: Wiley. 1984.
39. Olweus D. Hakkekyllinger og skoleboller. Forskning om skole-mobbing, Oslo: Cappelen. 1974.
40. Olweus D. Aggression in the Schools: Bullies and Whipping Boys, Washington, DC: Hemisphere Press. 1978.
41. Olweus D. Aggressors and their victims: bullying in schools, in N. Frude and H. Gault (eds) Disruptive Behaviour in Schools, Chichester: Wiley. 1984.
42. Olweus D. Bully/victim problems among schoolchildren: basic facts and effects of a school based intervention programme, in K. Rubin and D. Pepler (eds) The Development and Treatment of. Childhood Aggression, Hillsdale, NJ: Eriebaum. 1989.
43. Olweus D., Roland E. Mobbing-Bakgrunn ogtiltak, Oslo: Kirke-og under visningsdepartementet. 1983.
44. O'MooreA. M. Bullying in Britain and Ireland: an overview, in E. Roland and E. Munthe (eds) Bullying: An International Pers-pective. London: Fulton Books. 1989.
45. Orton W. T. Mobbing, Public Health 96:172-4. Pikas, A. (1975) Sa stoppar vi mobbing, Stockholm: Prisma. 1982.
46. Pikas A. Slik stoppar vi mobbing, Oslo: Gyldendal. 1976.
47. Pikas A. The common concern method in the treatment of mobb-ing, in E. Roland and E. Munthe (eds) Bullying: An International Perspective. London: Fulton Books. 1989.
48. Priest S. Some practical approaches to bullying, in E. Roland and E. Munthe (eds) Bullying: An International Perspective. Lon-don: Fulton Books. 1989.
49. Professional Development Foundation. Bullying Research Programme (in progress). London, PDF. 1990.
50. Pulkkmen L, Saastamominen M. Cross-cultural perspectives on Youth Violence, in S. J. Apter and A. P. Goldstein (eds) Youth Violence: Program and Prospects. Oxford: Pergamon Press. 1986.
51. Reid K. Truancy and School Absenteeism. London: Hodder & Stoughton. Reid K. (1988) Bullying and persistent school ab-senteeism, in D. P. Tattum and D. A. Lane (eds) Bullying in Schools, Stoke-on-Trent: Trentham Books. 1985.
52. Roland E. Strategi mot mobbing, Stavanger: Universitetsforla-get. 1983.
53. Roland E. Bullying: the Scandanavian research tradition, in
54. D. P. Tattum and D. A. Lane (eds) Bullying in Schools, Stoke-on-
55. Trent: Trentham Books. 1988.
56. Roland E. A system oriented strategy against bullying, in
57. E. Roland and E. Munthe (eds) Bullying: An International Pers-
58. pective. London: Fulton Books. 1989.
59. Roland E., Munthe E. (eds). Bullying: An International Perspe-ctive. London. 1989.
60. Ross C., Ryan A. Fulton Books. "Can I Stay in Today, Miss?", Stoke-on-Trent: Trentham Books. 1990.
61. Sheffield University. Department of Psychology Research Pro-gramme into Bullying (in progress). 1991.
62. Sparks J. P. Mobbing in an independent secondary boarding school, Public Health 97:316-19.1983.
63. Stephenson P., Smith D. Anatomy of the playground bully, Edu-cation 18 August: 236-7.1987.
64. Stephenson P., Smith D. Bullying in the junior school, in D. P. Tat-tum and D.A. Lane (eds) Bullying in Schools, Stoke-on-Trent: Trentham Books. 1988.
65. Tattum D. P. Violence and aggression in schools, in D. P. Tattum and D. A. Lane (eds) Bullying in Schools, Stoke-on-Trent: Trent-ham Books. Tattum D. P. and Herbert G. (1990) Bullying: A Po-sitive Response, Cardiff: South Glamorgan Institute of Higher Education. 1988.

ЧТО ТАКОЕ БУЛЛИНГ И КАК С НИМ БОРОТЬСЯ?

И.С.Кон

Как я его открыл?

Последние несколько лет я пишу книгу «Мальчик – отец мужчины», посвященную особенностям развития и социализации мальчиков. Один из стержневых аспектов этой темы – сущность и формы проявления мальчишеской (мужской) агрессии, потому что именно по этому параметру (и по сексуальным свойствам), мальчики сильнее всего отличаются от девочек.

Челябинская трагедия (дело Андрея Сычева) привлекла мое внимание к такому специфическому явлению разновозрастных мужских сообществ как дедовщина. Вопреки распространенному мнению, явление это не исключительно российское. По-английски оно называется хейзинг (hazing), на поисковом Интернет сервере это слово упоминается 460 тысяч раз. Чтобы вписать российскую ситуацию в мировую картину, я написал и поместил на своем вебсайте небольшую заметку на эту тему. Никого из российских политиков она, разумеется, не заинтересовала, но главный редактор «Семьи и школы» Петр Ильич Гелазония ее прочитал и предложил опубликовать расширенный вариант в своем журнале, с которым я сотрудничаю с 1970-х годов, что и было сделано (см. «Семья и школа», 2006, № 3, с.20 -22).

Занявшись хейзингом, я обнаружил, что он, в свою очередь, считается разновидностью еще более широкого явления, так называемого буллинга. Английское слово буллинг (bullying, от bully – хулиган, драчун, задира, грубиян, насильник) обозначает запугивание, физический или психологический террор, направленный на то, чтобы вызвать у другого страх и тем самым подчинить его себе. Раньше это было просто житейское понятие, но в последние 20 лет оно стало международным социально-психологическим и педагогическим термином, за которым стоит целая совокупность социальных, психологических и педагогических проблем.

На портале MSN буллинг упоминается 1.334.734 раза. Ему целиком посвящено несколько больших национальных и международных серверов, таких как Bullying.org, Bullying Online, Stop bullying, Bullying net и т.д. Существуют национальные общественные организации по борьбе буллингом, специально обращенные к детям, учителям и родителям. Люди их активно читают. Например, английский сервер www.bullying.com.uk – bullying online посетили свыше 1.300 тысяч человек. «Канадская инициатива по предотвращению буллинга» – www.bullying.org не только дает систематические консультации по профилактике буллинга и оказывает помощь его жертвам, но ежегодно проводит Неделю информации о буллинге (Bullying awareness week), последняя такая неделя прошла с 13 по 18 ноября 2006 г.

Не отстают от общественности и ученые – психологи, социологи, педагоги и криминалисты. В одних только публикациях издательства Сейдж, издающего научные книги и журналы по общественным и гуманитарным наукам, буллинг упоминается 1084 раза (см. Sage journals online), причем речь идет о серьезных исследованиях. Просмотрев примерно треть из них этих статей, плюс – несколько книг и публикаций других научных издательств, я почувствовал потребность поделиться этой информацией, не вдаваясь в детали, с отечественными читателями. Честное пионерское, это касается всех и каждого!

Масштабы и социально-психологическая сущность явления

Буллинг – явление глобальное и массовое. По словам 1200 детей, ответивших на вопросы Интернет-сайта KidsPoll, буллингу подвергались 48 % , в том числе 15% - неоднократно, а сами занимались им 42 %, причем 20 % - многократно. По данным всемирно известного психолога Дана Ольвеуса, в Норвегии 11 % мальчиков и 2.5 % девочек признались, что в средних классах школы они «буллировали» кого-то из своих товарищей. В английском Шеффилде соответствующие цифры составляют 8 % и 4 % . Среди опрошенных в 1995 г.

учащихся 558 американских средних школ не сталкивались с буллингом только 20 % опрошенных . По подсчетам американского психолога Энтони Пеллигрини (1998) булли составляют приблизительно от 7 до 15 % , а их жертвы – от 2 до 10 % всех детей школьного возраста. Согласно недавнему (2001 г) американскому исследованию, объектами которого были свыше 15,000 школьников с 6 по 10 класс, 17 % из них признались, что в течение прошлого учебного года они «иногда» или чаще подвергались буллированию, 19 % сами кого-то буллировали, а 6 % были одновременно и субъектами, и жертвами буллинга.

Расхождения в цифрах естественны. Одни называют буллингом серьезные акты агрессии, а другие – любые угрозы и оскорбления, без которых не обходится даже самое миролюбивое человеческое сообщество. Тем не менее понятно, что речь идет о серьезном и массовом явлении.

По мнению большинства исследователей, изложенному в народной Интернет энциклопедии «Википедия», буллинг включает четыре главных компонента:

1. Это агрессивное и негативное поведение.
2. Оно осуществляется регулярно.
3. Оно происходит в отношениях, участники которых обладают неодинаковой властью.
4. Это поведение является умышленным.

Различают два типа буллинга: непосредственный, физический, и косвенный, который иначе называют социальной агрессией. Это поведение имеет свои возрастные, половые (гендерные) и иные психологические закономерности.

Чаще всего речь идет об отношениях, складывающихся в детской среде, но буллинг нередко практикуют и взрослые. За ним стоит не только и не столько неравенство физических сил, сколько дисбаланс власти, позволяющий одному ребенку подчинить себе другого, причем такое взаимодействие между двумя или несколькими детьми неоднократно повторяется в течение продолжительного времени. Хронические акты вербальной и физической агрессии, направленные на одних и тех же жертв, создают между ними стабильные отношения, в которых буллинг на одном полюсе дополняется виктимизацией на другом полюсе. Эта специфическая форма агрессии, особенно характерная для среднего детства и для младших подростков, всегда направлена против одних и тех же детей. При переходе из начальной школы в среднюю буллинг несколько ослабевает, но у некоторых детей это - устойчивая личностная черта, с возрастом меняются лишь формы ее проявления.

В своей знаменитой книге «Буллинг в школе: что мы знаем и что мы можем сделать?» (1993) норвежский психолог Дан Ольвеус следующим образом определяет типичные черты учащихся, склонных становиться булли:

- Они испытывают сильную потребность господствовать и подчинять себе других учеников, добиваясь таким путем своих целей.
- Они импульсивны и легко приходят в ярость.
- Они часто вызывающе и агрессивно ведут себя по отношению к взрослым, включая родителей и учителей.
- Они не испытывают сочувствия к своим жертвам.
- Если это мальчики, они обычно физически сильнее других мальчиков.

Типичные жертвы буллинга также имеют свои характерные черты :

- Они пугливы, чувствительны, замкнуты и застенчивы.
- Они часто тревожны, не уверены в себе, несчастны и имеют низкое самоуважение.
- Они склонны к депрессии и чаще своих ровесников думают о самоубийстве.
- Они часто не имеют ни одного близкого друга и успешнее общаются со взрослыми, нежели со сверстниками.
- Если это мальчики, они могут быть физически слабее своих ровесников.

Эти взаимодополнительные свойства являются отчасти причиной, а отчасти следствием буллинга.

Вместе с тем существует и другая, численно меньшая, категория жертв буллинга, так называемые провокативные жертвы или булли-жертвы. Часто это дети, испытывающие трудности в учебе, письме и чтении и / или страдающие расстройствами внимания и повышенной возбудимостью. Хотя эти дети по природе не агрессивны, их поведение часто вызывает раздражение у многих одноклассников, учителя их тоже не любят, что делает их легкой добычей и жертвами буллинга и способствует закреплению социально невыгодных психологических черт и стиля поведения .

Как всякое сложное явление, буллинг не имеет ни однозначного объяснения, ни универсальных способов преодоления и предотвращения. Одни ученые изучают преимущественно индивидуальные, личностные свойства булли и их жертв, другие – социально-психологические процессы буллирования и виктимизации (как один ребенок делает своей жертвой другого), третьи – макро= и микросоциальные закономерности соответствующих групп и сообществ (почему одни школы и коллективы больше благоприятствуют буллингу, чем другие).

На личностном уровне, «классические» булли отличаются повышенной агрессивностью, слабым самоконтролем за своими импульсами и высокой терпимостью к агрессивному поведению как таковому. Иногда за этим стоят врожденные генетические или гормональные особенности, например, повышенный уровень «мужского» гормона тестостерона. В научной литературе долгое время существовало мнение, что за «крутизной» и агрессивностью булли часто прячутся тревожные и неуверенные в себе индивиды, которым буллинг позволяет скрывать и компенсировать свое пониженное самоуважение. Однако, как показывают специальные исследования, с использованием проективных тестов и гормональных замеров, такие случаи редки. Как правило, типичный булли не страдает пониженным самоуважением и достаточно уверен в себе. Булли применяют силу не спонтанно, в связи с обычными детскими конфликтами, а сознательно, оставаясь эмоционально спокойными и равнодушными (Рубин, Буковски и Паркер, 2006). При этом они часто не встречают сопротивления, поскольку дети, которые чаще других подвергаются буллингу, отличаются социальной отрешенностью, склонностью уклоняться от конфликтов, либо, напротив, повышенной агрессивностью. Тем самым булли и их жертвы как бы дополняют друг друга, между ними складываются специфические парные отношения, которые развертываются в системе детских внутригрупповых взаимоотношений. Психологическая взаимосвязь буллинга и виктимизации достоверно прослежена не только в США, Канаде и европейских странах, но и в Индии и Южной Корее. Это не локальный, а кросскультурный феномен. Тем не менее связь буллинга и виктимизации не имеет однозначного объяснения.

Одни ученые апеллирует преимущественно к индивидуальным свойствам конкретной пары: социально изолированные, выключенные из групповых связей дети становятся легкой добычей булли потому, что не могут адекватно ответить на провокации, без которых не обходится никакое детское, особенно мальчишеское, сообщество (феномен «мальчика для битья»). Агрессивный же или гиперактивный ребенок виктимизируется потому, что его поведение раздражает других детей и провоцирует встречную агрессию с их стороны («провокативная жертва»). То есть у разных типов детей существуют разные механизмы виктимизации.

Другие психологи фиксируют внимание не столько на индивидуальных свойствах ребенка, сколько на его положении в группе. Как правило, дети не любят и виктимизируют тех сверстников, которые стоят в стороне от коллектива и не способствуют достижению общих групповых целей – единства, гармонии и развития. Почему это происходит, дети, особенно мальчики, зачастую не различают. Агрессивные и просто отчужденные (может быть в силу своей более ярко выраженной индивидуальности) дети часто оказываются одинаково уязвимыми, и за это их наказывают, а булли кажется всего лишь исполнителем групповой воли. Это очень большая социально-педагогическая проблема.

Кроме того, за буллингом нередко стоят социально-экономические факторы, например, имущественное, социальное и этническое неравенство. Мальчики из бедных и неблагополучных семей вымещают свои фрустрации на более благополучных сверстниках, заставляя их испытывать страх и одновременно - чувство своей неполноценности по сравнению с более сильными, мужественными, неуправляемыми и крутыми выходцами из низов. В результате создается некий противоречивый симбиоз, когда подростки и юноши из разных социальных слоев одновременно ненавидят и неудержимо привлекают друг друга.

Раньше такие отношения объясняли преимущественно эмоциями, как «вымещение агрессии» и т.п. В современной психологии на первый план чаще выдвигают проблемы социального неравенства. Неодинаковое положение в школьной иерархии побуждает выходцев из низов бороться за увеличение своего «культурного капитала» (термин французского социолога Пьера Бурдье), с чем связано и повышение социального статуса. Но если дети из социально благополучной среды ассоциируют свой «культурный капитал» преимущественно с учебными достижениями, то для других мальчиков этот путь недостижим (их начальная материально-образовательная база слишком слаба) или неприемлем, потому что в их семьях господствуют другие ценности, далекие от задач школьного образования. Свою «мужественность» такие мальчики доказывают не хорошими отметками, а победным счетам в драках, агрессивным дистанцированием от «женственности» и «гомосексуальности», спортивными достижениями, умением устанавливать и поддерживать доминантные отношения с девочками, грубостью с ними, хвастовством своими сексуальными успехами и т.п. За личными свойствами здесь скрывается социальное происхождение, а самоутверждение осуществляется путем насилия (Клейн 2006).

Практически во всех странах и возрастах буллинг больше распространен среди мальчиков, чем среди девочек, и его жертвами также чаще становятся мальчики. Это не просто озорство или грубость, а особая форма взаимоотношений.

По канадским данным, на игровых площадках буллинг встречается вдвое чаше, чем в школьном классе. Буллинг во многом зависит от структуры и степени оформленности детского коллектива. По наблюдениям американских психологов (Пеллегрини и Бартини 2001), у 10-12 –летних мальчиков буллинг сильнее всего выражен в начале учебного года, когда мальчики энергично борются за место в групповой иерархии, позже, когда этот процесс завершен и иерархия оформлена, буллинг ослабевает. Каждый знает свое место.

Половые (гендерные) свойства буллинга связаны не столько с повышенной агрессивностью мальчиков как таковых (агрессивных по природе мальчиков значительно меньше, чем принято думать), сколько с особенностями мальчишеской нормативной культуры, которая заметно меняется с возрастом. В среде маленьких мальчиков физическая агрессия, как правило, влечет за собой непопулярность и социальное отторжение со стороны сверстников. У младших подростков положение меняется: «крутизна» и агрессивность способствуют повышению статуса мальчика у сверстников собственного пола, а затем и у девочек. Многочисленные кросс-культурные исследования показывают, что более напористые мальчики пользуются большим успехом у девочек, чаще имеют свидания с ними, раньше приобретают сексуальный опыт и т.д.

Мальчики и девочки пользуются разными формами буллинга. Если мальчики чаще прибегают к физическому буллингу (пинки, толчки и т.п.), то девочки охотнее пользуются косвенными формами давление (распространение слухов, исключение из круга общения). Впрочем, эта разница относительна и похоже, что она уменьшается.

Разница мужского и женского буллинга может быть связана с тем, что у мальчиков и девочек могут быть неодинаковые критерии популярности. Например, исследование 400 греческих школьников 4-6 классов (Андреу 2006) показало, что агрессия, как явная, так и условная, уменьшает популярность девочек, тогда как мальчиков явная агрессия делает более популярными. Возможно, дело не только в гендерных стереотипах, согласно которым мальчик должен быть «крутым», но и в том, что условная агрессия предполагает умение

пользоваться ситуацией, тогда как явная часто свидетельствует просто о недостатке социальных навыков общения. В отличие от девочек, мальчикам этот недостаток прощается (во всяком случае, они сами так считают).

В школе мальчик не только учится, но и продолжает конструировать собственную маскулинность , главный принцип которой – не делать ничего «девчоночьего». Драчун, который нарушает школьные правила и никого не боится, сплошь и рядом становится героем и предметом восхищения, тогда как «хороший мальчик» и отличник - всеми презираемый маменькин сынок. Чтобы отвести от себя это подозрение, мальчики старается максимально дистанцироваться от девочек, вырабатывая и культивируя отношение к ним как к людям третьего сорта. Для младших подростков такая установка вполне нормальна, но ее закрепление в старших возрастах чревато серьезными опасностями.

Во-первых, она способствует тому, что девочки все чаще становятся объектами буллирования.

Вот фрагмент письма, которое оставила покончившая с собой английская девочка: *«Я не хотела вылезать из машины, мне хотелось умереть. Я подошла к двери, пошла по коридору, у лестницы стояли мальчишки, они хотели поставить мне подножки, как мило. Мне удалость пройти, не превратившись в посмешище. Я чувствовала, как трясется мой жир, когда я входила в зал. Как я его ненавидела! Я привыкла мысленно разговаривать сама с собой, это единственное, что давало мне возможность жить. Вот Лея. «А правда, что ты лесбиянка?» Я не знала, что ответить, я ничего не сказала и ушла. Почему они это делали? Почему со мной? Потому что я толстая. Это длится уже полгода, каждый день одно и то же» («Почему они это делали? Почему со мной?» // Семья и школа, 2005,№ 5, с.21)*

Во-вторых, булли становится нормативным образом «настоящего мужчины», на которого нужно равняться. Воспитанные в этом духе мальчики не умеют общаться с девочками на-равных, да и все прочие конфликты пытаются решать с помощью силы, что делает их опасными как для окружающих, так и для самих себя. В свою очередь, мальчики, ставшие жертвами буллинга, стесняются обращаться за помощью к взрослым и пытаются защитить себя с помощью ответной агрессии, что нередко усугубляет их социальные и психологические трудности.

Эти проблемы весьма заботят педагогов и психологов.

В Португалии при обследовании свыше 4000 10-12-летних детей из 10 средних школ выяснилось, что в ситуации повышенного риска в отношении буллинга находятся мальчики и выходцы из низших социальных слоев (Перейра и соавт., 2004).

У бразильских старшеклассников, в культуре которых важное место занимает мачизм (идеология мужского верховенства), буллинг значительно больше распространен среди мальчиков и тесно связан с сексуальными домогательствами. При этом интенсивность буллинга коррелирует с общим плохим поведением, и многое зависит от степени нетерпимости к буллингу со стороны учителей (ДеСуза и Рибейро, 2005).

Австралийские школьники также занимаются буллингом чаще девочек. Его распространению способствует общее отрицательное отношение мальчиков к потенциальным жертвам буллинга и мнение, что их друзья воспринимают такое поведение положительно. Интересно, что отрицательное отношение родителей к буллингу влияет лишь на девочек, мальчики в этих вопросах ориентируются только на мнение собственной среды (Ригби, 2005).

В последние годы буллинг сильно заботит и японских педагогов. Недавний опрос 2923 японских школьников 7-9-х классов о психосоциальных факторах буллинга, выдвинул на первый план такие факторы как влияние на подростков девиантных сверстников и слабый самоконтроль над собственной агрессивностью и импульсивностью, а на противоположном

полюсе - недостаток напористости и неумение сопротивляться нажиму (Андо, Асакура и Саймонс-Мортон, 2005).

Интересное 6-летнее лонгитюдное исследование 156 мальчиков и 126 девочек было выполнено в Англии (Шеффер и соавт., 2006) Ученых интересовало, насколько стабильны роли булли и его жертвы в начальной и средней школе. Выяснилось, что роль булли относительно стабильна, ее играют одни и те же мальчики, тогда как роль и положение жертвы больше зависят от ситуативных условий. В тех школьных классах, где существует жесткая иерархическая структура, ребенок вынужден играть отведенную ему роль жертвы и после перехода из младших классов в средние. Если же класс слабо структурирован, ребенок может от этой роли освободиться. Эти наблюдения имеют практическое социально-педагогическое значение.

Одна из важнейших закономерностей буллинга состоит в том, что отношение к нему детей с возрастом меняется. Как уже говорилось, среди младших мальчиков булли обычно непопулярны, однако у подростков картина меняется. Индекс популярности подростка в его естественной среде связан как с просоциальным, так и с антисоциальным поведением. Изучение большой группы мальчиков 4-6 классов показало, что центральные места в их системе взаимоотношений занимали, с одной стороны, «образцовые мальчики», которых считали неагрессивными, спортивными, лидерами, старательными и общительными, а с другой – «крутые ребята», воспринимаемые как популярные, агрессивные и физически развитые. С возрастом и в более «уличной» среде популярность «плохих мальчиков» возрастает. По сравнению с другими школьниками, булли имеют больше друзей, более высокий социометрический ранг и, при выровненных показателях темпов полового созревания, больший успех у девочек (Мутаппа и соавт. 2004). А поскольку булли выбирают себе таких же агрессивных друзей, буллинг нередко становится групповой активностью. Это еще больше затрудняет сопротивление ему со стороны отдельно взятого индивида, способствуя криминализации общей атмосферы в классе, школе и т.д.

Конкретные формы и способы буллинга постоянно меняются. Новейшее «достижение» в этой области – так называемый кибербуллинг, т.е. буллинг, осуществляемый с помощью электронных средств коммуникации. Свыше половины опрошенных канадских подростков (Кинг Ли, 2006) сказали, что им известны такие случаи, причем почти половина «кибербуллей» развлекались таким образом неоднократно, большинство жертв и очевидцев взрослым не жалуются. Как и среди обычных булли, среди кибербулли преобладают мальчики. Девочки, ставшие жертвами кибербуллинга, чаще мальчиков сообщают об этом взрослым.

Буллинг существует не только среди детей, но и в отношениях между учителями и учащимися. Некоторые учителя, злоупотребляя властью, оскорбляют, унижают и даже бьют своих учеников, а другие подвергаются буллингу с стороны учащихся. Психологически эти процессы взаимосвязаны. По данным опроса 114 учителей английских начальных школ, учителя, которые в начале своей профессиональной карьеры пережили ученический буллинг, больше других склонны подвергать ему своих учеников и, в свою очередь, подвергаются травле с их стороны, как в классе, так и вне школы. Среди учителей различают полярные типы булли-садиста, получающего удовольствие от злоупотребления властью над детьми, и беспомощной жертвы булли (Твемлоу и соавт. 2006).

Особое место буллинг, и не только в форме ритуализированного группового хейзинга, занимает в военных учебных заведениях. Этому благоприятствует их закрытость и культ агрессивной маскулинности, а также определенные макросоциальные процессы. Современные юноши заканчивают образование и начинают трудиться значительно позже, чем это было в прошлом. Их гражданское созревание часто отстает от физического. Как пишет американский журнал «Военная мысль», это создает дополнительные проблемы для военных училищ. Жизнь на всем готовом, подчинение приказам командиров и жесткая зависимость от группы уменьшает у некоторых юношей заботу о своем будущем, способствуя развитию известной инфантильности, включая сохранение некоторых типично

подростковых реакций, чрезмерную зависимость от мнения товарищей и недостаточную индивидуализацию поведения и ценностей (Поливара, 2001)

Еще страшнее выглядят буллинг и его последствия в пенитенциарных учреждениях, например, в тюрьмах. Нидерланды – очень либеральная страна, по российским стандартам, голландская тюрьма больше похожа на дом отдыха, чем на исправительное учреждение. Однако специальное исследование суицидального поведения заключенных в нидерландских тюрьмах показало, что оно тесно связано с буллингом. 34 % всех изученных дел о самоубийстве заключенных включали в себя случаи буллинга, который резко повышает риск самоубийства (Блаув, Винкель и Керкхоф, 2001). Однако наиболее распространенные конфликты между заключенными (оскорбления, кражи или побои) связаны не с дисбалансом власти между разными категориями заключенных, а с процессами виктимизации. Ученые считают, что для предотвращения насилия в тюрьмах важно не столько находить и наказывать булли, сколько ослаблять виктимизацию, повышая способность потенциальных жертв сопротивляться принуждению и угрозам (Эдгар 2005).

Даже сравнительно безобидный, на поверхностный взгляд, школьный буллинг имеет опасные долгосрочные психологические последствия. Американские психологи установили, что буллинг и виктимизация порождают такие серьезные личностные проблемы как тревожность и депрессию, расстройства питания, низкое самоуважение и неудовлетворенность школой. Виктимизация ребенка в школьные годы часто сопровождается повышенной застенчивостью и пониженным доверием к людям в студенческом возрасте (Янцер и др.,2006) и т.д. и т.п.

Как с этим бороться?

Школьный буллинг рассматривается в современном мире как серьезная социально-педагогическая проблема. В странах Евросоюза не раз проводились совещания на уровне министров образования и вырабатывались законодательные меры по его профилактике (Ананьяду и Смит 2002). Антибуллинговые акции проводятся как на местном, так и на национальном и даже международном уровне. Речь идет не о полном преодолении буллинга – это явно невозможно, насилие и угрозы – неотъемлемая часть нашего мира, - а лишь о профилактике его наиболее опасных последствий.

Хотя общепринятой стратегии в этом деле нет, в нем есть определенные положительные результаты. Самая эффективная антибуллинговая программа инициирована Д. Ольвеусом в Бергене 20 лет назад, она успешно применяется в Норвегии, где ей с 2001 г. придан статус приоритетной общенациональной программы. Эта программа основана на 4 базовых принципах, предполагающих создание школьной (а в идеале – и домашней) среды, характеризующейся:

1. теплом, положительным интересом и вовлеченностью взрослых;
2. твердыми рамками и ограничениями неприемлемого поведения;
3. последовательным применением некарательных, нефизических санкций за неприемлемое поведение и нарушение правил,
4. наличием взрослых, выступающих в качестве авторитетов и ролевых модели.

Программа действует как на школьном и классном, так и на индивидуальном уровне, ее главная цель – изменить «структуру возможностей и наград» буллингового поведения, результатом чего является уменьшение возможностей и наград за буллинг (Ольвеус 2005).

Ничего педагогически сенсационного в этих принципах, на мой взгляд, нет, но они конкретизируются в тщательно разработанной системе психодиагностики, методов социально-педагогического вмешательства и подготовки педагогических кадров.

Многолетние систематические контрольные исследования показывают, что применение программы Ольвеуса существенно, на 30-50 %, снижает число учащихся, подвергавшихся или подвергавших буллингу других детей, причем самооценки подтверждаются оценками

соучеников. При этом существенно снижаются также общие показатели по антисоциальному поведению, включая вандализм, воровство, пьянство и прогуливание уроков. Улучшается «социальный климат» школьного класса, отраженный в отчетах учеников о порядке и дисциплине, складываются более положительные социальные взаимоотношения между школьниками, а также их отношение к школьным занятиям и к школьной жизни в целом.

Конечно, Норвегия – одна из самых благополучных и «спокойных» европейских стран, но частичное применение программы Ольвеуса в Англии и США дало и там положительные, хотя и меньшие, результаты (Ольвеус 2005). Его анкеты и методы работы широко представлены в Интернете и, судя по моему опыту, он охотно высылает запрашиваемые тексты и материалы. Много полезного есть и в опыте других стран. Например, в Канаде успешно применяется методика ранней психодиагностики детской агрессивности, которая позволяет предвидеть и отчасти корректировать будущее поведение потенциально проблемного ребенка.

Почему этот опыт плохо известен в России? Почему нас вообще мало волнует буллинг, пусть даже под другим именем? В художественной форме эта проблема была психологически точно поставлена уже в замечательном фильме Ролана Быкова «Чучело». В условиях нашей криминализованной страны проблема стоит не менее остро, чем на Западе, но мы вспоминаем о ней только в связи с очередными скандалами, и не для того, чтобы понять сущность явления, а лишь ради того, чтобы найти «конкретного виновника», а точнее – **назначить** на эту роль очередного подходящего козла отпущения.

На мой взгляд, за этим стоит не столько бедность и социальная неустроенность страны, сколько рабская **притерпелость** к произволу и насилию. Мы не привыкли уважать ни свое, ни чужое человеческое достоинство. Ребенок для нас – не самоценный субъект, а частица чего-то безличного, что в советское время называли «человеческим фактором», а теперь именуют «демографической проблемой». Если детей нужно рожать главным образом ради того, чтобы не ослабела мощь государства и наши природные богатства не достались другим народам, кому какое дело до буллинга? Это всего лишь нормальный способ воспитать в ребенке умение постоять за себя. Неважно, кто его бьет, лишь бы он научился давать сдачи, а еще лучше – нападать первым.

Буллинг – традиционно мужское, но не исключительно мужское явление. По мере утверждения гендерного равенства, его все чаще практикуют и девочки, в том числе – и в отношении мальчиков. Задача воспитания не в том, чтобы вернуть все на круги своя, напомнив мальчику, что он никогда и ни в чем не может быть слабее девочки, а в том, чтобы ограничить сферу применения насилия и строить взаимоотношения между людьми на основе взаимной выгоды и с учетом индивидуальных особенностей каждого. Это очень трудно, но другого пути нет.

ШКОЛЬНАЯ ТРАВЛЯ

Алла Фоминова,
кандидат психологических наук, г. Нижний Новгород

Кто виноват? Что делать?

Практически в каждом классе есть дети, которые являются объектами насмешек, а иногда и открытых издевательств со стороны некоторых, а иногда и всех учеников класса. Однако именно в последние 30 лет психологи и педагоги бьют тревогу – настолько частым, жестоко проявляемым и приводящим к тяжелым последствиям становится это явление. Школьная травля стала еще более травматичной, циничной, жестокой из-за того, что ее сцены теперь легко записываются на видео и распространяются по школе или в Интернете. По данным зарубежных и отечественных психологов, буллинг – явление достаточно распространенное в школе. До 10% детей регулярно (раз в неделю и чаще) и 55% – эпизодически (время от времени) подвергаются издевательствам со стороны одноклассников, 26% матерей считают своих детей жертвами издевательств.

Понятие школьной травли

Школьная травля, или буллинг (от англ. *bullying* – запугивание, физический и/или психологический террор в отношении ребенка со стороны группы одноклассников), – это форма жестокого обращения, когда физически или психически сильный индивид или группа получает удовольствие, причиняя физическую или психологическую боль более слабому в данной ситуации человеку.

Выделяют различные виды травли:

1) вербальная (словесная) – насмешки, присвоение кличек, бесконечные замечания и необъективные оценки, высмеивание, унижение в присутствии других детей и пр.;

2) социальное исключение – бойкот, отторжение, изоляция, отказ от общения с жертвой (с ребенком отказываются играть, заниматься, не хотят с ним сидеть за одной партой, не приглашают на дни рождения и т.д.);

3) физическое насилие – избиение, нанесение удара, шлепки, подзатыльники, порча и отнимание вещей и др.

Обычно все виды травли сопутствуют друг другу. Насмешки и издевательства могут продолжаться длительное время, вызывая у жертвы длительные травмирующие переживания.

Как и у любого явления, у школьной травли есть причины, и они связаны как с внешними факторами (ситуацией взаимодействия, особенностями одноклассников, поведением взрослых), так и с личностными особенностями самих детей, включенных в ситуацию школьной травли.

Причины школьной травли

Мы не можем обойти стороной ***биологические факторы***, которые оказывают опосредованное влияние на действие человека.

Инстинкты человека, в частности влечение к агрессии, по мнению психоаналитика З.Фрейда и его последователей, во многом определяют поведение человека. По представлениям исследователей врожденного поведения – этологов, первобытная иерархия явно или неявно пронизывает все наше общество. В относительно чистом виде мы можем наблюдать ее во многих детских коллективах, когда еще недостаточно развита сознательная поведенческая саморегуляция. Возвыситься в иерархии проще всего, унизив окружающих. Вызывающее антиобщественное поведение некоторых подростков – проявление их иерархической борьбы. Однако, как бы ни были сильны эти инстинкты, их действие все равно преломляется через усвоенные ребенком нормы и правила общества.

«Я не понимаю, почему со мной в классе никто не хочет дружить? Надо мной постоянно смеются, обзывают».

«В моем классе учится мальчик, который постоянно становится объектом насмешек. Я как классный руководитель пытаюсь противодействовать этому, но ничего не получается».

«Испытываю постоянную тревогу за дочку, когда она идет в школу. Возвращается домой то в слезах, то с изорванными учебниками, то в грязной одежде».

Нейрофизиологические особенности, отклонения в развитии и функционировании нервной и эндокринной систем могут приводить к высокой степени раздражительности, эмоциональной неустойчивости, неконтролируемой вспыльчивости.

Однако для педагогов и родителей важнее всего понять ***психологические причины*** возникновения школьной травли.

На отношение ребенка к школьной травле, на его самоощущение и поступки влияет значимый взрослый. Под влиянием родителей, близкого окружения, а потом и учителей у ребенка формируется представление о себе. Родители и дети находятся в достаточно сложных, эмоционально насыщенных отношениях: есть место похвале и порицанию, удовольствию и неудовольствию, гордости и стыду. Очень важно, как сам ребенок начинает интерпретировать события, связанные с эмоциональными переживаниями. На основе этих интерпретаций развиваются основные жизненные позиции, описанные американским психологом и психиатром Э.Берном. В этих позициях отражено отношение ребенка к себе, к другим людям, а следовательно, его поведение.

Первая позиция: ребенок начинает считать себя неудачником (я плохой), а других – знающими, умеющими, лидерами (ты хороший).

Вторая: ребенок может во всех неудачах обвинять других, а себя воспринимать героем, страдальцем (я хороший, ты плохой).

Третья: при наиболее тяжелой семейной ситуации взаимодействия с родителями ребенок может прийти к позиции полного отрицания (я плохой, ты плохой), не доверять ни себе ни другим и никого не жалеть.

От установления этих позиций по отношению к себе и близким взрослым будет зависеть поведение ребенка со сверстниками. Ребенок с позицией «я плохой» все время неосознанно хочет облегчить чувство неблагополучия, а это может привести к неадекватной реакции на других детей: он может обидеть, посмеяться, толкнуть, т.е. играть роль обидчика. Эта же позиция в других ситуациях может привести к роли жертвы, когда ребенок, проявляя свое бессилие и «нехорошесть», провоцирует одноклассников на насмешки.

Четвертая позиция: принятие окружающего мира (я хороший, ты хороший) не развивается спонтанно, она основана на размышлении ребенка над ситуациями общения с другими людьми, на анализе своих поступков. Очень повезло детям, которым взрослые помогли проявить свою «хорошесть», создавая ситуации, где дети позитивно проявляли себя и убеждались в своей значимости, а также в значимости других.

В настоящее время увеличилась частота убийств и самоубийств школьников, а также нервно-психических заболеваний на почве школьных взаимоотношений.

Приходя в школу со своим восприятием себя и других, ребенок начинает включаться в очень значимые для него отношения – отношения с учителем, которые могут внести существенные изменения в его самовосприятие и взаимодействие со сверстниками. Замечательно, если происходит встреча с учителем, обладающим позитивным взглядом на себя и на других людей (если у педагога позиция «я хороший, ты хороший»). Такой учитель относится с пониманием к различным особенностям детей, одним своим поведением с учащимися задает в детском коллективе уважительный и миролюбивый стиль общения. В классе у

такого учителя если и случаются эпизоды школьной травли, то они остаются только эпизодами.

Однако такие замечательные встречи происходят редко, так как и многие взрослые остаются на позициях «я плохой, ты хороший»; «я хороший, ты плохой»; «я плохой, ты плохой».

Учитель с негативным восприятием себя испытывает чувство незащищенности, негативно воспринимает окружающих через призму своих стрессов и тревог, обращается к авторитарному стилю общения с детьми как к средству психологической самозащиты. Учитель с негативным восприятием других рассматривает учеников исключительно как объекты воздействия и чаще отмечает у них такие качества, как лень, недисциплинированность, неспособность и т.д., чем мечтательность, творческие способности, своеобразие познавательной сферы.

В книге Р.Бернса «Развитие Я-концепции и воспитание» выделены особенности стиля взаимодействия таких учителей с детьми. Эти педагоги будут:

- *Отрицательно реагировать на тех учащихся, которые тебя не любят.*
- *Использовать любую возможность, создавая для учащихся трудности, так как это не дает расслабляться.*
- *Стимулировать учащихся к учебе, вызывая у них чувство вины за свои промахи.*
- *По возможности строить учебную деятельность на основе конкурентной борьбы.*
- *Исходить из вероятности нечестного поведения учащихся на экзаменах.*
- *Сталкивать учащихся лицом к лицу с суровой реальностью взрослой жизни.*
- *Стремиться к установлению жесткой дисциплины.*
- *Увеличивать степень наказания учащегося пропорционально его вине.*

Нередко такие учителя ведут себя чрезмерно жестко, авторитарно, пытаясь защититься от учащихся агрессивностью. Подобный стиль поведения как раз и может спровоцировать в детском коллективе такое явление, как школьная травля.

Взрослым важно помнить, что неприятные события в жизни ребенка скорее способствуют развитию враждебности и агрессивности, чем доброты и внимательности. При недостатке любви и заинтересованности к ребенку со стороны взрослых его поведение деформируется.

Следующая психологическая причина школьной травли: ***индивидуальные особенности самого ребенка***, его желание самоутверждаться и невозможность сделать это в социально желательном направлении могут привести к неблагоприятному поведению. В любом человеке находит отражение его двойственная природа: противоборство между добром и злом, низменными и возвышенными чувствами. Для возникновения ситуации травли достаточно, чтобы в классе был хотя бы один человек, склонный самоутверждаться за счет унижения других. А травля – явление заразительное.

Замечательно, если происходит встреча с учителем, обладающим позитивным взглядом на себя и на других людей (если у педагога позиция «я хороший, ты хороший»).

Цель многих школьных «преследователей» – установление контроля и превосходства над другими. Можно говорить, что их агрессия связана с возможностью получения некоторой выгоды от своего положения, а не вспышкой эмоций. Сам преследователь-обидчик сильных чувств в процессе травли не испытывает, ему часто даже безразлично, кто станет очередной жертвой.

Причины травли могут быть связаны с ***особенностями межличностных отношений между детьми***, и возникает травля как сведение счетов. Ребенок, играющий роль обидчика, испытывает чувство враждебности, ведет себя агрессивно, часто находится в

состоянии фрустрации. Это состояние возникает, когда на пути к желаемой цели встает препятствие. В детском коллективе это могут быть ситуации, когда один ученик не дает другому списать домашнее задание, не подсказывает на контрольной работе и т.д. В подростковой среде это может быть связано с отказом в дружеских отношениях, с отвержением девочкой знаков внимания со стороны мальчика. В этом случае можно говорить не столько о целенаправленной травле, сколько об эмоциональных отношениях, выливающихся в травлю, так как сам обидчик испытывает сильные негативные чувства к жертве: злость, обиду, зависть и т.д.

Поэтому очень важно, чтобы у подрастающего человека были сформированы другие способы поведения в состоянии фрустрации. Это прежде всего умение считаться с чувствами другого человека, а также способность переоценить ситуацию, переключиться на другую цель, найти иные способы для достижения своей цели.

Агрессивное поведение по отношению к одноклассникам может быть связано с ***социальным научением***, когда дети и подростки усваивают определенные модели поведения, наблюдая их в своей среде, в телевизионных передачах. Часто агрессивное поведение становится моделью для подражания. Так, американские исследователи обнаружили, что после просмотра чемпионатов по профессиональному боксу (одобряемая обществом агрессия) увеличивается число убийств по сравнению с обычным уровнем.

Многочисленные исследования свидетельствуют, что дети и подростки, особенно с эмоциональной неуравновешенностью, часто моделируют насильственное поведение, демонстрирующееся по телевидению в телепередачах и фильмах.

Как отдельную причину можно назвать ***скуку***.Бездеятельность ребенка в школе приводит к поиску острых впечатлений, которые часто связаны с эмоциональными реакциями обижаемых детей.

Важно осознавать многообразие причин школьной травли и понимать непростой характер этого явления. Но наибольшее значение для предотвращения и профилактики школьной травли, несомненно, имеют детско-родительские отношения, а также отношения между учителем и учеником.

Психологические особенности участников школьной травли

Для психологического анализа ситуации школьной травли важно рассмотреть такие психологические роли, как преследователь (или обидчик), жертва, спасатель. Эти роли в свое время были введены психологом Карпманом для прояснения драматических ситуаций в общении между людьми. Вокруг главных участников находятся дети, не ключающиеся в ситуацию, – наблюдатели.

Жертва

Эта роль у ребенка может быть эпизодической, а может быть постоянной на протяжении школьного обучения. Жертвой травли может стать любой ученик. Роль жертвы может иметь определенные аспекты в своем происхождении и поведенческих особенностях: белая ворона, чужак, глупый, маменькин сынок, не такой, как все и т.п. В причинах и особенностях травли маменькиного сынка и белой вороны просматриваются существенные различия.

Отметим особенности детей, которые чаще других становятся жертвами школьной травли.

Во-первых, это школьники с неразвитыми социальными навыками. По сравнению с теми, кто умеет общаться, отстаивать свое мнение, давать отпор обидчику, дети с неразвитыми социальными навыками легче принимают роль жертвы (маменькины сынки и дочки). Обычно это ранимые, обидчивые ученики. Если такой ребенок начинает сильно реагировать (кричит, плачет, злится) на «шутки» задир, то, можно сказать, что мишень найдена. Наблюдать за ним обидчику забавно и интересно, другую жертву можно не искать.

Во-вторых, это дети, непохожие на других, с физическими недостатками, с яркими особенностями поведения, со своеобразными манерами и реакциями (не такой, как все).

Мишенью для насмешек и агрессии часто становятся учащиеся с особенностями поведения: замкнутые (интроверты и флегматики) или с импульсивным поведением. Гиперактивные дети могут быть как жертвами, так и преследователями, а нередко становятся теми и другими одновременно.

Все то, что выделяет ребенка по внешнему виду из общей массы, может стать объектом для насмешек: рыжие волосы, веснушки, оттопыренные уши, кривые ноги, вес тела (полнота или худоба) и т. д.

У ребенка-жертвы могут возникнуть проблемы во взаимодействии с окружающими, причем они могут проявиться и в юности, и в молодости, и даже в зрелом возрасте.

Однако более важной, чем внешние особенности, является способность ребенка к эффективному взаимодействию в ситуациях травли: спокойная реакция, встречный юмор, умение при необходимости дать отпор.

Третья группа риска по травле – это часто болеющие школьники. Они обычно являются изгоями класса просто потому, что мало бывают вместе с другими, остаются вечными новичками (чужаками).

В-четвертых, это дети и особенно подростки с ярко выраженным собственным мнением, своими взглядами и ценностями, нонконформисты (белые вороны).

Обидчик

Обидчики, зачинщики травли, также имеют отличительные черты.

Во-первых, это дети, страдающие от насилия в своей семье и компенсирующие свои страдания насилием над самым слабым в классе.

Во-вторых, обидчиками становятся ученики, стремящиеся к лидерству, которые не могут самоутвердиться в школе социально приемлемыми способами: за счет учебы, общественной деятельности, спорта, но претендуют на высокий статус в коллективе.

И, ***в-третьих***, это дети, пришедшие из семей, где процветают идеи шовинизма, ксенофобии и снобизма.

Важно отметить, что не всегда обидчики хотят своим поведением принести вред своей жертве. У них могут быть свои цели: почувствовать свою силу, повлиять на ситуацию, сформировать значимые для себя черты характера.

Примеры

Роли обидчиков и жертв не являются постоянными, они могут меняться: жертвы могут стать обидчиками и наоборот.

Матти Юхан Саари, открывший стрельбу в школе финского города Каухайоки и послуживший причиной смерти 10 человек, был жертвой школьных нападок, сообщили его знакомые финской телерадиовещательной корпорации YLE.

По словам одного близкого знакомого Саари, юноша годами мечтал о том, чтобы открыть в школе стрельбу: «Над ним постоянно смеялись и по-всякому обзывали его. Многие считали его неприятным, странным и занудным человеком». Он добавил, что Саари мучили и в армии. У него были два друга, которые хотели сообщить о Саари в полицию, но так и не сделали этого. По их словам, они пытались говорить с Саари о его проблемах, но все было напрасно. По словам знавших его людей, незадолго до происшествия Саари производил особенно тяжелое и удручающее впечатление. Он якобы говорил о том, что собирается покончить с жизнью.

Иногда кто-то из одноклассников берет на себя роль ***спасателя***, защищая жертву перед обидчиком. Однако достаточно часто эта роль становится неоднородной, так как спасатель начинает испытывать на себе силу преследователя, он превращается из спасателя в жертву, а иногда и просто в жертву данной ситуации.

Классически рассмотрена ситуация школьной травли со сменой ролей ее участников в замечательном фильме Ролана Быкова «Чучело».

Очень важно отметить роль самой ситуации, когда неагрессивные и послушные дети становятся настоящими преследователями, сами не осознавая своей новой роли. Очень показательными в этом плане являются воспоминания Надежды Ульяновой.

«Давай, снега ему за шиворот побольше», – кричала раскрасневшаяся Ирка, мутузя нашего общего одноклассника. Я тоже не отставала, добивая Лешку варежкой. Очень скоро мы всем классом повалили его в снег и «оторвались по полной»: сорвали шапку и закопали в сугроб, вырвали клок волос, отобрали перчатки и, что скрывать, просто побили. Наконец, учительница, наблюдавшая за нами в окно, махнула рукой: «Хватит». Лешка не плакал. Он насупился и зло смотрел на нас. Откопал свою шапку, собрал учебники и пошел домой. Мы с Иркой потопали в другую сторону ужасно гордые и довольные собой. Как же, приструнили одноклассника. У нас с Лешкой с первого класса вражда, он вечно заглядывал в мою тетрадку и списывал. За что и получал по голове учебником.

Но весь класс ополчился на него не за это. Просто Лешка не вписывался в привычные рамки. По мнению нашей учительницы, он слишком много баловался, мешал вести уроки. Меры воздействия нашей классной руководительницы не действовали. Она пришла в нашу школу недавно, еще не успела завоевать авторитет среди учителей. И Лешка в ее глазах стал террористом, всячески этот авторитет подрывающим. И в тот момент мне искренне казалось, что весь наш класс поступает правильно. А теперь я понимаю – это был настоящий буллинг. <…> Через три года мы с Лешкой участвовали в олимпиаде по математике. Я заглядывала в его листок, и он не бил меня учебником. Наоборот, пару задач решили вместе».

Последствия школьной травли

Важно отметить, что сама ситуация травли приводит к искажению формирование личности детей. Именно достойное положение в группе сверстников, дающее ребенку и подростку моральное удовлетворение, – основное условие для нормального психического развития.

По результатам исследования норвежского психолога Дана Ольвеуса, у ребенка-жертвы могут возникнуть проблемы во взаимодействии с окружающими, причем эти трудности могут проявиться и в юности, и в молодости, и даже в зрелом возрасте. Героиня фильма «Чучело» Лена Бессольцева в отчаянии говорила своему дедушке: «Неужели я никогда не буду смеяться? Неужели жизнь прошла и больше ничего не будет? Я больше никого не полюблю!»

Чтобы не сделать из своего ребенка ни жертву, ни обидчика, важно поддерживать у него адекватную самооценку, не унижать, не превозносить, стараться обсуждать школьные дела и отношения, не вынося безапелляционных оценок.

Большинство обидчиков часто не достигают высокой степени реализации своих способностей, так как привыкают самоутверждаться за счет других, а не в результате собственных усилий.

Даже психика сторонних наблюдателей подвергается изменению – у них может развиваться позиция невмешательства и игнорирования чужого страдания.

Предотвращение школьной травли

Наверное, невозможно добиться того, чтобы никто из детей на протяжении школьного обучения не почувствовал себя притесненным со стороны сверстников. Однако, как показывает практика, можно существенно снизить проявление агрессивности в школе.

Эта проблема связана с решениями на разных уровнях: на уровне государства – поддержка воспитательно-образовательных программ; на уровне школы – введение правил, уставов; на уровне классов – создание условий для эффективного общения и взаимодействия детей; на уровне индивидуального поведения учителя – внимательность в отношении взаимодействия детей и собственное позитивное отношение с ними.

В Норвегии 20 лет применяется (и с 2001 года имеет статус приоритетной общенациональной программы) разработанная ученым Ольвеусом программа по созданию нормальной школьной среды: уважительной, теплой, с установленными границами поведения, но без карательных последствий нарушения этих границ. Применение программы Ольвеуса на 30–50% сокращает число жертв травли и снижает уровень вандализма, воровства, пьянства и прогулов.

В настоящее время существует множество программ в разных странах мира по предотвращению школьной травли. Во все этих программах есть общие пункты, такие, как:

- регулярные анонимные опросы школьников о существовании травли;
- обсуждение данной проблемы на классных, школьных и родительских собраниях;
- разработка самими учениками кодекса поведения;
- усиление внимания учителей к поведению детей на переменах и во дворе школы;
- обучение учителей стратегиям профилактики травли.

Именно учитель должен вовремя заметить травлю, разобраться в ее причинах и прекратить ее. Очень важно обращать внимание на работу как с жертвами, так и с обидчиками. Учителя младших классов могут использовать для профилактической работы пособие Е.И. Лернера «Я не дам себя обижать» по развитию у детей навыков уверенного поведения.

Для профилактики школьной травли, а также для развития у детей сочувствия к другим людям можно использовать средства искусства: чтение литературных произведений, просмотр фильмов с их последующим обсуждением.

Есть разные способы, помогающие учителю нормализовать ситуацию между участниками травли. Поняв причины этого явления, можно включить как жертву, так и обидчика в новые для них социальные роли, которые дадут возможность этим детям проявить себя и удовлетворить свои насущные потребности в общении, признании.

Учитель с негативным восприятием себя испытывает чувство незащищенности, воспринимает окружающих через призму своих стрессов и тревог, обращается к авторитарному стилю общения с детьми как к средству психологической самозащиты.

Например, узнав, что один из зачинщиков постоянных потасовок в седьмом классе является к тому же и негласным лидером, директор школы сказал: «А давайте он будет самым главным дежурным по школе, проверяющим посты». Поведение подростка изменилось, ему было где себя проявить, причем с лучшей стороны.

В профилактике и предотвращении школьной травли велика роль родителей. Чтобы не сделать из своего ребенка ни жертву, ни обидчика, важно поддерживать у него адекватную самооценку, не унижать, не превозносить, стараться обсуждать школьные дела и отношения, не вынося безапелляционных оценок. Нужно рассматривать поведение ребенка и его одноклассников с разных позиций, обучая умению встать на место другого, почувствовать его переживания и в то же время помогая научиться регулировать свои действия, не поддаваться на провокацию, сказать «нет», если необходимо, обратиться за помощью к взрослым. Ведь очень часто наиболее страшные эпизоды школьной травли разворачиваются или в самой школе, или рядом с ней, а жертва терпит побои и унижения, стесняясь привлечь к себе внимание.

Особенно важно со стороны родителей искренне интересоваться делами своего ребенка в классе, его ролями в классных делах, отношениями с одноклассниками, учителями, более старшими и более младшими детьми. Они не должны отмахиваться, как от незначимого и несерьезного, от возникающих проблем во взаимодействии ребенка со сверстниками. Такое бесчувствие со стороны близких может привести к трагедии. В настоящее время увеличилась частота убийств и самоубийств школьников, а также нервно-психических заболеваний на почве школьных взаимоотношений.

Проблема школьной травли серьезна и значительна, разнообразие причин этого явления велико: от особенностей воспитания и внешней ситуации до индивидуальных особенностей детей и немотивированной агрессии.

Очень важно, чтобы школьная травля не становилась типичным явлением, а агрессия не рассматривалась как норма поведения. Ведь еще есть надежда, что пластичная психика детей, развивающееся самосознание подростков и мудрость взрослых помогут преодолеть последствия неадекватных ролей, которые сознательно или вынужденно проигрываются многими людьми в своей детской и подростковой жизни.

РЕБЕНОК БЫВАЕТ "КУСАЧИЙ"

А.Баркан, М.Битянова

Кто самый слабый?

Когда я, 12-летняя, глотала слезы в темном зале кинотеатра во время фильма Чучело, я не знала английского слова ***буллинг.*** *Знала только то, что история эта правдивая и немножко про меня - я тогда перешла в новую школу. А еще, про хилого Борьку с его странной пожилой мамашкой, над которой все смеялись. И про толстушку Ирку с ее вечной бедностью. В каждом классе был своей объект травли, иногда необъяснимо безжалостной.*

Можно ли подготовить ребенка к жестокости сверстников, научить его вести себя так, что не оказаться ни жертвой, ни мучителем? Что делать, если ваши сын или дочь стали объектом травли? Обсуждаем это вместе с экспертами - психологом, д. п. н., профессором Аллой Баркан и профессором МГППУ, к. п. н. Мариной Битяновой.

Буллинг (или школьная травля) распространяется по миру, как вирус, в последние годы особенно быстро.

Вот лишь те случаи, которые получили широкую огласку: в Польше девочка-подросток добровольно ушла из жизни, после того как одноклассники насильно раздели ее догола и сняли все на видеокамеру мобильного телефона. В Великобритании состоялся судебный процесс над школьницами, издевавшимися над 12-летней подругой: они прижигали ей лицо сигаретами, били по голове туфлями и хлестали крапивой. Там же, в газете The Times, в 2007 году были опубликованы дневники покончившей с собой 14-летней Лоры - она не выдержала мучений, вызванных издевательствами в школе. Беда Лоры была в ее полноте и беспомощности перед нападками. В Японии прокатилась волна подростковых самоубийств на почве буллинга. У нас в Тюмени одноклассницы заманили 14-летнюю Наташу в квартиру одной из девочек, для того чтобы поиздеваться над ней. Не выдержав пыток трех школьниц, Наташа выпрыгнула с восьмого этажа, чудом оставшись в живых. Но даже в больнице, очнувшись, она боялась рассказать, что же все-таки произошло. И только видео, заснятое мобильным телефоном, помогло раскрыть правду.

Проблема насилия в школе и даже в детском саду начала волновать психологов и педагогов давно - уже с 1905 года в печати начали появляться первые работы на эту тему. А сегодня буллинг стал темой научных исследований, конференций, статей и национальных проектов. С помощью опросов выяснилось, что школьная травля существует во всем мире - примерно каждый пятый ребенок испытывал ее на себе, а каждый седьмой - был агрессором. Именно поэтому во многих странах работают серьезные программы, разработанные специально для предотвращения агрессивности. Самая известная из них - общенациональная **антибуллинговая программа**, созданная всемирно известным норвежским психологом Даном Ольвеусом. Программа работает в Норвегии с 1983 года, и

результаты ее настолько убедительны, что ее стали применять и в США, и в Великобритании.

Практика доказала: при использовании этой программы можно снизить число жертв и число преследователей на 30-50%, а кроме того, уменьшить количество подростковых преступлений вроде воровства, краж, разбоя, изнасилований.

Главные принципы таковы:

- Теплый, положительный интерес и вовлечение взрослых (учителя, родители и воспитатели постоянно проявляют интерес к отношениям детей, причем делают это без морализаторства, а искренне и открыто).
- Твердые рамки и ограничения неприемлемого поведения (правила вырабатываются совместно детьми и взрослыми, в программе предусмотрена общешкольная конференция на тему буллинга).
- Последовательное применение некарательных, нефизических санкций за неприемлемое поведение и нарушение правил (ребенок знает, что за нарушение правил наказание будет жестким, неизбежным и не унижающим его достоинство).
- Наличие взрослых, выступающих в качестве авторитетов и ролевых моделей (специально для этих целей школа привлекает подобных людей, давая детям возможность общения с теми, кто вызывает уважение).
- К этому прибавляется тщательная и постоянная психодиагностика.

Кстати, раннее выявление агрессивности помогает бороться с буллингом - это подтверждено в Канаде, где такая работа успешно проводится. В Чехии появились программы, суть которых в поощрении и поддержке детей, рассказывающих о школьной дедовщине взрослым, ведь одна из главных причин невмешательства взрослых в том, что дети боятся обнародовать факты насилия. Создана Европейская обсерватория школьного насилия (Е0П1Н), а в Страсбурге разработан проект Хартии **Демократическая школа без насилия**. Во многих странах школьники играют в компьютерные игры, обучающие антижертвенному поведению, участвуют в играх и театральных постановках, специально разработанных для жертв и агрессоров, участвуют в семинарах и открыто пытаются решать проблемы. В некоторых школах Австралии создана система шефства - когда к каждому младшему школьнику прикреплен старший, который сопровождает его в школу и обратно.

У нас же, по данным Научного центра психического здоровья РАМН, уровень насилия в школе **превышает аналогичный уровень в странах Европы** и Азии, на государственном уровне школьное насилие не обсуждалось и специальных законов пока не принято. Именно поэтому родителям надо самим защищать своего ребенка - как от того, чтобы стать жертвой, так и от того, чтобы превратиться в агрессора. Надо объединять усилия с другими родителями, вместе воздействовать на учителей и требовать внимания школы к проблеме. Конечно, полностью искоренить буллинг вряд ли удастся, предостерегают психологи, - он напрямую связан с непрекращающимся насилием в обществе, но можно и нужно пытаться свести его к минимуму и максимально смягчить последствия.

Родители, которых не устраивает ситуация разделения детей на унижаемых и тех, кто правит, вполне в состоянии бороться, используя все способы, придуманные на сегодняшний день в разных странах.

Однажды ко мне на консультацию, - рассказывает Алла Баркан, - родители привели семилетнего Алешу, ставшего жертвой школьной дедовщины. У него был вид затравленного зверька, он смотрел на меня исподлобья, пальцы сжимались в кулаки. Он явно готовился к бою. Казалось бы, откуда взялась агрессия, разве она свойственна изгоям, боящимся собственной тени? На самом деле все логично. Алеша подвергался такому насилию со стороны одноклассников, что просто уже не был в состоянии различить, кто из окружающих виноват в его бедах. Алеша - не совсем типичная жертва школьной дедовщины, зараженной вирусом агрессии, вызывающем в ответ ответную реакцию многократно сильнее и яростнее. Но именно такие дети в попытке отомстить могут пойти на самые тяжкие преступления. Чаще я видела совсем других жертв школьного буллинга – растерявших даже последние перышки из своих крыльев, жалких и смиренных, презирающих самих себя.

Неправы те родители, которые считают, что вместе со школьными годами пройдет и стресс, вызванный травлей. Последствия могут продолжаться всю жизнь. Дети-изгои могут затем превратиться в жертв армейской дедовщины и офисного буллинга (тоже очень

распространенного в мире явления). Если ребенок подвергался насилию неоднократно и на протяжении долгого времени, у него может развиться серьезное нарушение, которое специалисты называют посттравматическим стрессовым расстройством. Об этом говорят и многочисленные воспоминания взрослых уже людей, которые много лет пытаются и не могут забыть ужасных лет, проведенных в ситуации школьной травли.

Как понять, что ребенка травят?

Беда в том, что о травле родители узнают слишком поздно.

Когда его дразнят, забрасывают его портфель в туалет к другой половине человечества, рвут его тетради и учебники - это считается нормальным, - убеждена Марина Битянова.

Когда никто с ним не играет и не разговаривает, когда большинство класса его просто игнорирует безо всякой причины, без объявления бойкота - это вообще не считается. Все обычно думают, что это вина самого ребенка, который не умеет общаться. На самом деле все это - варианты травли, которые оставляют травмы в душах всех участников процесса: и нападающих, и жертв. Высокая терпимость к насилию есть своего рода общественное принятие его.

Ребенок жалуется, родители пытаются говорить с классным руководителем, с учителями - никто ничего не замечает.

Действительно, травля может происходить только на переменах или после школы... Самооценка снижается, человек либо легко и по ничтожному поводу становится в позицию жертвы, и тем самым провоцирует насильника на агрессию, либо опять-таки провоцирует на ответную агрессию неоправданно и избыточно яростными реакциями. Получается, процесс превращается в снежный ком - один постоянно находится в ярости, другой обижается на все, даже на незначительные слова и поступки.

А вокруг находятся те, кого называют конформистами, - участвующие в травле пассивно, из страха стать жертвой самим. Они тоже боятся и тоже травмируются ситуацией.

При этом ребенок становится агрессивным, обидчивым, раздражительным и любые разговоры о возможной дедовщине дома не поддерживает (не хочет лишний раз вспоминать о насилии).

Роль учителя

Известно, что 10% учителей, - говорит Марина Битянова, - провоцируют травлю. Как они это делают? Очень просто. Когда учитель пристрастен, несправедлив, унижает и смеется над некоторыми избранными детьми, эти дети становятся жертвами травли. Учитель может отдыхать, его работу сделают его лучшие ученики. Есть взгляды и мнения, способствующие травле.

Например: *жесткие отношения готовят детей к жизни*, *мальчики без драк не вырастают*, *все девчонки - интриганки*.

В результате образуется своеобразный заговор молчания среди учителей. Особенно среди учителей-предметников, которые обеспокоены только тем, чтобы на их уроках все было благообразно. На самом деле травля заметна. Не верьте, что учителя ничего не видят. Все они замечают, но не умеют бороться с этим, а никто не хочет испытывать чувство бессилия и профессиональной некомпетентности, легче сделать вид, что ничего не происходит.

Справиться с ситуацией, когда кого-то из детей травят, непросто, но возможно. Для этого необходимо предпринимать согласованные усилия.

Учитель может:

- если речь идет о детях до 12 лет, четко и ясно, без нравоучений и абстрактных рассуждений заявить о том, что подобного поведения он не допустит ни под каким предлогом;
- занять детей совместным познавательным и захватывающим проектом, требующим разделения обязанностей и ролей. Часто травля возникает от обыкновенного безделья и отсутствия развлечений;
- если травлю организуют старшие подростки, бесполезно жестко и открыто демонстрировать свою поддержку жертве: ее начнут травить еще сильнее.

Эффективное лекарство - совместный поход **на выживание**, в котором детям будет по-настоящему трудно.

Там можно вести индивидуальные беседы в духе **представь себя на его месте**. Вообще, в случае травли в старших классах усилий одного учителя недостаточно, и правильно будет собрать педсовет с приглашением на него школьного психолога.

Как предотвратить буллинг

Прежде всего надо знать, попадает ли ребенок в группу риска:

- есть ли у него физические недостатки (полнота, худоба, шрамы, очки, прыщи и т. д.),
- яркие, необычные черты внешности (рыжие волосы, низкий или высокий рост),
- особенности поведения (активная жестикуляция, громкий голос и т. д.),
- обидчив ли он, не заикается ли в минуты волнения, легко ли раздражается.

Если какая-то из этих особенностей у ребенка есть, нужно обязательно проводить антибуллинговую профилактику:

1. Тщательно выбирайте школу, исходя из возможностей ребенка, а не собственных амбиций. Если программа слишком сложная и школа ориентирована только на успешных детей, то ребенок может оказаться в изгоях из-за того, что он не справляется с нагрузкой.
2. Учите его не хвастаться игрушками, деньгами родителей или их положением в обществе.
3. Разговаривайте о социальном неравенстве: о том, что богатство и личные качества не всегда связаны, что физические недостатки не повод для издевательств. Тем самым вы предотвращаете превращение ребенка в зачинщика травли.
4. Если есть возможность, занимайтесь с ребенком спортом, это всегда придает уверенности в себе.
5. Играйте в игры, где есть победитель и побежденный, приучайте к тому, что он может стать как первым, так и вторым, без ущемления самолюбия и без злости.
6. Если ребенок переходит в новую школу, он неизбежно окажется на нижней ступеньке иерархии - к нему надо быть особенно внимательным, много разговаривать с ним о школе.
7. Хороший вариант - пригласить к себе домой одноклассников, познакомиться с учителями. Тем самым вы обеспечите ребенку поддержку среди тех и других. Если через месяц-два все станет на свои места, значит, ребенок нашел свою нишу в классе.
8. Если вы считаете, что ребенок стал жертвой, прежде всего убедитесь, что это действительно травля, а не локальный конфликт.

Ребенок пришел домой и пожаловался на то, что учительница накричала на него, а здоровяк Витя кинул линейкой? Это еще не повод бить в колокола и обвинять всех подряд, особенно учителя.

Для младшеклассника учитель - непререкаемый авторитет, и, если родители противопоставляют себя ему, у ребенка полностью теряются ориентиры. Гораздо важнее учить семи-девятилетку спокойно отстаивать свое мнение, контролировать свои поступки и слова, **не бояться говорить нет** даже взрослым. Те же навыки пригодятся и в отношениях со сверстниками. Ведь часто зачинщики травли задирают всех подряд, как бы тестируя, кто больше обидится, взорвется. Как только такой объект найден, поиски прекращаются, ведь именно такого ребенка «интереснее» всего травить. Если ребенок говорит вам: *Со мной никто не дружит*, -это может означать всего лишь неспособность детей (особенно во втором-третьем классе) выстраивать отношения, ведь многие из них не имеют детсадовского опыта. В этом случае взрослым - учителям и родителям - надо брать на себя часть работы, устраивая праздники, вылазки за город, спектакли и т. д.

Но, если вы поняли, что травля происходит регулярно, организованно и направлена именно против вашего ребенка, не медлите. Разработайте собственную, домашнюю **антибуллинговую программу** вместе с ребенком. Решите, что вы будете делать дома

сами (тренироваться давать сдачи, репетировать ответы обидчикам, искать друзей вне школы и т. п.), а что - в школе (беседовать с учителями, встречаться с родителями других детей, приглашать одноклассников домой). Делайте это абсолютно серьезно, не отмахивайтесь и не оставляйте ребенка одного - ведь вы столкнулись с настоящей трагедией!

Типичные жертвы буллинга

- Пугливые, чувствительные, замкнутые и застенчивые дети.
- Новички, пришедшие в класс, где есть сложившиеся связи между детьми и роли распределены. Тревожные, не уверенные в себе дети с низким самоуважением.
- Склонные к депрессии, чаще своих ровесников думают о самоубийстве.
- Не имеющие ни одного близкого друга - такими иногда становятся болезненные дети, которые пропускают много уроков и не успевают выстроить отношения.
- Если это мальчики, они могут быть физически слабее своих ровесников.

Кто чаще всего становится агрессором, зачинщиком травли

- Дети, испытывающие сильную потребность подчинять себе других, добиваясь тем самым своих целей.
- Импульсивные и легко приходящие в ярость.
- Те, кто часто вызывающе и агрессивно ведет себя по отношению ко взрослым - включая родителей и учителей.
- Не испытывающие сочувствия к своим жертвам.
- Если это мальчики, они обычно физически сильнее других мальчиков.
- Страдающие от насилия в семье.
- Дети из семей, где популярны идеи шовинизма, ксенофобии.

ЕСЛИ ВАШ РЕБЕНОК:

- неохотно идет в школу и рад любой возможности не ходить туда;
- возвращается из школы подавленным;
- часто плачет без очевидных причин;
- никогда не вспоминает никого из своих одноклассников;
- очень мало говорите своей школьной жизни;
- одинок, его никто не приглашает в гости, на дни рождения, и он никого не хочет позвать к себе,

-возможно, ***ОН СТАЛ ОБЪЕКТОМ БУЛЛИНГА.***

ПАМЯТКА ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

Если ваш ребенок стал жертвой буллинга:

1. Попытайтесь понять причины: внешность, особенности поведения, успеваемость, отсутствие статусных для детей предметов (мобильного телефона, плеера) и т. п.
2. Разговаривайте с ребенком, обсуждайте ситуацию в спокойном и деловом тоне. Выражайте сочувствие без оценок и комментариев. Дайте понять, что это всего лишь одна из проблем, для которой необходимо найти решение. Не ужасайтесь, не жалейте ребенка и ни в коем случае не паникуйте.
3. Расскажите о своем успешном опыте в похожих ситуациях, о случаях, когда другим детям удалось не обижаться и не злиться сильно.
4. Если ребенок обидчив, с помощью игр и тренировок научите его молчанию, спокойному безразличию.
5. Сообщите о ситуации классному руководителю, школьному психологу, директору школы. Потребуйте вмешательства педагогического коллектива.
6. Выступите на ближайшем родительском собрании: старайтесь не обвинять, а призывать родителей объединить усилия для того, чтобы травля не стала традицией в классе.
7. Если ребенок пережил насилие, напуган и потрясен случившимся, оставьте его на день дома.
8. Не спешите с требованиями *не будь слюнтяем*, *дай сдачи* (особенно это касается реакции отцов на *слюнтяйское* поведение мальчиков). Многие дети не могут

преодолеть страх и к тому же боятся вызвать неудовольствие папы, а потому перестают жаловаться и остаются со своей бедой один на один.

Буллинг бывает:

- **физический** (агрессия с физическим насилием),
- **поведенческий** (жертву вынуждают пережить оскорбительные и унижающие собственное достоинство обстоятельства – от сплетен и бойкотов до вымогательств и шантажа)
- **словесный** (унижение с помощью непристойных слов, издевательских ярлыков и т. п.).

В последние годы появился термин **кибербуллинг**, когда жертва получает оскорбительные послания по электронной почте или же оскорбления появляются в Интернете.

ВО ВСЕМ МИРЕ КАЖДЫЙ ПЯТЫЙ РЕБЕНОК ХОТЬ РАЗ БЫЛ ОБЪЕКТОМ ТРАВЛИ, А КАЖДЫЙ СЕДЬМОЙ – АГРЕССОРОМ.

НЕ ВЕРЬТЕ, ЧТО УЧИТЕЛЯ НИЧЕГО НЕ ВИДЯТ. НА САМОМ ДЕЛЕ ТРАВЛЯ ЗАМЕТНА, ДАЖЕ ЕСЛИ ОНА ПРОИСХОДИТ НЕ НА УРОКАХ.

Источники:

1. Гиппенрейтер Ю.Б. Общаться с ребенком. Как? - М.: ЧЕРО, 2002. – 240 с.
2. Коляда М. Г. Семейная энциклопедия воспитания ребенка: 3 000 вопросов что делать, если.... – Ростов н/Д: Феникс, 2007. – 448 с.
3. Кривцова С.В. Навыки жизни: в согласии с собой и миром. – М.: Генезис, 2002. – 129 с.
4. Монина Г., Лютова Е. Проблемы маленького ребенка. – СПБ.: Речь, 2003. – 192 с.
5. Шелопухо О. Популярная психология для родителей: какой у Вас ребенок?. – М.: ЗАО ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 320 с.

БУЛЛИНГ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ НАСИЛИЯ. ШКОЛЬНЫЙ БУЛЛИНГ

Ожиёва Е.Н.

Буллинг – достаточно новое понятие в жизни современного человека. Из повседневного определения это слово преобразовалось в международный термин и содержит в себе ряд социальных, психологических, юридических и педагогических проблем. И хотя для нас это слово – новое, явление, которое оно означает, к сожалению, нам хорошо известно, и представляет собой одну из актуальных проблем современности, требующей тщательного изучения, однако отсутствие достаточной информации о буллинге является препятствием для разрешения этой важной проблемы.

В переводе с английского языка буллинг (bullying) означает травлю, запугивание, третирование [1]. В связи с тем, что проблема буллинга остаётся малоисследованной, до сих пор нет чёткого научного определения этого термина. Само понятие буллинга понимается отдельными авторами по-разному и даётся различная квалификация его видов. На Интернет-портале Google слово «bullying» упоминается более чем 11 миллионов раз, этой проблеме полностью посвящён ряд международных серверов: *www.bullying.org,* www.bullyonline.org, *www.bullying.co.uk, www.nobully.org.nz, www.bullying awarenessweek.org u*

др. Для нас представляет интерес международный опыт по этой проблеме. Полезными являются наработки таких исследователей, как Д. Лэйн, И.Н. Кон, И. Бердышев и др.

Понятие «буллинг» рассматривается от узкого – видеосъёмка драки [2] до масштабного – насилие вообще [3]**.** Рассмотрим, как понимают явление «буллинг» некоторые исследователи. Д. Лэйн ассоциирует буллинг со школьной травлей и соглашается с Роландом, что он представляет собой длительное физическое или психическое насилие со стороны индивида или группы в отношении индивида, который не способен защитить себя в данной ситуации [4]; психотерапевт И. Бердышев определяет буллинг как сознательное, продолжительное насилие, не носящее характера самозащиты и исходящее от одного или нескольких человек [5]; по мнению социолога И.Н. Кона, *буллинг – это запугивание, физический или психологический террор, направленный на то, чтобы вызвать у другого страх и тем самым подчинить его себе* [6]. Т.Фалд, создатель ресурса в Интернете с названием Bully OnLine (www.bullyonline.org) считает буллингом регулярное негативное поведение одного работника по отношению к другому работнику или к целой группе работников, включает различные придирки по мелочам, часто совершенно необоснованные, негативную оценку работы или отказ от какой-либо оценки, стремление изолировать работника или группы работников от остальных, распускание грязных слухов и сплетен [7]. На наш взгляд, все эти определения не полностью выражают сущность буллинга, а освещают лишь некоторые его аспекты.

Мы пришли к выводу, что *буллингом можно считать умышленное, не носящее характера самозащиты и не санкционированное нормативно-правовыми актами государства, длительное (повторяющееся) физическое или психологическое насилие со стороны индивида или группы, которые имеют определённые преимущества (физические, психологические, административные и т.д.) относительно индивида, и которое происходит преимущественно в организованных коллективах с определённой личной целью (например, желание заслужить авторитет у некоторых лиц).*

Буллинг является разновидностью насилия и, в свою очередь, также может выражаться по-разному, т.е. имеет свои виды. Поскольку мы указали, что буллинг имеет место преимущественно в организованных коллективах, выделив основные социальные организации, где теоретически он может иметь место, попробуем выделить основные виды буллинга. Это:

- буллинг в школе;
- буллинг на рабочем месте;
- буллинг в армии («дедовщина»);
- кибербуллинг (насилие в информационном пространстве).

Конечно, проявления буллинга могут наблюдаться и в других более-менее организованных коллективах.

Остановимся на школьном буллинге, т.е. на том, который происходит в связи со школьным образованием: в школе либо за её пределами.

Относительно форм, в которых выражается школьное насилие, у исследователей этого явления отличные точки зрения. Так, Д. Лэйн выделяет физическое и психическое насилие [4]; И. Бердышев говорит о существовании словесного, поведенческого и собственно агрессивного буллинга, с физическим насилием [5]; Т. Мерцалова выделяет насилие физическое, эмоциональное, вербальное, психическое и сексуальное [8, с.26]. На наш взгляд, школьный буллинг следует разделить на **две основные формы**:

1. ***Физический школьный буллинг*** – умышленные толчки, удары, пинки, побои нанесение иных телесных повреждений и др.;

- *сексуальный буллинг* является подвидом физического (действия сексуального характера).

2. ***Психологический школьный буллинг*** – насилие, связанное с действием на психику, наносящее психологическую травму путём словесных оскорблений или угроз, преследование, запугивание, которыми умышленно причиняется эмоциональная неуверенность. К этой форме можно отнести:

- *вербальный буллинг*, где орудием служит голос (обидное имя, с которым постоянно обращаются к жертве, обзывания, дразнение, распространение обидных слухов и т.д.);

- *обидные жесты или действия* (например, плевки в жертву либо в её направлении);
- *запугивание* (использование агрессивного языка тела и интонаций голоса для того, чтобы заставить жертву совершать или не совершать что-либо);
- *изоляция* (жертва умышленно изолируется, выгоняется или игнорируется частью учеников или всем классом);
- *вымогательство* (денег, еды, иных вещей, принуждение что-либо украсть);
- *повреждение и иные действия с имуществом* (воровство, грабёж, прятанье личных вещей жертвы);
- *школьный кибербуллинг* – унижение с помощью мобильных телефонов, Интернета, иных электронных устройств (пересылка неоднозначных изображений и фотографий, обзывание, распространение слухов и др.).

Буллинг – в основном латентный для окружающих процесс, но дети, которые подверглись травле, получают психологическую травму различной степени тяжести, что приводит к тяжёлым последствиям вплоть до самоубийства. И не имеет значения, имел место физический буллинг или психологический. Предотвращение случаев школьного насилия является важнейшей задачей государства, поскольку жестокое отношение к ребёнку неминуемо приводит к негативным последствиям.

Литература

9. Bullying [Электронный ресурс] // Мюллер В.К. Новый англо-русский словарь. – Перераб. и доп. изд. – Режим доступа : http://www.rambler.ru/dict/new-enru/00/55/78.shtml. – Загл. с экрана.
10. Мухаркина А. В качканарских школах эпидемия буллинга: жертв травли снимают на видео [Электронный ресурс] / Алёна Мухаркина // Качканарский четверг. – 2008. – 12 мая. – Режим доступа: http://www.kchetverg.ru/?p=589 . – Загл. с экрана.
11. Ніколаєнко С.М. Виступ Міністра освіти і науки України на спільній колегії МОН, МВС, Мінсім'ямолодьспорт [Електронний ресурс] / С.М. Ніколаєнко // Департамент зв'язків з громадськістю Міністерства внутрішніх справ України. – 2007. – 27 квіт. – Режим доступу: http://mvsinfo.gov.ua/official/2007/04/270407_3.html. – Заголовок з екрану.
12. Лэйн Д.А. Школьная травля (буллинг) [Электронный ресурс] / Давид А. Лэйн // ZipSites.ru : бесплат. електрон. интернет б-ка. – Режим доступа : http://www.zipsites.ru/psy/psyib/ info.php?=414. – Загл. с экрана.
13. Бердышев И. Лекарство против ненависти / Илья Бердышев; семинар записала Е. Куценко // Первое сент. – 2005. – 15 марта (№ 18). – С. 3.
14. Кон И.С. Что такое буллинг и как с ним бороться? [Электронный ресурс] / И.С. Кон. // Сексология. Персональный сайт И.С. Кона. – Режим доступа: http://www.sexology.narod.ru/info178.html. – Загл. с экрана.
15. Фалд Т. Буллинг. Офисные хулиганы [Электронный ресурс] / Т. Фалд ; записал В.Кичкаев // Пси-фактор. – 2005. – Режим доступа : http://psyfactor.org/lib/bulling.htm. – Загл. с экрана.
16. Мерцалова Т. Насилие в школе: что противопоставить жестокости и агрессии? / Т.Мерцалова // Директор школы. – 2000. – № 3. – С. 25–32.

ЛЕКАРСТВО ПРОТИВ НЕНАВИСТИ

Семинар **Ильи Бердышева,**
врача-психотерапевта кризисного отделения
центра восстановительного лечения «Детская психиатрия»

Систематическая травля исподтишка должна насторожить вас больше, чем бурная драка

Насилие в школе впервые было обозначено как проблема еще в начале прошлого века. Первая работа на эту тему появилась в 1905 году. Но серьезный интерес это явление стало вызывать в период гуманизации общества и образования – в конце сороковых годов. В это время проблему пристально начинают изучать сначала в Швеции, потом в Англии и США.

Россия долгое время не проявляла интереса к проблеме, по крайней мере на уровне научных публикаций. Лишь в последние годы положение изменилось. Например, были опубликованы данные прокурорской проверки 1990 года по поводу закончившихся летальным исходом несчастных случаев с детьми и подростками. Так вот, большинство самоубийств дети совершают из-за преследований и издевательств взрослых. За год их было совершено около двух тысяч.

Что касается ежедневного школьного насилия в России, точных данных о нем нет, ибо в некоторых школах сохранение чести мундира заставляет замалчивать проблему. И мы до сих пор не можем оценить масштабы явления, известного на Западе под названием «буллинг» – индивидуальная травля и «мёбинг» – групповая. В дальнейшем я буду пользоваться термином «буллинг», подразумевая сознательное, продолжительное насилие, не носящее характера самозащиты и исходящее от одного или нескольких человек. Поскольку нет точных данных, нет у нас и продуманной стратегии решения проблемы. Поэтому воспользуемся американскими моделями и опытом.

Как ни банально это звучит, разрешение проблемы начинается с того, что администрация школы признает ее существование. После этого педагоги школы должны решить, склонны ли они махнуть на нее рукой или собираются бороться с причинами и проявлениями агрессии среди учеников.

Противодействие агрессии в американских школах начинается с самого широкого обсуждения проблемы: среди родителей, учителей, учеников всей школы и по классам. Все члены школьного сообщества должны договориться о своем отношении к проблеме и решить, что следует делать, если ты стал жертвой насилия или его свидетелем, что ожидает того, кто будет проявлять агрессию. Это делается для того, чтобы жертва не чувствовала себя один на один с проблемой, а насильник понимал, что ни один случай буллинга не останется безнаказанным. Обычно создаются группы поддержки для тех, кто подвергается насилию. И группы, куда может обратиться тот, кто раньше был склонен изводить окружающих, а теперь вынужден бороться со своей тягой к насилию. Буллинг наносит ущерб не только жертве и преследователю, но и людям, вынужденным наблюдать насилие. Причем помимо детей-одноклассников в этой роли могут выступать и взрослые, которые по той или иной причине не могут вмешаться. Такое присутствие и невмешательство наносит немалую психологическую травму: сцена травли эмоционально разрушительна для всех очевидцев.

Механизм преследования запущен

Скандинавский исследователь Олвеус в свое время утверждал, что можно нарисовать психологический портрет потенциальной жертвы. Если бы его гипотеза подтвердилась, можно было бы, протестировав детей, заранее начинать адресную профилактику насилия. К сожалению, идея оказалась несостоятельной. Практика показывает, что жертвой агрессии может стать любой человек. Существуют факторы – социальные, психологические, этнические, – увеличивающие риск. Но даже при их наличии человек не обречен на насилие. И наоборот. Нужно лишь помнить, что и жертвой, и агрессором становится человек, испытывающий те или иные проблемы. Потенциальный насильник пытается самоутвердиться за счет унижения окружающих, и на

пути у него оказывается человек, растерянный или запутавшийся в своих неприятностях, который не сумел вовремя дать адекватный отпор. И готово: механизм преследования запущен. Если за единичным случаем издевательства не последует адекватная реакция окружающих, в том числе и взрослых, поведение и изгоя, и насильника перерастут в стереотип. Швейцарец Алан Гуггенбюль описывает случай буллинга, широко распространившегося в одной из школ Цюриха: одна девочка с помощью запугивания заставляла большую группу первоклассников воровать из ближайшего супермаркета. Очевидно, что в благостной Швейцарии цель была не в деньгах и продуктах, а в ощущении власти. И длилось это довольно долго, ибо взрослым не приходило в голову, что такое возможно.

Факторы риска

Насилие может развиваться по нескольким сценариям. Агрессор в зависимости от ситуации ограничивается преследованием одного человека или со временем расширяет список жертв, занимается этим один или вовлекает в травлю свое окружение – тех, кто его побаивается.

Само насилие тоже может носить разный характер. Существует словесный буллинг (когда человека дразнят, издеваются, обзывают), поведенческий (создание мучительных, оскорбительных ситуаций) и собственно агрессивный, с физическим насилием. В выборе того или иного типа прослеживается гендерный фактор. Например, девочки часто используют поведенческий буллинг в форме бойкота, сплетен и интриг. К поведенческому буллингу относятся и разного рода мелкие пакости вроде «случайно» испачканной тетради, сломанного карандаша, портфеля, заброшенного в туалет противоположного пола… Преобладание того или иного типа буллинга зависит и от социального статуса учеников. В престижных учебных заведениях чаще практикуют моральные издевательства и обструкцию, а в школах небогатых районов дети страдают от физической агрессии, иногда очень сильно.

Преступление и наказание

Травля без физического насилия может довести ребенка до отчаяния не меньше, чем избиение, но в нашей стране она не рассматривается как причина для юридического разбирательства. В ответ на жалобы затравленного ребенка и его родителей юристы лишь разводят руками: если бы вашего сына поколотили, можно было засвидетельствовать синяки. А так – извините, слова к делу не пришьешь. К сожалению, мало кто задумывается, что такая позиция провоцирует дальнейшее насилие – как безнаказанного агрессора, так и загнанной в угол жертвы, которая может в конце концов наброситься на своего мучителя со всей силой накопившегося отчаяния.

Прекратить буллинг возможно только если ни один его случай не будет оставлен без внимания. Даже в тех школах, где учатся не самые послушные дети. Например, 462-я школа в Пушкине, девятилетка, где учатся много сложных детей: насилие там могло бы принять немалые масштабы, если бы не усилия педагогов и администрации. Они не смотрят сквозь пальцы ни на один случай агрессии. Если чувствуют, что не справятся сами, могут для острастки пригласить инспектора по делам несовершеннолетних. И все в школе знают, что здесь насилие категорически невозможно.

Сейчас столько внимания уделяется защите от нападения извне – тревожные кнопки, охранники, заборы, но мало кто осознает опасность внутришкольного насилия. А она более чем реальна. И усугубляют эту опасность сами взрослые своим невмешательством. Как иллюстрацию могу привести случай, произошедший в одной из хороших (!) школ Санкт-Петербурга. В первый класс пришел мальчик – полный, неловкий, застенчивый. Над ним сначала подтрунивали, потом, войдя во вкус, стали в открытую насмехаться и издеваться. Он выдержал около полугода такой жизни, а потом решил подойти к учительнице за помощью – в первом классе дети еще доверительно относятся к своему классному руководителю. И услышал в ответ: «Ну уж от тебя-то я не ожидала. Нехорошо жаловаться на товарищей». Он больше не жаловался, но, однажды открыв дверь в класс, учительница увидела этого ребенка в проеме открытого окна, на самой кромке подоконника. На шею его была намотана веревка, которой задергивают шторы.

Это было не попыткой суицида, а проявлением так называемого SOS-поведения. Наверное, он видел подобное в каком-нибудь фильме: так можно обратить на себя внимание. А другого способа не знал.

Не относитесь к агрессору агрессивно

Работа по предупреждению насилия в любом детском учреждении строится на двух уровнях.

Первый – профилактика. Это создание атмосферы толерантности, когда каждый ребенок постепенно понимает, что нужно строить нормальные, человеческие отношения со всеми окружающими. В том числе и с теми, кто не похож на тебя.

Второй уровень – работа по поводу каждого случая сознательного, повторяющегося издевательства. То есть, конечно, «одноразовую» драку тоже нужно прекратить, но тихая систематическая травля должна вызывать у вас не меньшее беспокойство. Прежде всего нужно постараться выяснить причины происходящего и защитить ребенка, которого обижают. Но в разговоре с нападающими ни в коем случае нельзя ссылаться на то, что жертва на них пожаловалась – это только усугубит ситуацию. Даже не будучи свидетелем всех случаев травли, вы должны вмешаться в происходящий на ваших глазах инцидент такого рода: «На прошлой неделе вы к нему цеплялись, вчера, сейчас опять изводите. Чего вы к нему пристаете – не пойму...» То есть нужно не наказывать и грубо одергивать, а спровоцировать дальнейший разговор. Чтобы обидчики не затаились и продолжили травлю более скрытно от вас, а высказали хоть какие-то претензии и попробовали объяснить свое поведение.

Если травля уже приняла катастрофические масштабы, можно, например, предложить родителям жертвы написать заявление. Тогда у вас будет веский повод собрать экстренное собрание. Не исключено, что вы даже отмените урок по этому поводу, чтобы подчеркнуть серьезность ситуации. Если есть хоть малейшая возможность, пригласите для участия в разговоре психолога, психотерапевта. При необходимости – для беседы с ребенком, наблюдающимся у психиатра, – обратитесь за помощью к его врачу. В крайнем случае можно пригласить даже сотрудника детской комнаты милиции – если инициатором травли становится неуправляемый агрессивный подросток, с которым вы заведомо не справляетесь.

Но собрание должно быть не акцией устрашения, а серьезным спокойным разговором, в ходе которого обидчик поймет, что продолжать в том же духе он не сможет. Взрослые же, собравшиеся здесь, будут не только контролировать, но и готовы помочь ему справиться с собой. Это возможно, если вы обсудите с подростком его интересы и предпочтения. Может, ему стоит подыскать спортивную или туристическую секцию, найти подработку в какой-нибудь мастерской. На худой конец познакомить с компанией, занимающейся ролевыми играми, – пусть помашет самодельным мечом, там всегда можно найти достойного соперника, а правила поведения регулируют сами игроки. Главное, чтобы занятие было интересным и посильным: успешный человек не отыгрывается на окружающих.

Как помочь изгою?

Немало усилий потребует от вас и работа с жертвами буллинга, ибо последствия перенесенной агрессии могут быть самыми серьезными. В международной классификации психических расстройств и поведенческих нарушений есть термин «постстрессовое расстройство». Это означает, что после катастрофического агрессивного воздействия, с которым человек не смог справиться, у него появляется патологическая реакция: сильнейшая депрессия, суицид или неконтролируемая ответная агрессия вплоть до убийства. Примером тому могут служить сообщения о том, что солдаты-первогодки, доведенные до отчаяния беспрерывными издевательствами, расстреливают и своих мучителей, и всех, кто оказался в этот момент рядом.

Педагог должен помнить, что он своим поведением может как свести к минимуму, так и усугубить буллинг. Несколько лет назад мне пришлось работать с мальчиком, похожим на главного героя из «Человека дождя» – умным, но с неординарным поведением. Мальчика воспитывали мама и бабушка. Учился он к моменту нашей встречи в пятом классе престижной санкт-петербургской гимназии, где его на дух не переносили не только ученики,

но и, что самое печальное, учителя: выживали всеми возможными методами. Естественно, при такой негласной поддержке одноклассники развернули самую беззастенчивую травлю. Дошло до того, что бабушка, придя в школу и увидев, как избивают внука, пыталась остановить, усовестить вошедших в раж детей, в результате чего избили и бабушку. Пришлось приложить немало усилий, чтобы добиться справедливости и мальчика оставили в покое.

Это вопиющий случай. Но иногда учителя значительно ухудшают ситуацию своими безответственными действиями и словами просто потому, что не дали себе труда подумать о последствиях. Учитель обязан контролировать содержание и интонацию каждого сказанного им слова; учитывать, что он говорит, кому, в чьем присутствии, зачем и каковы могут быть последствия. Это важнейшая компетенция педагога-профессионала – каждый раз спрашивать себя: то, что я делаю, это во благо, или я сейчас реализую какие-то неотработанные свои комплексы?

Представьте, например, последствия такого высказывания на классном собрании: «Ну что, Иванов, все жалуешься, что тебя обижают. И психиатр вот пришел, за тебя просит. А сам-то ты как себя ведешь…» Формально – это мероприятие в защиту гипотетического Иванова. На самом же деле после собрания он получит новую порцию издевательств, потому что жаловался – раз, имеет дело с психиатром, значит, с головой не в порядке – два, и учительница сама не одобряет его поведения – три.

К сожалению, взрослые и сами редко симпатизируют жертве. Мне приходится слышать: «Да, дразнят, но ведь он сам такой жадный (нескладный, неадекватный, трусливый…), он же сам провоцирует». И это неприятие ребенка учителем тут же передается классу. А ведь работа педагога состоит в том, чтобы помочь ребенку справиться с гневом и раздражением, а не в реализации собственных отрицательных эмоций.

Вопросы после семинара

– Жаль, конечно, что невозможно заранее выявить детей, которые могут стать объектом агрессии. Но, может быть, есть хотя бы самые общие психологические и социальные факторы, которые укажут педагогу на потенциальную жертву и потенциального насильника?

– Как ни странно, и для одной и для другой позиции предпосылки одни и те же. Как жертва, так и агрессор происходят из социально неблагополучных семей, где вместо согласия и гармонии царят постоянные конфликты. И те и другие отягощены множественным социально-психологическим стрессом – неважная успеваемость, постоянные нарекания. У них низкая самооценка. А в прошлом пережита личная трагедия или какой-то отрицательный жизненный опыт.

– Социальное происхождение входит в число этих факторов?

– Я не встречал таких исследований по России, а западные специалисты говорят, что дети малообеспеченных и низкоквалифицированных родителей чаще и проявляют агрессию, и становятся ее объектами.

– Изменяется ли детская агрессия с возрастом?

– Западные исследователи выделяют три этапа в связи с этой проблемой: насилие в детском саду, в возрасте восьми – двенадцати лет и третий период – до юношеского возраста. Странно, но они утверждают, что пик агрессии приходится на восемь – двенадцать лет, а к подростковому возрасту буллинг сокращается. Я не могу согласиться с этим: по данным нашего кризисного центра, насилие возрастает в пятых-шестых классах.

– Насколько серьезно относятся родители к травле их ребенка? Как часто обращаются за помощью?

– К сожалению, обращаются в нашу кризисную службу лишь в крайних случаях, то есть когда чувство беспомощности и отчаяния доходит до предела. Они даже перестают принимать во внимание, что с их ребенком будет работать психиатр, общение с которым обычно почему-то крайне пугает родителей.

– Расскажите, пожалуйста, подробнее о профилактике насилия.

– Существуют специальные программы, основанные на изучении конфликтологии. Мы живем в сложное время: поводы для конфликтов появляются ежеминутно. Поэтому и детям, и взрослым нужно знать о том, как, во-первых, не допустить конфликта; а во-вторых, грамотно себя вести, если уж в него включился. В школах, работающих по этим программам, говорят о том, как нужно выглядеть, разговаривать, вести себя, чтобы не провоцировать окружающих. Вместе с тем проводится профилактика ксенофобии: если человек выглядит или думает не так, как ты, это не повод для агрессии. Обсуждается, откуда пошли фамилии и что такое «фамильярничать»; чем кличка отличается от прозвища. Ведь мало кто знает, что в христианской традиции кличка – одна из самых страшных форм проклятия, когда с помощью темных сил у человека отнимается имя.

– Может ли ребенок пребывать сразу в двух позициях – жертвы и нападающего?

– Иногда гиперактивный ребенок проявляет агрессию только потому, что боится сам стать жертвой. Нападает, не дожидаясь, когда нападут на него. Это тип поведения провоцирующей жертвы. Они с трудом уживаются в классе, вынуждены переходить из одной школы в другую. Такому ребенку должно очень повезти, чтобы он встретил сильного, умного, любящего педагога, который будет опекать его, защищать и поддерживать. Мудро и терпеливо, несмотря на то, что провоцирующая жертва еще не раз наломает дров и угодит во множество неприятных ситуаций.

– Приходится ли вам сталкиваться не с неосведомленностью, а с устойчивыми заблуждениями взрослых по поводу насилия?

– Есть несколько распространенных и живучих заблуждений. Некоторые взрослые придерживаются, например, такой позиции: это же дети, ссориться друг с другом для них естественно, пусть сами разбираются. Другое высказывание можно услышать по поводу воспитания мальчиков: а как еще из него вырастет настоящий мужчина? Пусть учится постоять за себя. Об этом нужно, конечно, говорить тем родителям, чаще мамам и бабушкам, которые окружают мальчика избыточной опекой. При этом все должно быть в разумных пределах. Мальчишки, разумеется, дерутся. И всегда дрались. Но по-честному, по правилам. Если все набрасываются на одного, это не шаг к возмужанию, а избиение. И взрослые непременно должны вмешиваться, высказывать свое отношение к насилию, к тому, что никто не заступился за обиженного. Чтобы дети не воспринимали это как повседневную норму.

– Должен ли педагог ставить перед собой задачу перевоспитания ребенка, кардинального изменения его поведения? Или мы можем добиться лишь того, что он будет вести себя в рамках принятых правил все время, пока находится на территории школы?

– На этот счет есть разные мнения. Кто-то считает, что после одиннадцати лет за серьезное изменение и браться уже не стоит. А работать лишь на уровне стимул-реакция. В поведенческой психологии, известной под названием «бихевиоризм», разработаны методы, позволяющие убрать приобретенные разрушительные проявления и заместить их новым, созидательным поведением. Я думаю, педагогу нужно планировать и программу-минимум, и программу-максимум. А там уж как получится.

«БУЛЛИНГ» В ШКОЛЕ: ЧТО МЫ МОЖЕМ СДЕЛАТЬ?

Информация без указания автора опубликована на сайте http://1001.ru/arc/issue1672/

На протяжении многих лет исследуется проблема насилия и агрессии. Масштаб данных явлений не перестает удивлять. На проблему насилия среди учеников все чаще обращают внимание учителя в школе. Эта жестокость принимает различный характер и схожа с такими проблемами, как «дедовщина» в армии. В школе это называется травлей. За рубежом этому явлению дано определение - **буллинг.**

Английское слово буллинг (bullying, от bully – хулиган, драчун, задира, грубиян, насильник) обозначает запугивание, физический или психологический террор, направленный на то, чтобы вызвать у другого страх и тем самым подчинить его себе. Раньше это было просто житейское понятие, но в последние 20 лет оно стало международным социально-психологическим и педагогическим термином, за которым стоит целая совокупность социальных, психологических и педагогических проблем.

Буллинг – явление глобальное и массовое. По словам 1200 детей, ответивших на вопросы Интернет-сайта KidsPoll, буллингу подвергались 48 % , в том числе 15% - неоднократно, а сами занимались им 42 %, причем 20 % - многократно. По данным всемирно известного психолога Дана Ольвеуса, в Норвегии 11 % мальчиков и 2.5 % девочек признались, что в средних классах школы они «буллировали» кого-то из своих товарищей. Расхождения в цифрах естественны. Одни называют буллингом серьезные акты агрессии, а другие – любые угрозы и оскорбления, без которых не обходится даже самое миролюбивое человеческое сообщество.

Буллинг включает четыре главных компонента:

1. *Это агрессивное и негативное поведение.*
2. *Оно осуществляется регулярно.*
3. *Оно происходит в отношениях, участники которых обладают неодинаковой властью.*
4. *Это поведение является умышленным.*

Различают два типа буллинга: непосредственный, физический, и косвенный, который иначе называют социальной агрессией. Это поведение имеет свои возрастные, половые (гендерные) и иные психологические закономерности.

Чаще всего речь идет об отношениях, складывающихся в детской среде, но буллинг нередко практикуют и взрослые. За ним стоит не только и не столько неравенство физических сил, сколько дисбаланс власти, позволяющий одному ребенку подчинить себе другого, причем такое взаимодействие между двумя или несколькими детьми неоднократно повторяется в течение продолжительного времени. Хронические акты вербальной и физической агрессии, направленные на одних и тех же жертв, создают между ними стабильные отношения, в которых буллинг на одном полюсе дополняется виктимизацией на другом полюсе. Эта специфическая форма агрессии, особенно характерная для среднего детства и для младших подростков, всегда направлена против одних и тех же детей. При переходе из начальной школы в среднюю буллинг несколько ослабевает, но у некоторых детей это - устойчивая личностная черта, с возрастом меняются лишь формы ее проявления.

В своей знаменитой книге «Буллинг в школе: что мы знаем и что мы можем сделать?» (1993) норвежский психолог Дан Ольвеус следующим образом определяет типичные черты учащихся, склонных становиться булли:

- Они испытывают сильную потребность господствовать и подчинять себе других учеников, добиваясь таким путем своих целей.
- Они импульсивны и легко приходят в ярость.
- Они часто вызывающе и агрессивно ведут себя по отношению к взрослым, включая родителей и учителей.
- Они не испытывают сочувствия к своим жертвам.

- Если это мальчики, они обычно физически сильнее других мальчиков.

Типичные жертвы буллинга также имеют свои характерные черты :

- Они пугливы, чувствительны, замкнуты и застенчивы.
- Они часто тревожны, не уверены в себе, несчастны и имеют низкое самоуважение.
- Они склонны к депрессии и чаще своих ровесников думают о самоубийстве.
- Они часто не имеют ни одного близкого друга и успешнее общаются со взрослыми, нежели со сверстниками.
- Если это мальчики, они могут быть физически слабее своих ровесников.

Эти взаимо-дополнительные свойства являются отчасти причиной, а отчасти следствием буллинга. Вместе с тем существует и другая, численно меньшая, категория жертв буллинга, так называемые провокативные жертвы или булли-жертвы. Часто это дети, испытывающие трудности в учебе, письме и чтении и / или страдающие расстройствами внимания и повышенной возбудимостью. Хотя эти дети по природе не агрессивны, их поведение часто вызывает раздражение у многих одноклассников, учителя их тоже не любят, что делает их легкой добычей и жертвами буллинга и способствует закреплению социально невыгодных психологических черт и стиля поведения.

Как всякое сложное явление, буллинг не имеет ни однозначного объяснения, ни универсальных способов преодоления и предотвращения. Одни ученые изучают преимущественно индивидуальные, личностные свойства булли и их жертв, другие – социально-психологические процессы буллирования и виктимизации (как один ребенок делает своей жертвой другого), третьи – макро- и микросоциальные закономерности соответствующих групп и сообществ (почему одни школы и коллективы больше благоприятствуют буллингу, чем другие). Кроме того, за буллингом нередко стоят социально-экономические факторы, например, имущественное, социальное и этническое неравенство. Мальчики из бедных и неблагополучных семей вымещают свои фрустрации на более благополучных сверстниках, заставляя их испытывать страх и одновременно - чувство своей неполноценности по сравнению с более сильными, мужественными, неуправляемыми и крутыми выходцами из низов. В результате создается некий противоречивый симбиоз, когда подростки и юноши из разных социальных слоев одновременно ненавидят и неудержимо привлекают друг друга. Раньше такие отношения объясняли преимущественно эмоциями, как «вымещение агрессии» и т.п.

В современной психологии на первый план чаще выдвигают проблемы социального неравенства. Неодинаковое положение в школьной иерархии побуждает выходцев из низов бороться за увеличение своего «культурного капитала» (термин французского социолога Пьера Бурдье), с чем связано и повышение социального статуса. Но если дети из социально благополучной среды ассоциируют свой «культурный капитал» преимущественно с учебными достижениями, то для других мальчиков этот путь недостижим (их начальная материально-образовательная база слишком слаба) или неприемлем, потому что в их семьях господствуют другие ценности, далекие от задач школьного образования. Свою «мужественность» такие мальчики доказывают не хорошими отметками, а победным счетам в драках, агрессивным дистанцированием от «женственности» и «гомосексуальности», спортивными достижениями, умением устанавливать и поддерживать доминантные отношения с девочками, грубостью с ними, хвастовством своими сексуальными успехами и т.п. За личными свойствами здесь скрывается социальное происхождение, а самоутверждение осуществляется путем насилия (Клейн 2006).

Практически во всех странах и возрастах буллинг больше распространен среди мальчиков, чем среди девочек, и его жертвами также чаще становятся мальчики. Это не просто озорство или грубость, а особая форма взаимоотношений.

Мальчики и девочки пользуются разными формами буллинга. Если мальчики чаще прибегают к физическому буллингу (пинки, толчки и т.п.), то девочки охотнее пользуются косвенными формами давление (распространение слухов, исключение из круга общения). Впрочем, эта разница относительна и похоже, что она уменьшается.

Разница мужского и женского буллинга может быть связана с тем, что у мальчиков и девочек могут быть неодинаковые критерии популярности Возможно, дело не только в гендерных стереотипах, согласно которым мальчик должен быть «крутым», но и в том, что условная агрессия предполагает умение пользоваться ситуацией, тогда как явная часто свидетельствует просто о недостатке социальных навыков общения. В отличие от девочек, мальчикам этот недостаток прощается (во всяком случае, они сами так считают).

В школе мальчик не только учится, но и продолжает конструировать собственную маскулинность, главный принцип которой – не делать ничего «девчоночьего». Драчун, который нарушает школьные правила и никого не боится, сплошь и рядом становится героем и предметом восхищения, тогда как «хороший мальчик» и отличник - всеми презираемый маменькин сынок. Чтобы отвести от себя это подозрение, мальчики старается максимально дистанцироваться от девочек, вырабатывая и культивируя отношение к ним как к людям третьего сорта. Для младших подростков такая установка вполне нормальна, но ее закрепление в старших возрастах чревато серьезными опасностями.

Во-первых, она способствует тому, что девочки все чаще становятся объектами буллирования. Вот фрагмент письма, которое оставила покончившая с собой девочка: *«Я не хотела вылезать из машины, мне хотелось умереть. Я подошла к двери, пошла по коридору, у лестницы стояли мальчишки, они хотели поставить мне подножки, как мило. Мне удалость пройти, не превратившись в посмешище. Я чувствовала, как трясется мой жир, когда я входила в зал. Как я его ненавидела! Я привыкла мысленно разговаривать сама с собой, это единственное, что давало мне возможность жить. Вот Лея. «А правда, что ты лесбиянка?» Я не знала, что ответить, я ничего не сказала и ушла. Почему они это делали? Почему со мной? Потому что я толстая. Это длится уже полгода, каждый день одно и то же»*.

Во-вторых, булли становится нормативным образом «настоящего мужчины», на которого нужно равняться. Воспитанные в этом духе мальчики не умеют общаться с девочками на-равных, да и все прочие конфликты пытаются решать с помощью силы, что делает их опасными как для окружающих, так и для самих себя. В свою очередь, мальчики, ставшие жертвами буллинга, стесняются обращаться за помощью к взрослым и пытаются защитить себя с помощью ответной агрессии, что нередко усугубляет их социальные и психологические трудности. Эти проблемы весьма заботят педагогов и психологов.

Одна из важнейших закономерностей буллинга состоит в том, что отношение к нему детей с возрастом меняется. Как уже говорилось, среди младших мальчиков булли обычно непопулярны, однако у подростков картина меняется. Индекс популярности подростка в его естественной среде связан как с просоциальным, так и с антисоциальным поведением. Изучение большой группы мальчиков 4-6 классов показало, что центральные места в их системе взаимоотношений занимали, с одной стороны, «образцовые мальчики», которых считали неагрессивными, спортивными, лидерами, старательными и общительными, а с другой – «крутые ребята», воспринимаемые как популярные, агрессивные и физически развитые. С возрастом и в более «уличной» среде популярность «плохих мальчиков» возрастает. По сравнению с другими школьниками, булли имеют больше друзей, более высокий социометрический ранг и, при выровненных показателях темпов полового созревания, больший успех у девочек. А поскольку булли выбирают себе таких же агрессивных друзей, буллинг нередко становится групповой активностью. Это еще больше затрудняет сопротивление ему со стороны отдельно взятого индивида, способствуя криминализации общей атмосферы в классе, школе и т.д.

Конкретные формы и способы буллинга постоянно меняются. Новейшее «достижение» в этой области – так называемый кибербуллинг, т.е. буллинг, осуществляемый с помощью электронных средств коммуникации. Свыше половины опрошенных канадских подростков (Кинг Ли, 2006) сказали, что им известны такие случаи, причем почти половина «кибербуллей» развлекались таким образом неоднократно, большинство жертв и очевидцев взрослым не жалуются. Как и среди обычных булли, среди кибербулли преобладают мальчики. Девочки, ставшие жертвами кибербуллинга, чаще мальчиков сообщают об этом взрослым.

Буллинг существует не только среди детей, но и в отношениях между учителями и учащимися. Некоторые учителя, злоупотребляя властью, оскорбляют, унижают и даже бьют

своих учеников, а другие подвергаются буллингу со стороны учащихся. Психологически эти процессы взаимосвязаны. По данным опроса 114 учителей английских начальных школ, учителя, которые в начале своей профессиональной карьеры пережили ученический буллинг, больше других склонны подвергать ему своих учеников и, в свою очередь, подвергаются травле с их стороны, как в классе, так и вне школы. Среди учителей различают полярные типы булли-садиста, получающего удовольствие от злоупотребления властью над детьми, и беспомощной жертвы булли.

Даже сравнительно безобидный, на поверхностный взгляд, школьный буллинг имеет опасные долгосрочные психологические последствия. Американские психологи установили, что буллинг и виктимизация порождают такие серьезные личностные проблемы как тревожность и депрессию, расстройства питания, низкое самоуважение и неудовлетворенность школой. Виктимизация ребенка в школьные годы часто сопровождается повышенной застенчивостью и пониженным доверием к людям в студенческом возрасте.

Как с этим бороться?

Школьный буллинг рассматривается в современном мире как серьезная социально-педагогическая проблема. В странах Евросоюза не раз проводились совещания на уровне министров образования и вырабатывались законодательные меры по его профилактике . Антибуллинговые акции проводятся как на местном, так и на национальном и даже международном уровне. Речь идет не о полном преодолении буллинга – это явно невозможно, насилие и угрозы – неотъемлемая часть нашего мира, - а лишь о профилактике его наиболее опасных последствий.

Самая эффективная антибуллинговая программа инициирована Д. Ольвеусом в Бергене 20 лет назад, она успешно применяется в Норвегии, где ей с 2001 г. придан статус приоритетной общенациональной программы. Эта программа основана на 4 базовых принципах, предполагающих создание школьной (а в идеале – и домашней) среды, характеризующейся:

1. теплом, положительным интересом и вовлеченностью взрослых;
2. твердыми рамками и ограничениями неприемлемого поведения;
3. последовательным применением некарательных, нефизических санкций за неприемлемое поведение и нарушение правил,
4. наличием взрослых, выступающих в качестве авторитетов и ролевых модели.

Программа действует как на школьном и классном, так и на индивидуальном уровне, ее главная цель – изменить «структуру возможностей и наград» буллингового поведения, результатом чего является уменьшение возможностей и наград за буллинг (Ольвеус 2005).

Конечно, Норвегия – одна из самых благополучных и «спокойных» европейских стран, но частичное применение программы Ольвеуса в Англии и США дало и там положительные, хотя и меньшие, результаты (Ольвеус 2005). Его анкеты и методы работы широко представлены в Интернете и, судя по моему опыту, он охотно высылает запрашиваемые тексты и материалы. Много полезного есть и в опыте других стран. Например, в Канаде успешно применяется методика ранней психодиагностики детской агрессивности, которая позволяет предвидеть и отчасти корректировать будущее поведение потенциально проблемного ребенка.

Почему этот опыт плохо известен в России? Почему нас вообще мало волнует буллинг, пусть даже под другим именем? В художественной форме эта проблема была психологически точно поставлена уже в замечательном фильме Ролана Быкова «Чучело». В условиях нашей криминализованной страны проблема стоит не менее остро, чем на Западе, но мы вспоминаем о ней только в связи с очередными скандалами, и не для того, чтобы понять сущность явления, а лишь ради того, чтобы найти «конкретного виновника», а точнее – **назначить** на эту роль очередного подходящего козла отпущения.

За этим стоит не столько бедность и социальная неустроенность страны, сколько рабская **притерпелость** к произволу и насилию. Мы не привыкли уважать ни свое, ни чужое человеческое достоинство. Ребенок для нас – не самоценный субъект, а частица чего-то

безличного, что в советское время называли «человеческим фактором», а теперь именуют «демографической проблемой». Если детей нужно рожать главным образом ради того, чтобы не ослабела мощь государства и наши природные богатства не достались другим народам, кому какое дело до буллинга? Это всего лишь нормальный способ воспитать в ребенке умение постоять за себя. Неважно, кто его бьет, лишь бы он научился давать сдачи, а еще лучше – нападать первым.

Буллинг – традиционно мужское, но не исключительно мужское явление. По мере утверждения гендерного равенства, его все чаще практикуют и девочки, в том числе – и в отношении мальчиков. Задача воспитания не в том, чтобы вернуть все на круги своя, напомнив мальчику, что он никогда и ни в чем не может быть слабее девочки, а в том, чтобы ограничить сферу применения насилия и строить взаимоотношения между людьми на основе взаимной выгоды и с учетом индивидуальных особенностей каждого. Это очень трудно, но другого пути нет.

РЕКОМЕНДАЦИИ
учителям, психологам, администрации школы

1.Начните с точного, приемлемого для вашего образовательного учреждения определения буллинга. Помните, что понятие буллинг не аналогично понятиям, как агрессия или насилие. Однако, последние могут быть элементами этого комплексного явления. Буллинг - это разрушительное поведение более «сильных», направленное на более «слабых». Это не ссоры и драки, в которых участвуют школьники обладающие одинаковым авторитетом. Буллинг не бывает справедливым, так как «сильный» получает «удовольствие» от нанесенного ущерба (материального или морального) «слабому».

2. Установите формы буллинга, которые имеют место в вашей школе. Можно вести дневник наблюдений за поведением членов школьного сообщества, которые, на ваш взгляд, склонны к проявлению физического или психологического насилия. Включить в него можно также учителей и родителей. Прежде всего необходимо понять, где находится «силовой» баланс.

3.Узнайте какими способами поддерживают свой авторитет учителя, административные работники, ученики школы. Много можно почерпнуть из ежедневных наблюдений за отношениями учеников (не только в классе, но и на школьной спортивной площадке), школьного персонала, учителями и родителями.

Полезно также составить и использовать короткие анкеты, на вопросы которых смогли бы анонимно ответить все члены школьного сообщества, включая родителей. Это поможет оценить ситуацию и определить, какие меры необходимо предпринять. Они также дают возможность оценить масштаб буллинга и проанализировать его причины. Вы так же сможете определить какие меры нужно предпринять, чтобы дети чувствовали себя защищенными в школе. Анализ анкет поможет понять где, в каких местах школьники сталкиваются с буллингом и как они реагируют на него, кто из них заинтересован, нуждается в помощи, кто заинтересован, а кто нет в борьбе с этим явлением.

4.К организации действий следует приступать после исследования проблемы насилия в школе с помощью анкет, изучения специальной литературы.

5. Обсуждение проблемы. Беседы со школьниками как индивидуальные, так и в группе очень важны и полезны. Большинство детей презирают «обидчиков», поэтому ваша задача заключается в том, чтобы доказать, что решение проблемы прежде всего в их интересах. Следующий шаг - обращение к чувствам школьников, моральная оценка действий «обидчиков». Это увеличивает вероятность того, что они будут на стороне «жертвы» и попытаются помочь. Не менее важно грамотно построить разговоры с детьми, пострадавшими от насилия. Цель беседы сними - вовлечь в игры или дружеские отношения с другими детьми:

-обсудите со школьниками, почему в вашей школе возможно насилие и что нужно сделать, чтобы его предотвратить;

-предложите учащимся написать об известном им конфликте, который произошел в школе. С их разрешения зачитайте его и предложите им дать определение буллингу.

Особое внимание обратите на предложения детей по его предотвращению, подчеркивая наиболее реальные из них;

-ознакомьте школьников с материалами(видео, книги), которые содержат информацию на эту тему;

- предложите тему для обсуждения, например: как свидетели насилия должны вести себя, чтобы помочь «жертве», а не «обидчику»;

6. Определите поведение персонала школы, которое способствует позитивным межличностным отношениям между учащимися. Этот пункт включает в работу по уменьшению асоциального поведения; наблюдение (деликатное) за поведением учащихся в классе, на переменах; готовность оказать поддержку тем школьникам, которые стали «жертвами» буллинга; обмен опытом по положительному решению таких проблем.

7. Не исключайте из поля зрения «обидчиков». Обязательно беседуйте не только с виновными, но и с их родителями, даже если это сложно сделать.

8. Помогите ребенку, который стал жертвой самому решить проблему, конечно с помощью других. Учителям следует определить тех детей, чье поведение провоцирует насилие. Им нужно помочь преодолеть сои проблемы, неуверенность в себе. В работе с такими детьми полезно моделировать ситуацию, в которой они находились и помочь им е преодолеть.

9. Конструктивно работайте с родителями. Обсуждайте с ними причины буллинга. При разговоре с родителями виновных важна сдержанность в оценке. Ведь чаще всего виновные в ситуации буллинга - дети из неблагополучных семей. С родителями жертв опасность состоит в том, чтобы не занять позицию защиты «мундира», т.е. защищать школьную репутацию, а не ребенка, который стал жертвой. Если же разговор будет о том, что можно и нужно сделать, чтобы изменить ситуацию, вы сможете решить эту проблему вместе.

Буллинг- явление не «криминальное»,но, тем не менее, его проявления, если не будут своевременно пресечены, становятся все более опасными.

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИЛЬНЫХ СТОРОН ГРУПП СВЕРСТНИКОВ ДЛЯ ПРОФИЛАКТИКИ И ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ БУЛЛИНГА

Кристина Сальмивалли

Автор данной статьи, доктор философии Кристина Сальмивалли, опубликовала несколько работ на тему проявления агрессии в школе. В настоящее время она работает над программой, целью которой является снижение уровня агрессии в школе, в исследовательском центре университета Турку, Финляндия. Её подход включает в себя изучение индивидуальных и коллективных психологических механизмов, касающихся насилия.

Проект, основанный финской академией наук и запущенный Кристиной Сальмивалли, охватывает 48 классов в 16 школах городов Хельсинки и Турку (Финляндия). Перед введением проекта в действие в своих классах преподаватели прослушали годичный обучающий курс. Основная его цель сфокусирована на механизмах, действующих в неблагополучной среде, и, следовательно, на той работе, которая должна быть проведена с учениками всего класса. В контексте школы, где дети и подростки проводят большую часть времени вместе, конфликты, агрессия и/или жестокое обращение случается практически ежедневно. Различные виды агрессии и другого проблемного поведения не могут быть пресечены одними и теми же методами. Что касается буллинга, то как факторы,

поддерживающие его, так и ключи к решению проблемы часто находят своё отражение внутри одной группы сверстников.

Буллинг, к сожалению, является распространённым типом школьной агрессии. Он чаще всего определяется как повторяющееся, систематическое притеснение, основанное на дисбалансе сил. Дисбаланс сил означает, что у притеснителя выше показатель физической силы, статус в обществе или какие-либо другие ресурсы, которые делают его/её более могущественным/могущественной, чем жертва. Дисбаланс может быть также вызван тем, что группа притеснителей атакует одну жертву. Буллинг может быть прямым (оскорбление или избиение объекта) и косвенным (распространение слухов об объекте для формирования о нём/ней плохого мнения в группе, систематическое отделение объекта от группы сверстников). Вне зависимости от того, какой именно вред причиняется жертве, буллинг может стать губительным для развития его/её личности: зачастую он затягивается на долгие годы.

Буллинг и группа сверстников

Другим типичным признаком буллинга является его групповая природа. В отличие от многих других форм агрессии, буллинг имеет место, а также часто поддерживается и поощряется внутри группы сверстников. Притеснитель не атакует жертву, оставаясь с ним/нею наедине: он(а) подыскивает ситуации, когда при этом присутствуют другие. Поведение этих «других», а также последствия, к которым оно ведёт, и является предметом исследования нашей группы в течение последних десяти лет.

Роль участников буллинга вытекает из вовлечённости учеников (свидетелей) в буллинг. В частности, некоторые ученики охотно присоединяются к буллингу, когда кто-либо его начал, и выступают в роли помощников притеснителя. Другие, если и не принимают активного участия в нападении на жертву, поддерживают его смехом, поощрением действий притеснителя или лишь тем фактом, что собираются, чтобы посмотреть. Эти ученики — группа поддержки притеснителя. Значительное число учеников стоят в отдалении, не принимая ничью сторону — это так называемые нейтралы. Наконец, есть ученики, чьё поведение резко противоречит буллингу: они поддерживают жертву или активно стараются заставить других прекратить буллинг. Они были названы защитниками (Сальмивалли и др., 1996).

Даже при том, что большинство детей и подростков высказываются против буллинга, они редко выражают это своё отношение на практике. Не менее 35 — 40% детей и подростков школьного возраста выступают в качестве притеснителей, их помощников или группы поддержки, а число тех, кто уходит и молча потворствует продолжению буллинга, достигает 25 — 30%. Таким образом, многие ученики скорее поддерживают, чем останавливают притеснителя. Главный вопрос состоит в следующем: как превратить (уже существующее!) отрицательное отношение к буллингу в антибуллинговое поведение в конкретных ситуациях?

Сила — в группе

«Ролевой подход» открывает перед преподавателями новые перспективы в предотвращении и пресечении буллинга: изменения, которые необходимо реализовать, должны касаться всей группы в целом. Попытки заставить притеснителя вести себя по-другому редко приводят к положительному результату — этого недостаточно: необходимо изменить поведение учеников, исполняющих другие роли. Прежде всего нужно заставить помощников и группу поддержки прекратить делать то, что они делают; заставить нейтралов показать, что они на самом деле не одобряют буллинга; убедить большее количество студентов принять на себя роль защитников.

«Я предварительно определила (Сальмивалли, 1999) **три этапа работы**, основанной на курсе обучения по профилактике и предотвращению буллинга»:

1. На первом этапе необходимо повысить уровень осведомлённости учеников о рассматриваемом явлении. Буллинг должен быть предметом беседы со всем классом, начиная с вопроса о том, что это такое, как себя чувствует притесняемый и постепенно переходя к механизмам, действующим в группе во время буллинга. Важно указать на тот факт, что, находясь в группе, мы ведём себя не так, как считаем

правильным. Многие ученики отрицательно относятся к буллингу, однако в конкретных ситуациях могут вести себя таким образом, что их поведение будет поддерживать и поощрять буллинг в классе. Беседа с учениками о том, что их реальное поведение в группе противоречит их декларируемому отношению к буллингу, может стать первым шагом к изменению. Конкретным содержанием этих дискуссий является принятие учеником новой для себя роли – участника буллинга.

2. На втором этапе нужно заставить учеников задуматься о себе. Опять же, роли участников подталкивают ученика к размышлению над своим собственным поведением: «А какова моя роль в ситуации буллинга?»
3. На третьем этапе проводится исследование и поиск решений, т.е. нужно предложить ученикам такие формы индивидуального и группового поведения, которые противодействовали бы буллингу. Например, возможно и часто очень полезно заново проигрывать прошлые ситуации, но при этом меняя роли участников (скажем, в рамках театральных постановок или ролевых игр). Такое упражнение обеспечивает безопасную ситуацию, идентичную реальной, в которой можно репетировать антибуллинговое поведение, которое не применялось учениками ранее: побуждать одноклассников прекратить буллинг, исследовать чувства, возникающие в связи с этим.

Таким образом, ролевой подход даёт конкретное содержание для работы на уровне класса, основанной на курсе обучения. Такая работа может включать в себя дискуссии, упражнения, литературу, постановки и т.д. Главное, что каждый может внести свою лепту в пресечение буллинга или, по крайней мере, поддержать его жертву. В Финляндии были подготовлены материалы для обучающего курса по профилактике буллинга в рамках школьной программы. Они включают в себя слайды для проектора, рекомендуемый автором список вопросов для тематических дискуссий в группе (Салмивалли, 1998), а также сценарии ролевых игр, разработанных при участии преподавателей театрального мастерства «Театр в Образовании» (Top Tie, 1999).

Разумеется, цель рассматриваемого подхода состоит не в обвинении каждого ученика: необходимо лишь показать, что каждый из них способен влиять на то, что происходит в его классе. Каждый может сделать что-либо, чтобы пресечь буллинг или, по крайней мере, чтобы его жертва чувствовала себя лучше. Члены группы вместе могут решить, что они не приемлют буллинга в данном конкретном классе. Однако работы на уровне группы недостаточно. Особо острые случаи буллинга, привлекающие внимание учителя, часто требуют индивидуальной работы, а именно, серьёзных разговоров с притеснителем и психологической поддержки жертвы. Вмешательство группы является, однако, хорошим подспорьем к таким традиционным подходам.

«Поднятия духа» недостаточно

Часто утверждается, что в классе с «положительной атмосферой» буллинга гораздо меньше, чем в классах, где психологическая обстановка менее благоприятна. Однако, по нашим неопубликованным данным из 16 классов, психологическая атмосфера (по утверждениям самих учеников) не влияет на интенсивность буллинга в классе. Что действительно явилось важным фактором при выяснении наличия или отсутствия буллинга, а также того, на стороне притеснителя или жертвы выступает большинство учеников, так это содержание групповых норм, действующих в отношении буллинга (Сальмивалли и Воэтен, подано в печать). Эти нормы — более или менее осознанные неписаные правила о том, какое поведение предписано (ожидается), а какое объявляется вне закона (неподходящим) в данной группе.

Уроки программы по вмешательству

В данный момент наша группа проводит исследование, целью которого является выяснение того, что происходит в классе после успешного проведения программы пресечения. В него входит и анализ того, на чьё поведение можно повлиять. В частности,

есть ли результат от кампании по пресечению буллинга: увеличивается ли число защитников? Перестаёт ли группа поддержки притеснителя поощрять его/её действия?

Предварительные наблюдения показывают, что существует множество различий между школами. На данный момент, я могу описать лишь то, что было сделано в очень успешной школе, где проводился проект и где удалось снизить количество жертв с 22,1% до 8,6%. В соответствии с отчётами учителей, **основные меры** в этой школе состояли в следующем:

1. Обсуждение случаев буллинга, анализ ролей конкретных участников ситуации (определение ролей),
2. Формулирование, вместе с учениками, классных правил против буллинга (определение норм),
3. Систематическая организация дискуссий, следующих за конкретными острыми случаями буллинга (регулярное и неизбежное определение притеснителей).

В действия по пресечению входило следующее:

Во всех трёх классах, вовлечённых в проект, программа, основанная на обучающем курсе, начиналась с *бесед* на основе упомянутых выше слайдов для проектора и других материалов, подготовленных автором. (Сальмивалли 1998). Пакет слайдов затрагивает такие проблемы, как: что такое буллинг, как чувствует себя притесняемый, как вовлекаются в буллинг свидетели, т.е. представление ролей участников, и, наконец, что можно с этим поделать?

Учителя сообщили, что за *изучением этих материалов* последовала работа в небольших группах: *анализ ситуаций* на тему буллинга в перспективе ролей участников (распознавание ролей участников, исследование последствий определённого их поведения) и обдумывание положительного разрешения ситуаций.

Все трое учителей подтвердили формулирование *классных правил против буллинга*, которые были повешены на стену для всеобщего просмотра. Ему предшествовала общая дискуссия о буллинге, и правила были сформулированы при участии учеников, конкретно в перспективе ролей участников (т.е. правила не только собственно против буллинга, но и нормы поведения его свидетелей). Были также разработаны и санкции за нарушение этих правил, причём выбор санкций был поставлен *на голосование учеников*.

В двух классах начали регулярно проводиться *классные собрания*. Каждую пятницу *одноклассники обсуждали* прошедшую неделю, выясняли, были ли какие-либо недоразумения между учениками, которые необходимо уладить, и т.п. В одном классе на собрании был обсуждён острый случай буллинга. Ученики вместе размышляли над тем, был ли это буллинг или безвредное поддразнивание. Затем каждый подумал над своей ролью в ситуации, и они обсудили способы предотвращения подобного поведения в будущем.

Во всех трёх классах несколько острых случаев буллинга *были пресечены* с помощью бесед с отдельными учениками. За этими дискуссиями систематически следовали *проверочные собрания*, на которых выяснялось, прекратился ли буллинг в действительности.

Учителя обратили внимание на тот факт, что в их классах появились новые защитники. Сами ученики активно сообщали учителям о том, как некоторые из них проявили себя с положительной стороны в ситуациях буллинга. Когда ученики рассказывали учителям о таком поведении одноклассников, остальные ребята *поддержали этих «новых защитников» аплодисментами.*

В данной конкретной школе количество учеников, выступающих в роли защитников, увеличилось с 16,5% до 21,5% за первые полгода действия программы пресечения.

БУЛЛИНГ КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ

Сопроводительные комментарии к слайдам презентации

Разработка коллектива
Ворошиловского отдела
социально-психологического сопровождения
образовательного процесса МОУ ЦПК Волгограда

0 слайд. Вступление.

«Я не понимаю, почему со мной в классе никто не хочет дружить? Надо мной постоянно смеются, обзывают».

В моем классе учится мальчик, который постоянно становится объектом насмешек. Я как классный руководитель пытаюсь противодействовать этому, но ничего не получается»

«Испытываю постоянную тревогу за дочку, когда она идет в школу. Возвращается домой то в слезах, то с изорванными учебниками, то в грязной одежде»

Практически в каждом классе есть дети, которые являются объектами насмешек, а иногда и открытых издевательств со стороны некоторых, а иногда и всех учеников класса. Однако именно в последние 30 лет психологи и педагоги бьют тревогу – настолько частым, жестоко проявляемым и приводящим к тяжелым последствиям становится это явление. Школьная травля стала еще более травматичной, циничной, жестокой из-за того, что ее сцены теперь легко записываются на видео и распространяются по школе или в Интернете.

1 Слайд. Буллинг… Что делать?

.

Несмотря на злободневность и широкое изучение западными исследователями школьного насилия, в нашей стране школьная травля до недавнего времени вообще не выделялась в качестве отдельной проблемы.

Настоящая презентация является началом погружения в проблему школьного буллинга, рассмотрения подходов к диагностике и профилактике жестокого обращения в детской среде

2 слайд. Понятие…

В психологической литературе под термином «школьная травля», или буллинг (англ. *bullying* – запугивание, физический и/или психологический террор в отношении ребенка со стороны группы одноклассников) принято понимать форму жестокого обращения, когда физически или психически сильный индивид или группа получает удовольствие, причиняя физическую или психологическую боль более слабому в данной ситуации человеку.

3 слайд. Опыт…

Многочисленные исследования показали, что проблема буллинга имеет место во многих странах и носит глобальный характер.

В нашей стране школьная травля до недавнего времени вообще не выделялась в качестве отдельной проблемы. По словам И.Кона, подобная ситуация обусловливается «не столько бедностью и социальной неустроенностью страны, сколько рабской притерпелостью к произволу и насилию. Мы не привыкли уважать ни свое, ни чужое человеческое достоинство. Ребенок для нас – не самоценный субъект, а частица человека безличного»

4 слайд. Масштабы…

По данным зарубежных и отечественных психологов, буллинг – явление достаточно распространенное в школе. В некоторых случаях издевательства носят ситуативный характер, но иногда систематическая травля со стороны одноклассников приводит фатальному исходу.

Наиболее высокие показатели участия подростков, как в единичных, так и в частых проявлениях буллинга, имеют такие страны, как Австрия, Эстония, Германия, Латвия, Литва, Швейцария и Украина. Самые низкие показатели в Чешской республике, Словении и Швеции.

В Российских школах 19% мальчиков и 10% девочек в возрасте 11 лет хотя бы один раз участвовали в издевательстве и преследовании другого ребенка, в возрасте 13 лет эти показатели повышаются – 25% мальчиков и 15% девочек, а в возрасте 15 лет снижаются – 17% мальчиков и 9% девочек.

5 слайд. Виды…

Буллинг является разновидностью насилия, в свою очередь, также может выражаться по-разному, т.е. имеет виды. Выделяют основные виды буллинга в социальных организациях: в школе, на работе, в армии и насилие в информационном пространстве – кибербуллинг.

6 слайд Группы…

Некоторые исследователи предлагают систематизировать все проявления буллинга в две группы:
1 группа – активные формы унижения;
2 группа – сознательная изоляция.

7 слайд. Причины…

Как и у любого явления, у школьной травли есть причины, и они связаны как с внешними факторами (ситуацией взаимодействия, особенностями одноклассников, поведением взрослых), так и с личностными особенностями самих детей, включенных в ситуацию школьной травли.

Известный швейцарский психолог и психиатр Аллан Гуггенбюль в своей книге «Зловещее очарование насилия», посвящённой детской и школьной агрессии, называет несколько важных причин роста насилия в современной школе.

Одна из причин роста детской агрессивности, по мнению Гуггенбюля, связана, как ни странно, с гуманизацией и демократизацией образования. Эти позитивные процессы уравнивают детей и взрослых в правах и приводят к тому, что у детей исчезает страх, трепет перед школой и учителями. Но при этом учитель перестаёт быть и непререкаемым авторитетом, способным остановить насилие и агрессию.

Прямая связь существует также между трудностями в обучении и агрессивностью. Растёт число детей с проблемами в обучении - растёт и школьная агрессивность. Всем детям хочется быть успешными в учёбе, иметь друзей, быть популярными, то есть быть кем-то, кто имеет значение, но не всем это удаётся. И тогда они заявляют о себе агрессивными выходками.

В числе причин ученый называет исчезновение уличных игр из жизни детей.
Игры детей на улице в наше время и в нашей культуре, действительно, стали достаточно редким явлением. Школьники перегружены учебными программами и домашними заданиями. Кроме того, родители стараются так занять свободное от школы время ребёнка, что для прогулок времени у детей просто не остаётся.

А ведь на улице дети проживают именно свою жизнь, а не навязанную взрослыми. Здесь же у подростков происходит то, что психологи называют «групповой динамикой» или созданием отношений. Пребывание в группе позволяет им прочувствовать феномен человеческого бытия полноценно, хотя и не всегда позитивно. В уличных играх дети определяют своё место, статус в группе, свою идентичность. Там случаются и достаточно жёсткие столкновения «кто кого», завоевание лидерства между группами и внутри них.

Теперь же подобные выяснения отношений переносятся в школу. А здесь эти процессы происходят не так естественно и не так быстро как на улице, на них накладывается множество ограничений: это и школьные порядки, и контроль взрослых, и школьный статус подростка, который далеко не всегда совпадает с его положением в группе сверстников, и наличие «посторонних», и многое другое.

Существует ещё целый ряд социальных факторов, влияющих на рост детской агрессивности: насилие в обществе, войны, терроризм, расслоение общества на богатых и бедных, безработица, пьянство и наркомания.
А неполные семьи: Их число неуклонно растёт. Исследования же показывают, что у детей из неполных семей ниже самооценка, выше тревожность, неудовлетворённость, и, как следствие, - агрессивность.

Главным условием хорошего самочувствия ребёнка является жизнь в семье, где ему рады, где его любят именно таким, каков он есть, и проявляют внимание к тому, что заботит именно его. Если родители не справляются со своей жизнью, или она, по их мнению, идёт «не так», то дети в таких семьях могут быть «лишними». Постоянные упрёки, замечания, смысл которых можно обобщить фразой «ты не такой, как надо, ты создаёшь проблемы своим существованием», воспринимаются детьми как отвержение.

Иногда родители ждут от детей воплощения своих неосуществившихся замыслов. Дети должны постоянно «оправдывать надежды», то есть осуществлять не своё бытие, а мечту родителей.

Родительская гиперопека, на первый взгляд, демонстрирует любовь и заботу, но при этом родители контролируют все сферы жизни своих детей под девизом «как бы чего не вышло» или «без нас ты не справишься». По сути дела для ребёнка это означает недоверие к его способности самому нести ответственность за свою жизнь.

В любом из перечисленных случаев у ребёнка возникают протест, несогласие, которые принимают форму бессознательной и часто смещённой агрессии. Он начинает вести себя совершенно неадекватно с точки зрения окружающих: может направить свою агрессию на сверстника, на более слабого человека, на учителя, кошку, собаку, на телефонную будку.

Мы не можем обойти стороной ***биологические факторы***, которые оказывают опосредованное влияние на действие человека.

Инстинкты человека, в частности влечение к агрессии, по мнению психоаналитика З.Фрейда и его последователей, во многом определяют поведение человека. По представлениям исследователей врожденного поведения – этологов, первобытная иерархия явно или неявно пронизывает все наше общество. В относительно чистом виде мы можем наблюдать ее во многих детских коллективах, когда еще недостаточно развита сознательная поведенческая саморегуляция. Возвыситься в иерархии проще всего, унизив окружающих. Вызывающее антиобщественное поведение некоторых подростков – проявление их иерархической борьбы. Однако, как бы ни были сильны эти инстинкты, их действие все равно преломляется через усвоенные ребенком нормы и правила общества.

Нейрофизиологические особенности, отклонения в развитии и функционировании нервной и эндокринной систем могут приводить к высокой степени раздражительности, эмоциональной неустойчивости, неконтролируемой вспыльчивости.

Следующая психологическая причина школьной травли: ***индивидуальные особенности самого ребенка***, его желание самоутверждаться и невозможность сделать это в социально желательном направлении могут привести к неблагоприятному поведению. В любом человеке находит отражение его двойственная природа: противоборство между добром и злом, низменными и возвышенными чувствами. Для возникновения ситуации травли достаточно, чтобы в классе был хотя бы один человек, склонный самоутверждаться за счет унижения других. А травля – явление заразительное.

Причины травли могут быть связаны с ***особенностями межличностных отношений между детьми***, и возникает травля как сведение счетов. Ребенок, играющий роль обидчика, испытывает чувство враждебности, ведет себя агрессивно, часто находится в состоянии фрустрации. Это состояние возникает, когда на пути к желаемой цели встает препятствие.

В детском коллективе это могут быть ситуации, когда один ученик не дает другому списать домашнее задание, не подсказывает на контрольной работе и т.д.

В подростковой среде это может быть связано с отказом в дружеских отношениях, с отвержением девочкой знаков внимания со стороны мальчика. В этом случае можно говорить не столько о целенаправленной травле, сколько об эмоциональных отношениях, выливающихся в травлю, так как сам обидчик испытывает сильные негативные чувства к жертве: злость, обиду, зависть и т.д.

Поэтому очень важно, чтобы у подрастающего человека были сформированы другие способы поведения в состоянии фрустрации. Это, прежде всего умение, считаться с чувствами другого человека, а также способность переоценить ситуацию, переключиться на другую цель, найти иные способы для достижения своей цели.

Агрессивное поведение по отношению к одноклассникам может быть связано с ***социальным научением***, когда дети и подростки усваивают определенные модели поведения, наблюдая их в своей среде, в телевизионных передачах. Часто агрессивное поведение становится моделью для подражания. Так, американские исследователи обнаружили, что после просмотра чемпионатов по профессиональному боксу (одобряемая обществом агрессия) увеличивается число убийств по сравнению с обычным уровнем.

Многочисленные исследования свидетельствуют, что дети и подростки, особенно с эмоциональной неуравновешенностью, часто моделируют насильственное поведение, демонстрирующееся по телевидению в телепередачах и фильмах.

Как отдельную причину можно назвать ***скуку***. Бездеятельность ребенка в школе приводит к поиску острых впечатлений, которые часто связаны с эмоциональными реакциями обижаемых детей.

Важно осознавать многообразие причин школьной травли и понимать непростой характер этого явления. Но наибольшее значение для предотвращения и профилактики школьной травли, несомненно, имеют детско-родительские отношения, а также отношения между учителем и учеником.

В настоящее время увеличилась частота убийств и самоубийств школьников, а также нервно-психических заболеваний на почве школьных взаимоотношений.

8 слайд. Психологические причины…

Однако для педагогов и родителей важнее всего понять ***психологические причины*** возникновения школьной травли.

На отношение ребенка к школьной травле, на его самоощущение и поступки влияет значимый взрослый. Под влиянием родителей, близкого окружения, а потом и учителей у ребенка формируется представление о себе.

Родители и дети находятся в достаточно сложных, эмоционально насыщенных отношениях: есть место похвале и порицанию, удовольствию и неудовольствию, гордости и стыду. Очень важно, как сам ребенок начинает интерпретировать события, связанные с эмоциональными переживаниями. На основе этих интерпретаций развиваются основные жизненные позиции,

описанные американским психологом и психиатром Э.Берном. В этих позициях отражено отношение ребенка к себе, к другим людям, а, следовательно, его поведение.

Первая позиция: ребенок начинает считать себя неудачником (я плохой), а других – знающими, умеющими, лидерами (ты хороший).

Вторая: ребенок может во всех неудачах обвинять других, а себя воспринимать героем, страдальцем (я хороший, ты плохой).

Третья: при наиболее тяжелой семейной ситуации взаимодействия с родителями ребенок может прийти к позиции полного отрицания (я плохой, ты плохой), не доверять ни себе, ни другим и никого не жалеть.

От установления этих позиций по отношению к себе и близким взрослым будет зависеть поведение ребенка со сверстниками. Ребенок с позицией «я плохой» все время неосознанно хочет облегчить чувство неблагополучия, а это может привести к неадекватной реакции на других детей: он может обидеть, посмеяться, толкнуть, т.е. играть роль обидчика. Эта же позиция в других ситуациях может привести к роли жертвы, когда ребенок, проявляя свое бессилие и «нехорошесть», провоцирует одноклассников на насмешки.

Четвертая позиция: принятие окружающего мира (я хороший, ты хороший) не развивается спонтанно, она основана на размышлении ребенка над ситуациями общения с другими людьми, на анализе своих поступков. Очень повезло детям, которым взрослые помогли проявить свою «хорошесть», создавая ситуации, где дети позитивно проявляли себя и убеждались в своей значимости, а также в значимости других.

9 слайд Встреча с учителем…

> *В настоящее время увеличилась частота убийств и самоубийств школьников, а также нервно-психических заболеваний на почве школьных взаимоотношений.*

Приходя в школу со своим восприятием себя и других, ребенок начинает включаться в очень значимые для него отношения – отношения с учителем, которые могут внести существенные изменения в его самовосприятие и взаимодействие со сверстниками.

Замечательно, если происходит встреча с учителем, обладающим позитивным взглядом на себя и на других людей (если у педагога позиция «я хороший, ты хороший»). Такой учитель относится с пониманием к различным особенностям детей, одним своим поведением с учащимися задает в детском коллективе уважительный и миролюбивый стиль общения. В классе у такого учителя если и случаются эпизоды школьной травли, то они остаются только эпизодами.

Однако такие замечательные встречи происходят редко, так как и многие взрослые остаются на позициях «я плохой, ты хороший»; «я хороший, ты плохой»; «я плохой, ты плохой».

Учитель с негативным восприятием себя испытывает чувство незащищенности, негативно воспринимает окружающих через призму своих стрессов и тревог, обращается к авторитарному стилю общения с детьми как к средству психологической самозащиты. Учитель с негативным восприятием других рассматривает учеников исключительно как объекты воздействия и чаще отмечает у них такие качества, как лень, недисциплинированность, неспособность и т.д., чем мечтательность, творческие способности, своеобразие познавательной сферы.

В книге Р.Бернса «Развитие Я-концепции и воспитание» выделены особенности стиля взаимодействия таких учителей с детьми. Эти педагоги будут:

- *Отрицательно реагировать на тех учащихся, которые тебя не любят.*
- *Использовать любую возможность, создавая для учащихся трудности, так как это не дает расслабляться.*
- *Стимулировать учащихся к учебе, вызывая у них чувство вины за свои промахи.*
- *По возможности строить учебную деятельность на основе конкурентной борьбы.*

- *Исходить из вероятности нечестного поведения учащихся на экзаменах.*
- *Сталкивать учащихся лицом к лицу с суровой реальностью взрослой жизни.*
- *Стремиться к установлению жесткой дисциплины.*
- *Увеличивать степень наказания учащегося пропорционально его вине.*

Нередко такие учителя ведут себя чрезмерно жестко, авторитарно, пытаясь защититься от учащихся агрессивностью. Подобный стиль поведения как раз и может спровоцировать в детском коллективе такое явление, как школьная травля.

Взрослым важно помнить, что неприятные события в жизни ребенка скорее способствуют развитию враждебности и агрессивности, чем доброты и внимательности. При недостатке любви и заинтересованности к ребенку со стороны взрослых его поведение деформируется.

10 Слайд Формы…

Выделяют различные формы травли:

1) Психологический буллинг - вербальная (словесная) травля: насмешки, присвоение кличек, бесконечные замечания и необъективные оценки, высмеивание, унижение в присутствии других детей и п

2) социальное исключение – бойкот, отторжение, изоляция, отказ от общения с жертвой (с ребенком отказываются играть, заниматься, не хотят с ним сидеть за одной партой, не приглашают на дни рождения и т.д.);

3) физическое насилие – избиение, нанесение удара, шлепки, подзатыльники, порча и отнимание вещей и др.

Обычно все формы травли сопутствуют друг другу. Насмешки и издевательства могут продолжаться длительное время, вызывая у жертвы длительные травмирующие переживания.

11. Слайд Факторы…

Отметим особенности детей, которые чаще других становятся жертвами школьной травли.

Эта роль у ребенка может быть эпизодической, а может быть постоянной на протяжении школьного обучения. Жертвой травли может стать любой ученик. Роль жертвы может иметь определенные аспекты в своем происхождении и поведенческих особенностях: белая ворона, чужак, глупый, маменькин сынок, не такой, как все и т.п. В причинах и особенностях травли маменькиного сынка и белой вороны просматриваются существенные различия.

Отметим особенности детей, которые чаще других становятся жертвами школьной травли.

Во-первых, это школьники с неразвитыми социальными навыками. По сравнению с теми, кто умеет общаться, отстаивать свое мнение, давать отпор обидчику, дети с неразвитыми социальными навыками легче принимают роль жертвы (маменькины сынки и дочки). Обычно это ранимые, обидчивые ученики. Если такой ребенок начинает сильно реагировать (кричит, плачет, злится) на «шутки» задир, то, можно сказать, что мишень найдена. Наблюдать за ним обидчику забавно и интересно, другую жертву можно не искать.

Во-вторых, это дети, непохожие на других, с физическими недостатками, с яркими особенностями поведения, со своеобразными манерами и реакциями (не такой, как все).

Мишенью для насмешек и агрессии часто становятся учащиеся с особенностями поведения: замкнутые (интроверты и флегматики) или с импульсивным поведением. Гиперактивные дети могут быть как жертвами, так и преследователями, а нередко становятся теми и другими одновременно.

Все то, что выделяет ребенка по внешнему виду из общей массы, может стать объектом для насмешек: рыжие волосы, веснушки, оттопыренные уши, кривые ноги, вес тела (полнота или худоба) и т. д.

У ребенка-жертвы могут возникнуть проблемы во взаимодействии с окружающими, причем они могут проявиться и в юности, и в молодости, и даже в зрелом возрасте.

Однако более важной, чем внешние особенности, является способность ребенка к эффективному взаимодействию в ситуациях травли: спокойная реакция, встречный юмор, умение при необходимости дать отпор.

Третья группа риска по травле – это часто болеющие школьники. Они обычно являются изгоями класса просто потому, что мало бывают вместе с другими, остаются вечными новичками (чужаками).

В-четвертых, это дети и особенно подростки с ярко выраженным собственным мнением, своими взглядами и ценностями, нонконформисты (белые вороны).

12 Слайд Портрет Булли …

В своей знаменитой книге «Буллинг в школе: что мы знаем и что мы можем сделать?» (1993) норвежский психолог Дан Ольвеус следующим образом определяет типичные черты учащихся, склонных становиться булли:

- Они испытывают сильную потребность господствовать и подчинять себе других учеников, добиваясь таким путем своих целей.
- Они импульсивны и легко приходят в ярость.
- Они часто вызывающе и агрессивно ведут себя по отношению к взрослым, включая родителей и учителей.
- Они не испытывают сочувствия к своим жертвам.
- Если это мальчики, они обычно физически сильнее других мальчиков.

Типичные жертвы буллинга также имеют свои характерные черты :

- Они пугливы, чувствительны, замкнуты и застенчивы.
- Они часто тревожны, не уверены в себе, несчастны и имеют низкое самоуважение.
- Они склонны к депрессии и чаще своих ровесников думают о самоубийстве.
- Они часто не имеют ни одного близкого друга и успешнее общаются со взрослыми, нежели со сверстниками.
- Если это мальчики, они могут быть физически слабее своих ровесников.

13 Слайд Преследователи…

Цель многих школьных буллеров или «преследователей» – установление контроля и превосходства над другими. Можно говорить, что их агрессия связана с возможностью получения некоторой выгоды от своего положения, а не вспышкой эмоций. Сам преследователь-обидчик сильных чувств в процессе травли не испытывает, ему часто даже безразлично, кто станет очередной жертвой.

Зачинщики травли, также имеют отличительные черты.

Во-первых, это дети, страдающие от насилия в своей семье и компенсирующие свои страдания насилием над самым слабым в классе.

Во-вторых, обидчиками становятся ученики, стремящиеся к лидерству, которые не могут самоутвердиться в школе социально приемлемыми способами: за счет учебы, общественной деятельности, спорта, но претендуют на высокий статус в коллективе.

И, ***в-третьих***, это дети, пришедшие из семей, где процветают идеи шовинизма, ксенофобии и снобизма.

Важно отметить, что не всегда обидчики хотят своим поведением принести вред своей жертве. У них могут быть свои цели: почувствовать свою силу, повлиять на ситуацию, сформировать значимые для себя черты характера.

«Преследователи». При низком социометрическом статусе, у «преследователей» самый высокий коэффициент удовлетворенности общением, т. е. они четко осознают круг общения, в котором их принимают. У «преследователей» высокие показатели по активному буллингу, что закономерно. Они значимо более авторитарны, чем все остальные участники буллинга. Эта особенность помогает им подчинять «помощников», является внутренним оправданием при травле «жертв» и создает ощущение субъективной правоты. «Преследователи», несмотря на свою роль, считают себя слишком добрыми, т. е. хотят быть еще менее добрыми, чем они есть.

Также «преследователи», не будучи терпимыми, и не стремятся быть таковыми. В целом у «преследователей» достаточно высокие самооценка и уровень притязаний.

14 Слайд Помощники…

У «помощников» достаточно низкий социометрический статус, т. е., помогая преследователям», они не добиваются уважения в классе. «Помощники» очень зависимы, благодаря чему их подчиняют «преследователи», но одновременно они и достаточно авторитарны, что создает у них внутренний дискомфорт. По активному прямому буллингу самые высокие показатели именно у «помощников», так как часто именно они обзывают, бьют и т. д., а «преследователи» лишь выбирают цель и продумывают план. Только у «помощников» реальная дистанция с отцом меньше желаемой, они испытывают острый дефицит общения с отцом. Возможно, они находят качества отца (т. е. силу, волевые и лидерские качества) в «преследователях», и поэтому стремятся помогать им даже в преследовании. Показатели по самооценке и уровню притязаний у «помощников» средние.

15 Слайд Жертвы…

У «жертв» самые низкие социометрический статус и коэффициент удовлетворенности общением, что говорит об их низком положении в классе. «Жертвы» наиболее зависимы, «слабы» по сравнению с другими участниками буллинга. Они чаще всех повергаются буллингу, что еще раз подтверждает правильность первоначального деления на группы. По большинству качеств самооценка у «жертв» самая низкая по сравнению с другими группами, а уровень притязаний довольно высокий, т. е. «жертвы» очень недовольны собой, не принимают сами себя и, возможно, хотят меняться. Уровни тревожности, трудностей в общении и конфликтности также самые высокие у «жертв».

16 Слайд «Нейтральные участники»…

У «нейтральных участников» достаточно высокие социометрический статус и коэффициент осознанности положительных отношений. «Нейтральные участники» наименее зависимы, что позволяет им вообще не вмешиваться в конфликты. Они не подпадают ни под чье влияние, просто смотрят со стороны, но, как уже отмечалось выше, это далеко не всегда хорошо, так как «нейтральные участники» – те самые зрители, для которых играется спектакль «буллинг». Во многом именно их бездействие провоцирует буллинг, более того, «преследователи» зачастую являются лишь исполнителями воли таких нейтральных участников. «Нейтральные» и так наиболее терпимы, но и уровень притязаний по качеству «терпимость» у них самый высокий.

17 Слайд «Защитники»…

У «защитников» самый высокий социометрический статус и довольно высокий коэффициент удовлетворенности общением, т. е. они в целом довольны занимаемой позицией, которая к

тому же достаточно высока. Они реже всех проявляют буллинг по отношению к одноклассникам и подвергаются буллингу, что опять же подтверждает правильность деления на группы.

У «защитников» довольно высокая самооценка, особенно по надежности и пониманию. В идеале они хотят быть очень добрыми, т. е. доброта для них – настоящая ценность. Эти особенности позволяют им понимать «жертв», сочувствовать и помогать им.

18 Слайд Совладание…

По критерию активного сопротивления травле выделим следующие типы адаптации детей и подростков к буллингу:

1 тип. Активное сопротивление
2 тип. Пассивное сопротивление.
3 тип. Отказ от сопротивления.
4 тип. Бегство от травли.
5 тип. Проблемно-усугубляющее поведение

Активное сопротивление свойственно практически здоровым, гармоничным детям и подросткам, происходящим из полных гармоничных семей, не имеющим серьезных проблем с ровесниками и благополучно адаптированным к школе.

Пассивно сопротивляющиеся дети и подростки тревожно-мнительные, быстро утомляемые с ранимым самолюбием.

Представители ***третьего типа,*** отказывающиеся от сопротивления – это преимущественно дети боязливые, пугливые, избегающие больших шумных компаний. Старательные ученики, с адекватной самооценкой. Тяжело переносят травлю.

Бегство от ситуации буллинга типичны для детей с разнообразными поведенческими нарушениями и проблемами социальной адаптации, склонным к аддиктивному реагированию.

Наконец, совладающее поведение ***с усугубляющим сопротивлением*** чаще всего отмечается у возбудимых детей, склонных к взрывным реакциям и истерическому поведению подростков: обидчивых, требовательных, неуживчивых.

19 Слайд Исследование…

В исследование проблемы буллинга целесообразно в каждом конкретном случае (т.е. для каждой школы в отдельности) конструировать специфическую модель вмешательства в этот процесс.

С чего начать?

Текст по слайду

И запомните: решение проблемы начинается с первого действия по ее решению, и продолжается только благодаря упорному приложению сил к ее решению.

20 слайд Диагностика…

Не существует как таковых специфических психологических признаков буллинга. Тем не менее, при наблюдении за такими детьми могут проявиться следующие, характерные и для иных форм переживания буллинга, эмоциональные и поведенческие особенности.

Поведенческие особенности:

- дистанцированность от взрослых и детей;
- негативизм при обсуждении темы буллинга;
- агрессивность к взрослым и детям.

Эмоциональные особенности:

- напряженность и страх при появлении ровесников;
- обидчивость и раздражительность;
- грусть, печаль и неустойчивое настроение.

Чаще всего медицинские и социальные работники сталкиваются с такими случаями буллинга, свидетелями которых они становятся сами по месту их работы в соответствующих детских учреждениях. Реже, при работе с такими детьми, они могут обнаружить у них переживания, связанные с уже имевшим место ранее буллингом. Это происходит при успешной диагностике таких случаев или же когда дети сами сообщают специалистам о своей проблеме.

Конечно, максимальная информация может быть также получена в результате искренней беседы педагога и пострадавшего. Однако это возможно далеко не всегда и к тому же требует особой подготовки. «Вышибать» ответы ребенка или подростка на тему насилия категорически нельзя. С другой стороны, любой педагог или социальный работник должен быть готов к адекватному, понимающему и сопереживающему отражению исповеди травмированного ребенка о травле другими детьми, если последний решил ему открыться.

Особенно печально, когда ребенок или подросток (подросткам, как правило, это дается крайне тяжело) решается открыться взрослому, рассказать о своей беде, а взрослого по тем или иным причинам такие откровения не интересуют. Здесь может быть упущена драгоценная возможность узнать о серьезных проблемах в жизни детей и подростков, возможно даже не связанных с темой насилия. Дети в качестве доверенного лица во многих случаях склонны выбирать авторитетных взрослых. За родителями, которые могут и потерять доверие своих детей, в качестве таких положительных идеалов доверия следуют педагоги и психологи. Крах детской надежды, если взрослые грубо проигнорирует обращение к нему ребенка, находящегося в кризисе, может привести к фатальным последствиям. Для многих детей психолог или социальный работник – это последний рубеж защиты, последняя надежда на помощь.

Во многих случаях взрослые, в том числе и специалисты в области работы с детьми, не придают значения сложным взаимоотношениям разных детей друг с другом до тех пор, пока эти отношения не становятся чрезмерными. Только тогда, когда взрослые становятся очевидцами явного насилия, они вмешиваются с разной степенью успешности для последующей безопасной жизни жертвы. На этом фоне «незначимые», «неочевидные» переживания пострадавших детей от травли для многих взрослых представляется неактуальными. Плюс к этому связанная с одним из предубеждений готовность многих взрослых реагировать на детей, и особенно на подростков, обращающихся к ним за помощью от травли, как на ябед и доносчиков.

В этом качестве анализ переживаний пострадавших от травли детей и подростков становится особенно сложным.

Для определения ситуации буллинга и его последствий необходим сбор соответствующей информации и проведение обследования.

Сбор информации проводится по следующим направлениям:

— от самого пострадавшего;

— от возможных участников издевательств над жертвой и свидетелей.

Следует самым тщательным образом провести анализ всей полученной информации. В результате проведенного анализа необходимо прояснить следующие аспекты:

— реальность самого буллинга
— его длительность;
— его характер (физический, психологический, смешанный);
— основные проявления буллинга;
— участники (инициаторы и исполнители буллинга);
— их мотивации к буллингу;
— свидетели и их отношение к происходящему;
— поведение жертвы (пострадавшего);
— динамику всего происходящего;
— прочие важные для диагностики обстоятельства.

22 Слайд Профилактика…

В отношении постстрессовых последствий буллинга первичная профилактика реализовывается по трем направлениям.

1. Создание условий недопущения буллинга.
2. Скорейшее и грамотное разобщение ребенка (подростка) с соответствующими стрессовыми воздействиями.
3. Укрепление защитных сил личности и организма в противостоянии травле как для условно здоровых детей и подростков, так и для уже имеющих соматическую или психическую патологию.

Ниже на примере двух стран, США и Швейцарии, приведен опыт комплексной работы по профилактике буллинга в школах. Результаты подобной работы, как по отчетам самих учащихся, так и по мнению учителей достаточно обнадеживающие.

Слайд 23 Этапы…

Большинство педагогов США, психотерапевтов и консультантов в американских школах считают, что проблема профилактики притеснения – травли – насилия может быть решена поэтапно.

1 этап (шаг), самый ответственный, заключается в том, чтобы признать, что такая проблема существует. Признание проблемы в рамках школы требует, чтобы кто-то взял на себя инициативу сказать о ее существовании и о работе с ней. Работа с притеснением может быть эффективна только тогда, когда определенная группа или школа как целое определяет проблему и соглашается с тем, что важно изменить ситуацию. Лучше, если человек, который будет руководить этим, обладает административной властью. Пока не будет достигнуто согласие, начинать работу смысла нет.

Главный аргумент инициативной группы для неприсоединившихся членов школьного сообщества следующий: «Если вы ничего не предпринимаете для решения проблемы, вы сами становитесь ее частью». Важно, чтобы к сотрудникам школы присоединились ученики и их родители.

В начале нужно определить масштаб проблемы. Это можно сделать различными путями.

Хорошим способом может быть опрос учеников о том:
— были ли у них до сих пор проблемы в школе;
— есть ли у них неприятности в настоящее время;
— знают ли они кого-нибудь, у кого есть неприятности;
— если они в настоящее время не имеют лично каких-либо проблем, то испытывают ли страх за свою безопасность вообще.

Такой же опрос необходимо провести и среди учителей. Затем сравнить результаты двух опросов и сопоставить их с информацией, полученной от родителей (опрос родительской озабоченности).

2 этап (шаг) – определение проблемы.
Не может существовать в каждой школе унифицированных признаков определения проблемы. Тем не менее, инициативная группа взрослых и детей должна определить:
— суть проблемы (проблем);
— серьезность проблемы;
— частоту проблемы.
— привести соответствующие примеры.

После этого необходимо разработать совместный план действий.
Далее инициативная группа оповещает все школьное сообщество о сути происходящего, о тех направлениях работы, которые будут реализоваться для профилактики насилия.
Например,
— создание атмосферы нетерпимости к любому акту насилия в школе;
— лучшее наблюдение за холлами, комнатами отдыха, столовыми;
— соответствующая воспитательная работа по классам в режиме свободной дискуссии;
— разработка этического кодекса школы;
— ясно выраженное ожидание, что ученики будут сообщать о нарушениях либо администрации, либо консультантам;
— создание консультантами групп поддержки для пострадавших и групп для работы с обидчиками.

Цель работы с последними: контроль агрессивных намерений обидчиков и их реабилитация.

3 этап (шаг) – выполнение программы.
Если есть план, то он должен быть выполнен. Лучше, если выполнение этого плана начнется с начала очередного учебного года. Здесь может быть сопротивление отдельных групп и личностей, потому что:
— многие дети не считают притеснения (травлю) проблемой;
— некоторые родители ожидают от своих детей, что они будут агрессивными, а не наоборот;
— некоторые учителя не верят, что в их обязанности входит учить детей заботиться о себе.

Этими вопросами целесообразно лично заниматься ответственному лицу – координатору программы.

Важное место занимает подготовка учителей к тому, что им делать в ситуации травли.
Вот примеры из методических рекомендаций, разработанных в 1991 году Jonstone, Munn и Edwards:
— оставаться спокойным и руководить;
— воспринять случай или рассказ о нем серьезно;
— принять меры как можно скорее;
— подбодрить потерпевшего, не дать ему почувствовать себя неадекватным или глупым;
— предложить пострадавшему конкретную помощь, совет и поддержку – сделать так, чтобы обидчик понял, что вы не одобряете его поведение;
— постараться сделать так, чтобы обидчик увидел точку зрения жертвы;
— наказать обидчика, если нужно, но очень взвешенно подойти к тому, как это сделать;
— ясно объяснить наказание и почему оно назначается.
Также этими авторами рекомендуется организовывать в школах суды над обидчиками, но делать это надо крайне осторожно.

Один из аспектов выполнения подобных программ – всемерное развенчание мифа о том, что «агрессивное поведение – это нормально».

Для этих целей предлагается агрессивно-ориентированным школьникам пережить альтернативный опыт в виде различных тренингов из арсенала конфликтологии.

В свою очередь, Арнольдом Гольштейном была написана в конце 80-х - начале 90-х годов прошлого столетия целая серия книг по работе с компаниями обидчиков. Вот основные идеи этого автора:

— работая с обидчиками, «разделяй и властвуй» - обидчиков нужно экстренно и эффективно разоблачать;
— не напирать на наказание, это только лишь усилит групповую солидарность обидчиков;
— работая с одним человеком, нужно умело использовать силу конфронтации всего, например, классного сообщества;

Одним из признанных европейских авторов в деле защиты детей от насилия является швейцарский психиатр и психолог Аллан Гугтенбюль. В своей книге «Зловещее очарование насилия.

Профилактика детской агрессивности и жестокости и борьба с ними» автор описывает семиэтапную программу работы с насилием в школе. По сути, эта программа во многом совпадает с американским подходом в работе с притеснением. Также эта программа утверждена как модель работы с трудными классам выездной группы специалистов.
При этом главное условие – отказ от поисков виновного взрослого (кто допустил насилие?).

Далее, после анализа ситуации администрации школы предлагается «весь пакет услуг», 7 мероприятий

1. Собеседование с учителем (учителями).
2. Родительское собрание.
3. Посещение школы.

Работа с классом:

4. Для младших и средних классов – мифодрама.
5. Для старшеклассников – собеседование-дискуссия.
6. Повторная инспекция.
7. Итоговое родительское собрание.

24 Слайд Вторичная и третичная профилактика…

(Текст по слайду)

25 Слайд Предотвращение…

Наверное, невозможно добиться того, чтобы никто из детей на протяжении школьного обучения не почувствовал себя притесненным со стороны сверстников. Однако, как показывает практика, можно существенно снизить проявление агрессивности в школе.

Эта проблема связана с решениями на разных уровнях: на уровне государства – поддержка воспитательно-образовательных программ; на уровне школы – введение правил, уставов; на уровне классов – создание условий для эффективного общения и взаимодействия детей; на уровне индивидуального поведения учителя – внимательность в отношении взаимодействия детей и собственное позитивное отношение с ними.

В Норвегии 20 лет применяется (и с 2001 года имеет статус приоритетной общенациональной программы) разработанная ученым Ольвеусом программа по созданию нормальной школьной среды: уважительной, теплой, с установленными границами

поведения, но без карательных последствий нарушения этих границ. Применение программы Ольвеуса на 30–50% сокращает число жертв травли и снижает уровень вандализма, воровства, пьянства и прогулов.

В настоящее время существует множество программ в разных странах мира по предотвращению школьной травли. Во все этих программах есть общие пункты, такие, как:

- регулярные анонимные опросы школьников о существовании травли;
- обсуждение данной проблемы на классных, школьных и родительских собраниях;
- разработка самими учениками кодекса поведения;
- усиление внимания учителей к поведению детей на переменах и во дворе школы;
- обучение учителей стратегиям профилактики травли.

Именно учитель должен вовремя заметить травлю, разобраться в ее причинах и прекратить ее. Очень важно обращать внимание на работу, как с жертвами, так и с обидчиками.

Учителя младших классов могут использовать для профилактической работы пособие Е.И. Лернера «Я не дам себя обижать» по развитию у детей навыков уверенного поведения.
Для профилактики школьной травли, а также для развития у детей сочувствия к другим людям можно использовать средства искусства: чтение литературных произведений, просмотр фильмов с их последующим обсуждением.

Есть разные способы, помогающие учителю нормализовать ситуацию между участниками травли. Поняв причины этого явления, можно включить как жертву, так и обидчика в новые для них социальные роли, которые дадут возможность этим детям проявить себя и удовлетворить свои насущные потребности в общении, признании.

Учитель с негативным восприятием себя испытывает чувство незащищенности, воспринимает окружающих через призму своих стрессов и тревог, обращается к авторитарному стилю общения с детьми как к средству психологической самозащиты.
Например, узнав, что один из зачинщиков постоянных потасовок в седьмом классе является к тому же и негласным лидером, директор школы сказал: «А давайте он будет самым главным дежурным по школе, проверяющим посты». Поведение подростка изменилось, ему было где себя проявить, причем с лучшей стороны.

В профилактике и предотвращении школьной травли велика роль родителей. Чтобы не сделать из своего ребенка ни жертву, ни обидчика, важно поддерживать у него адекватную самооценку, не унижать, не превозносить, стараться обсуждать школьные дела и отношения, не вынося безапелляционных оценок. Нужно рассматривать поведение ребенка и его одноклассников с разных позиций, обучая умению встать на место другого, почувствовать его переживания и в то же время, помогая научиться регулировать свои действия, не поддаваться на провокацию, сказать «нет», если необходимо, обратиться за помощью к взрослым. Ведь очень часто наиболее страшные эпизоды школьной травли разворачиваются или в самой школе, или рядом с ней, а жертва терпит побои и унижения, стесняясь привлечь к себе внимание.

Особенно важно со стороны родителей искренне интересоваться делами своего ребенка в классе, его ролями в классных делах, отношениями с одноклассниками, учителями, более старшими и более младшими детьми. Они не должны отмахиваться, как от незначимого и несерьезного, от возникающих проблем во взаимодействии ребенка со сверстниками. Такое бесчувствие со стороны близких может привести к трагедии. В настоящее время увеличилась частота убийств и самоубийств школьников, а также нервно-психических заболеваний на почве школьных взаимоотношений.

Проблема школьной травли серьезна и значительна, разнообразие причин этого явления велико: от особенностей воспитания и внешней ситуации до индивидуальных особенностей детей и немотивированной агрессии.

Очень важно, чтобы школьная травля не становилась типичным явлением, а агрессия не рассматривалась как норма поведения. Ведь еще есть надежда, что пластичная психика

детей, развивающееся самосознание подростков и мудрость взрослых помогут преодолеть последствия неадекватных ролей, которые сознательно или вынужденно проигрываются многими людьми в своей детской и подростковой жизни.

26 Слайд Заключение…

Мы попытались отразить наш опыт понимания того, как в реальных условиях в современной России специалисты образовательных учреждений могут столкнуться с проблемой травли детей. Мы отдаем себе отчет в том, что при тех перегрузках, которые они испытывают по своей основной специальности, им вроде бы не до тонкостей понимания всех аспектов этого сложного медико-социально-психолого-педагогического, в широком смысле этого слова, явления. Однако мы уверены и в том, что основная информация по каждому разделу заинтересованными будет усвоена. Еще раз повторюсь, что одной из прагматических целей является попытка с вашей помощью улучшить профилактику школьного буллинга.

Удачи и здоровья Вам!

Жизни Вам и Вашим детям в мире и без насилия!

ЗАЩИТА ПРАВ И ДОСТОИНСТВА РЕБЁНКА В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТАХ

Конвенция ООН о правах ребёнка даёт определение понятия «жестокое обращение» и определяет меры защиты (ст.19):

- Государства-участники принимают все необходимые законодательные, административные, социальные и просветительные меры с целью защиты ребенка от **всех форм физического или психологического насилия**, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации, включая сексуальное злоупотребление, со стороны родителей, законных опекунов или любого другого лица, заботящегося о ребенке.
- Такие меры защиты, в случае необходимости, включают эффективные процедуры для разработки социальных программ с целью предоставления необходимой поддержки ребенку и лицам, которые о нем заботятся, а также для осуществления других форм предупреждения и выявления, сообщения, передачи на рассмотрение, расследования, лечения и последующих мер в связи со случаями жестокого обращения с ребенком, указанными выше, а также, в случае необходимости, для возбуждения судебной процедуры.

Также **Конвенция ООН о правах ребёнка** устанавливает:

- обеспечение в максимально возможной степени здорового развития личности (ст.6)
- защиту от произвольного или незаконного вмешательства в личную жизнь ребёнка, от посягательств на его честь и репутацию (ст.16)
- обеспечение мер по борьбе с болезнями и недоеданием (ст.24)
- признание права каждого ребёнка на уровень жизни, необходимый для физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития (ст.27)
- защиту ребёнка от сексуального посягательства (ст.34)
- защиту ребёнка от других форм жестокого обращения (ст.37)

- меры помощи ребёнку, явившемуся жертвой жестокого обращения (ст.39), чтобы содействовать физическому и психологическому восстановлению и социальной реинтеграции ребенка, являющегося жертвой: любых видов пренебрежения, эксплуатации или злоупотребления, пыток или любых других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения, наказания или вооруженных конфликтов. Такое восстановление и реинтеграция должны осуществляться в условиях, обеспечивающих здоровье, самоуважение и достоинство ребенка.

Уголовный кодекс РФ предусматривает ответственность:

- за совершение физического и сексуального насилия, в том числе и в отношении несовершеннолетних (ст.106-136)
- за преступления против семьи и несовершеннолетних (ст.150-157)

Семейный кодекс РФ гарантирует:

- право ребёнка на уважение его человеческого достоинства (ст.54)
- право ребёнка на защиту и обязанности органа опеки и попечительства принять меры по защите ребёнка (ст.56)
- лишение родительских прав как меру защиты детей от жестокого обращения с ними в семье (ст.69)
- немедленное отобрание ребёнка при непосредственной угрозе жизни и здоровью (ст.77)

Закон РФ «Об образовании»

- утверждает право детей, обучающихся во всех образовательных учреждениях, на уважение их человеческого достоинства (ст.5)
- предусматривает административное наказание педагогических работников за допущенное физическое или психическое насилие над личностью ребёнка (ст.56)

ПОНЯТИЕ О ФОРМАХ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ДЕТЬМИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РЕБЕНКА

Ребенок должен быть защищен от всех форм небрежного отношения, жестокости и эксплуатации.

Принцип 9 Декларации прав ребенка
(20 ноября 1959 года)

Конвенция о правах ребенка (2 сентября 1990 года), ратифицированная СССР, предусматривает обязательство государства защитить детей от жестокого обращения:

«Статья 37: Государства – участники обеспечивают, чтобы: ни один ребенок не был подвергнут пыткам или другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращении или наказания».

Международные правовые акты не дают конкретного определения жестокого обращения с ребенком. Каждое государство должно разработать свои механизмы защиты детей от жестокости, насилия, эксплуатации.

В настоящее время российское законодательство не дает четкого определения термина «жестокое обращение с детьми», но само понятие впервые появилось в Кодексе о браке и семье РСФСР в 1968 году. В Кодексе жестокое обращение с детьми было включено в перечень оснований для лишения родителей родительских прав.

Авторы, исследующие проблему жестокого обращения с детьми, предлагают следующее определение.

Жестокое обращение с детьми – действия (или бездействие) родителей, воспитателей и других лиц, наносящее ущерб физическому или психическому здоровью ребенка.

Выделяют несколько видов жестокого обращения: физическое, сексуальное, психическое (эмоционально дурное обращение) насилие, отсутствие заботы (пренебрежение основными потребностями ребенка).

Физическое насилие – действия (бездействие) со стороны родителей или других взрослых, в результате которых физическое и умственное здоровье ребенка нарушается или находится под угрозой повреждения.

Физическое насилие над ребёнком вызывает поведенческие и психологические нарушения развития личности, что выражается в:

- задержке развития, малоподвижности;
- дети могут становиться агрессивными, тревожными;
- могут быть необычайно стеснительными, нелюбопытными, избегать сверстников, бояться взрослых и играть только с маленькими детьми, а не с ровесниками;
- появляется страх физического контакта, боязнь идти домой; тревога, когда плачут другие дети;
- возникают неврозы, которые выражаются в появлении тиков, сосании пальцев, раскачивание и т.п..

Признаки явного физического насилия над ребенком проявляются в наличии:

- Ран и синяков:

- разные по времени возникновения;
- в разных частях тела (например, на спине и груди одновременно);
- непонятного происхождения;
- имеют особую форму предмета (например, форму пряжки ремня, ладони, прута).

- Ожогов:

- топография ожогов различна, но чаще они расположены на стопах, кистях, груди, голове. Как правило, это контактные ожоги горячими металлическими предметами и

сигаретами. Ожоги от прижигания сигаретами имеют резко очерченные округлые контуры, после заживления остаются слабая пигментация и слегка втянутый центр.

- Укусов.
- «Синдром тряски ребенка»:

- возникает, когда взрослый, схватив ребенка за плечи, сильно трясет его взад и вперед, при этом сила воздействия на кровеносный сосуды мозга такова, что могут произойти кровоизлияние в мозг или ушиб мозга; у ребенка наблюдаются кровоизлияния в глаза, тошнота, рвота, потеря сознания, одновременно выявляются сопутствующие признаки физического насилия- синяки на плечах, груди, имеющие отпечатки пальцев.

Заподозрить физическое насилие над ребенком можно, если:

- родители поздно обращаются за медицинской помощью или инициаторами обращения являются другие люди;
- у ребёнка имеются следы травм различной давности;
- родители дают противоречивые, путаные объяснения случившемуся;
- родители обвиняют ребенка в нанесении самоповреждений;
- родители не оказывают ребенку поддержки при медицинском осмотре;
- у родителей отсутствует обеспокоенность за здоровье ребенка или, напротив, демонстрируется преувеличенная забота (псевдолюбовь)
- в анамнезе ребёнка имеются повторные госпитализации в стационар с травмами различного характера.

Отсутствие заботы о детях (пренебрежение основными потребностями ребенка) – невнимание к основным нуждам ребенка в пище, одежде, медицинском обслуживании, присмотре.

Влияние на ребенка:

- не растет, не набирает подходящего веса или теряет вес;
- ребенок брошен, находится без присмотра, не имеет подходящей одежды, жилища;
- нет прививок, нуждается в услугах зубного врача, плохая гигиена кожи, запущенное состояние детей (педикулез, дистрофия);
- не ходит в школу, прогуливает школу, приходит на занятия слишком рано и уходит из школы слишком поздно;
- устает, апатичен, может иметь отклонения в поведении.

Психическое насилие (эмоционально дурное обращение с детьми):

- обвинения в адрес ребенка (брань, крики);
- принижение его успехов, унижение его достоинства;
- отвержение ребенка;
- длительное лишение ребенка любви, нежности, заботы и безопасности со стороны родителей;
- принуждение к одиночеству;
- совершение в присутствии ребенка насилия по отношению к супругу или другим детям;
- причинение боли домашним животным с целью запугать ребенка.

Влияние на ребенка:

- задержка в физическом, речевом развитии, может наблюдаться задержка роста (у дошкольников и младших школьников);
- ребёнок становится импульсивным, взрывным, злым, имеет вредные привычки (сосание пальцев, вырывание волос);
- у ребёнка может наблюдаться потеря смысла жизни, цели в жизни (у подростков), даже попытки совершения самоубийства;
- или наоборот ребёнок становится уступчивым, податливым;
- у некоторых детей наблюдаются ночные кошмары, нарушение сна, страх темноты, боязнь людей, их гнева;

- часто присутствуют депрессивные состояния, печаль, беспомощность, безнадежность, заторможенность.

Сексуальное насилие над детьми – любой контакт или взаимодействие, в котором ребенок сексуально стимулируется или используется для сексуальной стимуляции.

Влияние на ребенка:

- ребенок обнаруживает странные (причудливые), слишком сложные или необычные сексуальные познания или действия;
- может сексуально приставать к детям, подросткам, взрослым;
- может жаловаться на зуд, воспаление, боль в области гениталий;
- может жаловаться на физическое нездоровье;
- девочка может забеременеть;
- ребенок может заболеть болезнями, передающимися половым путем;
- скрывает свой секрет (сексуальные отношения со взрослым или со сверстником) из-за беспомощности и привыкания, а также угроз со стороны обидчика.

Распознавание признаков жестокого обращения с детьми и пренебрежения родительским долгом является **обязанностью** сотрудников органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Не всегда эти признаки очевидны и часто лишь внимательное общение с ребенком и его родителями может выявить жестокое обращение с детьми.

Однако, существуют **явные признаки, которые требуют немедленного информирования правоохранительных органов:**

- следы побоев, истязаний, другого физического воздействия;
- следы сексуального насилия;
- запущенное состояние детей (педикулез, дистрофия и т.д.);
- отсутствие нормальных условий существования ребенка:

- антисанитарное состояние жилья, несоблюдение элементарных правил гигиены,
- отсутствие в доме спальных мест, постельных принадлежностей, одежды, пищи и иных предметов, соответствующих возрастным потребностям детей и необходимых для ухода за ними;
- систематическое пьянство родителей, драки в присутствии ребенка, лишение его сна, ребенка выгоняют из дома.

Если сотрудники органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в процессе исполнения своих должностных обязанностей выявляют у детей перечисленные выше явные признаки жестокого обращения, то они обязаны:

- принять меры по оказанию помощи ребенку;
- направить информацию в правоохранительные органы - для привлечения к ответственности лиц, допустивших жестокое обращение;
- направить информацию в органы опеки и попечительства - для решения вопроса о немедленном отобрании ребенка у родителей или у других лиц, на попечении которых он находится;

Основные задачи руководителей и специалистов органов и учреждений системы профилактики в случаях выявления фактов жестокого обращения с детьми

Основные задачи руководителей и специалистов органов и учреждений системы профилактики:

- проводить профилактические мероприятия по предупреждению жестокого обращения с детьми;

- внимательно относиться к внешним проявлениям случаев жестокого обращения с детьми;
- оперативно информировать правоохранительные органы о выявленных случаях жестокого обращения с детьми;
- проводить работу по реабилитации жертв насилия.

Виды ответственности лиц, допускающих жестокое обращение с детьми в соответствии с российским законодательством.

В российском законодательстве существует несколько видов ответственности лиц, допускающих жестокое обращение с ребенком.

Административная ответственность.

Лица, допустившие пренебрежение основными потребностями ребенка, не исполняющие обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних, подлежат административной ответственности в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (ст. 5.35). Рассмотрение дел по указанной статье относится к компетенции комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Уголовная ответственность.

Российское уголовное законодательство предусматривает ответственность лиц за все виды физического и сексуального насилия над детьми, а также по ряду статей – за психическое насилие и за пренебрежение основными потребностями детей, отсутствие заботы о них.

Примеры:

- ст. 111 (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью),
- ст. 112 (умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью),
- ст.113 (причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта),
- ст.115 (умышленное причинение легкого вреда здоровью),
- ст.116 (побои),
- ст.117 (истязание),
- ст. 118 (причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью по неосторожности),
- ст. 131 (изнасилование);
- ст.132 (насильственные действия сексуального характера);
- ст.133 (понуждение к действиям сексуального характера),
- ст. 134 (половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим четырнадцатилетнего возраста);
- ст. 135. (развратные действия);
- ст.125 (оставление в опасности);
- ст.124 (неоказание помощи больному);
- ст. 156 (неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего),
- ст. 157 (злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей);
- ст. 110 (доведение до самоубийства);
- ст. 119 (угроза убийством или причинение тяжкого вреда здоровью) и другие.

Гражданско-правовая ответственность.

Жестокое обращение с ребенком может послужить основанием для привлечения родителей (лиц, их заменяющих) к ответственности в соответствии с семейным законодательством.

Пример:

- лишение родительских прав (ст. 69 Семейного кодекса Российской Федерации);
- ограничение родительских прав (ст. 73 Семейного кодекса Российской Федерации);

- отобрание ребенка при непосредственной угрозе жизни ребенка или его здоровью (ст. 77 Семейного кодекса Российской Федерации).

Дисциплинарной ответственности могут быть подвергнуты должностные лица, в чьи обязанности входит обеспечение воспитания, содержания, обучения детей, допустившие сокрытие или оставление без внимания фактов жестокого обращения с детьми.

Действия сотрудников органов и учреждений системы профилактики при обнаружении явных признаков жестокого обращения с ребенком.

Действия педагогов образовательных учреждений.

В случае выявления явных признаков жестокого обращения с ребенком:

1) немедленно направить служебную записку руководителю образовательного учреждения о выявленном случае жестокого обращения с ребенком;

2) руководитель образовательного учреждения немедленно сообщает по телефону (затем, в течение дня направляет письменную информацию) о выявленном случае жестокого обращения с ребенком в органы опеки и попечительства для проведения обследования условий жизни и воспитания ребенка;

3) специалист по охране прав детства совместно со специалистом образовательного учреждения, сотрудника органов внутренних дел (при необходимости) незамедлительно проводит обследование условий жизни и воспитания ребенка, по результатам которого составляется акт обследования;

4) по итогам проведенных мероприятий руководитель образовательного учреждения немедленно направляет в правоохранительные органы информацию о выявлении признаков жестокого обращения с ребенком, зафиксировав номер исходящего сообщения, приложив акт обследования условий жизни и воспитания ребенка, оставив копии сообщений и прилагаемых материалов в документах по делопроизводству;

5) руководитель образовательного учреждения направляет информацию о выявлении признаков жестокого обращения с ребенком в комиссию по делам несовершеннолетних, зафиксировав номер исходящего сообщения, оставив копии сообщений и прилагаемых материалов в документах по делопроизводству.

Действия медицинских работников образовательных учреждений.

В случае выявления явных признаков жестокого обращения с ребенком:

1) провести медицинскую оценку состояния ребенка-жертвы жестокого обращения, зафиксировав данные в медицинской карте;

2) при необходимости госпитализировать ребенка, подвергшегося жестокости;

Действия сотрудников органа опеки и попечительства.

Действия, предусмотренные статьей 77 Семейного кодекса Российской Федерации:

при получении информации о непосредственной угрозе жизни ребенка или его здоровью, носящей прямой и явный характер, не вызывающей сомнения в возможности наступления негативных последствий в виде смерти, причинения телесных повреждений или иного вреда здоровью ребенка в силу самых разнообразных причин (избиения родителями, от голода из-за непредоставления пищи, истязаний и т.п.):

1) выйти на место для обследования условий жизни и воспитания ребенка (при необходимости – с участием сотрудников правоохранительных органов), составить соответствующий акт;

2) вынести по результатам рассмотрения сообщения о наличии такой угрозы акт об отобрании ребенка (постановление, распоряжение главы муниципального образования);

3) исполнить данный акт немедленно (при необходимости – с участием сотрудников правоохранительных органов);

4) незамедлительно уведомить об отобрании ребенка у родителей прокурора, который при наличии соответствующих оснований принимает меры, предусмотренные законом;

5) обеспечить временное устройство ребенка (поместить в приют, социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних, дом ребенка;

6) в течение семи дней после издания акта об отобрании ребенка обратиться с иском в суд о лишении родителей родительских прав или об ограничении их родительских прав

Действия, предусмотренные статьей 69 Семейного кодекса Российской Федерации:

при поступлении информации о жестоком обращении родителей с ребенком:

1) направить сообщение в правоохранительные органы для привлечения к установленной законом ответственности, зафиксировав номер исходящего сообщения, оставив копии в документах по делопроизводству;

2) направить сообщение в комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав, зафиксировав номер исходящего сообщения, оставив копии в документах по делопроизводству;

3) готовить материалы в суд для возбуждения дела о лишении родительских прав.

Действия сотрудников социозащитных учреждений.

В случае выявления явных признаков жестокого обращения:

1) провести совместно со специалистами органов опеки и попечительства и при необходимости – сотрудниками органов внутренних дел обследование условий жизни и воспитания ребенка, составить акт обследования;

2) направить служебную записку руководителю учреждения о выявленных признаках жестокого обращения с ребенком, приложив акт обследования;

3) руководитель учреждения направляет информацию о выявленных признаках жестокого обращения с ребенком в правоохранительные органы, зафиксировав номер исходящего сообщения, оставив копии сообщений и прилагаемых материалов в документах по делопроизводству;

4) руководитель учреждения направляет информацию о выявленном случае жестокого обращения с ребенком в комиссию по делам несовершеннолетних, зафиксировав номер исходящего сообщения, оставив копии сообщений и прилагаемых материалов в документах по делопроизводству.

Действия сотрудников комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав:

1) поступающую информацию от органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних:

- зафиксировать в документах по делопроизводству;
- отразить в соответствующей графе ежемесячного отчета о работе с семьями, находящимися в социально опасном положении, направляемого в областную комиссию;
- проанализировать и выявить причины и условия, способствовавшие жесткому обращению с ребенком;
- организовать профилактическую работу по предупреждению данных явлений;

- организовать индивидуально – профилактическую работу по реабилитации несовершеннолетних жертв насилия;

2) при поступлении информации о жестоком обращении с ребенком от граждан, дать поручение социальным педагогам или сотрудникам социозащитных учреждений провести обследование условий жизни и воспитания ребенка;

по результатам акта обследования направить сообщение в правоохранительные органы для привлечения к установленной законом ответственности, зафиксировав номер исходящего сообщения, оставив копии сообщений и прилагаемых материалов остаются в документах по делопроизводству;

3) при получении административного протокола, составленного на родителей по статье 5.35 КоАП РФ (неисполнение родительских обязанностей), в материалах к которому содержится информация об антисанитарном содержании жилья, несоблюдении элементарных правил гигиены, отсутствии в доме спальных мест, постельных принадлежностей, одежды, пищи и иных предметов, необходимых для обеспечения должного ухода за детьми, о систематическом пьянстве родителей, даже если ранее родители не привлекались к административной ответственности по указанной статье, необходимо направить сообщение в правоохранительные органы для проведения соответствующей проверки и решения вопроса о возбуждении уголовного дела в отношении родителей, жестоко обращающихся с детьми.

Приложение № 1

Начальнику РОВД _____ района
г._____
(должность, место работы)

Заявление

" __" _____ 200____ года в ____ часов _____ минут были обнаружены (указать кем) признаки жестокого обращения с несовершеннолетним (указать несовершеннолетнего, в отношении которого было допущено жестокое обращение, его место жительства, место учебы), в отношении которого неустановленными лицами (либо указать конкретных лиц, если они известны потерпевшему) были совершены (указать совершенные действия). Признаками, дающими основания подозревать жестокое обращение, являются (указать конкретные признаки).

Прошу рассмотреть вопрос о привлечении к установленной законом ответственности.

"___"_____200__года

_____ _____ _____
(должность руководителя) (подпись) (Ф.И.О.)

Приложение № 2

Межведомственная форма учета сведений о несовершеннолетних, пострадавших в результате насилия в семье

1. Ф.И.О несовершеннолетнего, дата рождения:
   _____
   _____
2. Дата, время и место проявления насилия в отношении несовершеннолетнего:
   _____

3. Источник получения информации: _____
_____

3. Адрес проживания, социальный статус семьи:
   _____
   _____
4. Сведения об обидчике: степень родства, возраст, место проживания,

---

место работы_____
5. Краткое описание случившегося:_____
6. Последствия:_____
7. Принятые меры:
   _____
   _____

"___"_____200__года

_____ _____ _____
(должность руководителя) (подпись) (Ф.И.О.)

Волгоградская
региональная благотворительная
общественная организация

КЛУБ ЮНЕСКО «ДОСТОИНСТВО РЕБЕНКА»

400074 Волгоград
ул. Социалистическая, 23
тел. (8442) 98 24 85
e-mail: unescovlg@mail.ru

Составитель, оригинал-макет:
Ирина Маловичко